

Евгений Клюев

Музыка на Титанике

more music

евгений клюев

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

ЕВГЕНИЙ КЛЮЕВ

Музыка на Титанике

Москва 2014

УДК 821.161.1-1

ББК 84Р7-5

К52

К52 **Клюев Е. В.**

Музыка на Титанике. — М.: Время, 2014. —
320 с. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-1192-9

В новый сборник стихов Евгения Клюева включено то, что было написано за годы, прошедшие после выхода поэтической книги «Зелёная земля». Писавшиеся на фоне романов «Андерманир штук» и «Translit» стихи, по собственному признанию автора, продолжали оставаться главным в его жизни.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-1192-9

9 785969 111929

© Евгений Клюев, 2014

© «Время», 2014

ЧТО ДЕЛАТЬ ЭТОМУ ФАНТУ?

ОТ АВТОРА

К автору этих строк
век был не слишком строг:
в общем, не бил по рукам... по строкам
автора этих строк.
Впрочем, и автор сам
их не ему писал —
собственно, он их писал облакам,
собственно, небесам.

Нету таких веков,
нету таких оков,
и не бывает таких дураков —
взять да и променять
на, например, альков
шествие облаков —
всех этих белых коней без подков
медленный променад.

Я бы, наверно, мог
увековечить век —
или хотя бы стать с ним наравне,
если б я только мог,
если бы я привык
числить себя в живых,
если б я был человеком, а не
автором этих строк.

* * *

Да нет, никуда я никем не зван —
я просто иду на звон:
я слышу звон, но не знаю, где он,
и знать не хочу, где он.

Должно быть, мне хорошо в пути
и нравятся звуки над!
А кто и зачем там звенит — прости,
мне, в общем-то, дела нет:
ведь так и былинка идёт — на свет,
ведь так и любовь — на взмах,
и каждый идущий вслепую свят,
и весело нам впотьмах!

Небесный меня отпоёт ксилофон,
а может быть, барабан:
жил, значит, на свете такой болван,
который, мол, шёл на звон —
мол, слышал звон, но не знал, где он,
и знать не хотел, где он.

* * *

Переписываться с Всевышним,
перемигиваться с вчерашним,
перешёптываться с дождём —
больше нет у меня умений,
и затянут туго ремень мой:
с чем приходим, с тем и уйдём.

И какую пришёл дорогой —
той уйдёшь, ничего не трогай
в этом мире: он весь не твой,
он хорош лишь, пока не тронут
и покуда грома не грянут
над твоею над головой —

а тогда уж твой жребий жалок...
Не касайся опорных балок,
не ступай на апрельский лёд,
не ходи по чужим газонам
и по прочим опасным зонам —
не влезай, дорогой: убьёт!

А они набирают опыт,
метят в цель, в барабаны лупят...
столько всякого на лотках:
у того в руках арматура,
у другого литература...
у меня — ничего в руках.

* * *

В свою защиту я скажу... увы,
слова мои совсем без головы —
мне нечего сказать в свою защиту:
лечу, не признавая запятых,
и только раздражаю понятых
тем, что кучу, но не плачу по счёту,
тем, что шучу — и сам же хохочу,
что брызгаю чернила на парчу,
что прогоняю прочь любую тучу
и что не позволяю палачу
меня любовно хлопать по плечу,
что сам не мучусь и других не мучу.
А дальше — что же... дальше промолчу
и радоваться сердце научу,
что снег пока не выпал и дождя нет,
что я живу на свете наугад:
немолод, неумён и небогат.
Но мой сурок меня сопровождает.

СОХРАНИТЬ КАК ЧЕРНОВИК

1

Тут такие на деревьях золотые плоды —
словно все произошли от звезды,
и такой тут на дорожке текучий песок,
словно мёд и абрикосовый сок,
и такой у Пантократора пламенный лик,
что на небесах растрескался лак,
и в пяти шагах такая херувимская рать...
ах ты, Боже мой, да что ж говорить!

У тебя пока остались все твои острова,
твоя книжка записная именами полна,
ты читаешь в этой книжке дорогие слова,
а тот факт, что их качает волна,
просто значит, что подул ветерок с Фуресё
или, может быть, качнулся Шираз.
Так что... если будешь клямкать на «удалить всё» —
подумай ещё раз.

2

А потом, мой ангел, делай что захочешь:
хотьними пометку, хоть добавь пометку,
посади на крышу или, вот, на ветку,
игнорируй или заверни в салфетку —
есть ведь разные весёлые команды:

«передать на небо», «вырвать из контекста»,
«привязать зелёный бантик из батиста»,
«сжечь на площади Протеста в три присеста»,
«выпить на ночь», «вылить на пол» — вот атас-то,
всё указано в меню, любая стерлядь!
Так что выбрать — это, в общем, уже мелочь,
можно выбрать, кстати, «ничего не делать»,
чтобы, стало быть, не мудрствовать особо,
как учил нас драгоценный Антон Палыч,
и на том ему огромное спасибо.

3

«Не запоминать меня»:
я исчез за поворотом
шарфом, зонтиком, беретом —
нет, фрегатом, нет, корветом,
было весело — чего там...
Не запоминать меня!

Мне никто тут не родня.
Волк, Медведь, Лиса и Заяц,
Вы, простите, обознались —
обозлились, обознались,
Ваш неправилен анализ,
не запоминать меня!

Целый белый свет браня,
я садовником родился,
ни на что не пригодился,
и в душе моей броня,
я давно уже далече,
я вернусь в другом обличьи,
и дорогами другими,
и нося другое имя —
не запоминать меня!

* * *

Я вчера ходил с шарманкою в первый раз,
и играл любые песенки на заказ,
и собрал немножко денежек для житья... —
я не знаю, что здесь делает это «я».

Непонятно даже, чьё оно, видит Бог —
залетело, словно, стало быть, голубок,
голубок такой... в три тысячи децибел:
всё разнёс к чертям и гуляет, как тут и был!

Это «я» чужое обычно бушует там,
где предметы не расставлены по местам,
где меж ними странствует ветер и до поры
всё легко — хоть провалиться в тартарары.

Тут король к самому себе нанялся шутом,
тут бродяжка на всём обедает золотом
и такая любовь меж вороной и соловьём,
что из этой любви не выходит никто живьём.

Я умру за тебя — и не примет меня земля,
ты умрёшь за меня — и сотрутся твои черты.
Я не знаю, что здесь делает это «я».
Я не знаю, что здесь делает это «ты».

***

Эту лёгкую строчку волною прибило,
а вот этой, тяжёлой, — ударило в ставню...
ах, махну-ка рукой, расскажу всё как было
и ни тайны себе за душой не оставлю.
Но смешны мои тайны, просты мои тайны:
этот трепетный образ был пойман на рынке,
а вот этот — когда я, по небу летая,
обнаружил две розно порхавших пылинки.
Я из этой вот лужи пил воду святую,
из вот этой тюрьмы любовался рассветом,
а вот в этой траве я нашел запятую,
после ставшую точкой, но дело не в этом.
Я на этих гвоздях танцевал под сурдинку
и, от боли крича, объяснял, что ликую,
а сюда, до угла, провожал Эвридику —
может, даже и ту... я не помню какую.
А вот тут я простился с одною странною,
обменяв у таможника шило на мыло,
но и это неправда, как всё остальное,
потому что всё было не так — а как было.

ХРАБРЫЙ ПОРТНЯЖКА

Карандаш на скаку, рукава по локоть засучены — хоть такой вот аспект... но забудем и этот аспект: я и так накроил столько всякой, голубчики, всячины, что, боюсь, мне и сшить-то всего не успеть. Правда, можно ведь шить — есть идея такая навязчивая — как прикажет душа (дескать, вот аж куда повело!), на глазок, на авось: приторачивая, оторачивая и опять приторачивая... хорошо, веселó!

А при чём тут на шляпе карман и на галстук вытачки, на душе два весёлых помпона, а в горле аршин — без меня разбирайтесь, портные классической выучки, я-то храбрый портняжка, и как уж пошил — так пошил. Я-то храбрый портняжка, и где появляюсь с кошёлкою, все голубчики прячут под лавки работу свою, опасаясь, что я им, пожалуй, такого нащёлкаю и такого ещё накрою им... на самом краю!

Так в безумьи кроют, так поют под бичом и под розгами, так, в восторге от ножниц, кроит свою песнь идиот, наполняячи мир прихотливейшей формы обрезками... Будет время — сошью. Только мало кому подойдёт.

* * *

Отдельность — вообще — не знает, что ей делать,
не знает, где ей жить, не знает, как ей быть,
и начинает прясть, запутавшись в куделях,
стихи на золотых полотнах голубых,
и хочет объяснить, что ей никто не нужен,
но, устрасась обид, не сможет объяснить —
и мелет чепуху, что организм простужен,
что не идёт строка, что оборвалась нить,
и, верная своей привычке многолетней,
пойдёт пройтись под дождь, в истрёпанном плаще,
и на прямой вопрос «нельзя ли поконкретней?»
не скажет ничего, а только вообще —
на всё — махнёт рукой, и поминай как звали:
ей это ни к чему — перечислять детали,
тем более — считать по осени цыплят.
И Бог далёкий наш, над облаками рея,
возьмёт и распахнёт пред нею эмпирей —
конкретные весьма... на непредвзятый взгляд.

* * *

Вы читали?
Нет... не читали,
мы тогда высоко летали —
в тот момент, когда все читали:
мы тогда небеса латали
в соседнем квартале
листами стали,
по горизонтали,
и поэтому не читали,
но это, понятно, детали —
извините, что не читали...
да и сами давно не писали —
занимались одними небесами,
написать ничего не успели:
летали и пели,
а очнулись не то в капелле,
не то в купели
под стук капели —
и вообще ничего не успели,
поскольку — пали
в чистом поле,
от шальной пули.

***

Отпустить летать по небу мысли,
провести сентябрь в пустынном кресле
и смотреть себе в окно перед собой —
где поют и шествуют гурьбой
слон малиновый и буйвол голубой,
медный лев и серебристый гризли,
пёс оранжевый и конь рябой...
Нету слов у Иоанна Богослова,
чтоб закончить этот ряд, идущий слева
и направо, — буйствует набат,
все куранты бьют, все всадники трубят,
время в страхе выгнуло хребет...
Жизнь сложилась, в общем-то, счастливо —
непонятно, отчего знобит:
словно не на всех тут наберётся
счастья, и пустыни, и багрянца,
словно тут не каждому дано
ткать и ткать своё сердечное панно,
на котором кротко запечатлено
праздничное шествие зверинца.

***

Это я не к тому, что, мол, если не я — тогда кто же: кто-нибудь да найдётся всегда — дописать за меня, за него, за неё и — за всех, ибо все мы похожи, ибо все мы родня.

И не то чтобы мы из какого-то общего теста — мы из общего текста на медленном том языке, от которого не уклониться и не отвертеться со свистулькой в руке.

Все мы родом из текста: семейство сплочённое знаков, признающих один только температурный режим, мы семейство сплочённое знаков, чей смысл одинаков и умопостижим.

Но характер пера — это дело уже наживное, это дело уже кружевное, характер пера... тут сбиваться с пути, тут спиваться снегов белизною, тут не спать до утра, тут нести окоlesiцу, не находить себе места, ненадёжный узор из вчерашнего снега лепя, и навеки покинуть язык, и покинуть семейство, и покинуть себя, и забыться в компании весельчака-снегопада — замусоленных кружев свалявшихся полный кулак! — и почти не заметить, как выпал из общего ряда некий знак, и уже никогда не найти этот знак.

***

И ещё я вот что скажу... нет, не то скажу:
я всегда говорю не то — и на том стою:
на краю стою, и кривую строку свою
не себе сдаю, а какому-нибудь чижу.

Да и то сказать — важно ведь и не то сказать,
и кому ж тогда, как не мне? — никому тогда,
а без этого у нас чтó вокруг — у нас тишь да гладь,
между тем как во облацех мгла и темна вода.

Кому истина — кому музыка, дорогой дружок,
кому новости — кому шалости: тут такой закон.
А что я чужак на земле своей — так и тут чужак,
лексикон — мой дом, и отечество — лексикон.

У тебя права, дорогой дружок, — у меня слова,
и поёт моё, и щебечет моё призвание:
что страна не та, что формат не тот, что строка крива,
да не выровнять по формату мне поле рваное.

* * *

Бог упаси, никого не сужу —
тихо-претихо на ветке сижу,
но, сидя на ней, никому не служу
и не буду служить никогда.

Стало быть, сидя на ветке в саду,
дую в пустую такую дуду,
совсем ничего не имея в виду —
ни я сам, ни тем паче дуда.

Дую в пустую такую дуду
да выдуваю одну ерунду,
но и ерунду не имею в виду,
как бы кто бы там ни утверждал,
что выдуватель воздушных шаров
вовсе не есть выпускаватель паров —
он есть, так сказать, созидатель миров:
демиург, верховода, бахвал!

Всё это, знаете ли, до поры,
ибо однажды наскучат миры
и ты вдруг устанешь от этой муры —
и, празднуя выдох и вдох,
выдохнешь, сколько вдохнешь из дуды,
хватит на песенку — вот и лады,
только уж ничего не проси за труды:
Бог не платит, на то он и Бог.

* * *

Ну зачем тебе, скажи, эта песня?
Я уже давно забыл, как там было:
нету смысла помнить бал после бала —
открутилась уже эта томбола,
и свой номер я проспал, и погоня
завершилась без меня, и богиня
раздала уже подарки лукаво —
и налево раздала, и направо.
Мне, конечно, не стоялось ни слева
и ни справа — мне стоялось в сторонке:
вот меня и не крутило в воронке
полоумного томболы припева.
Что ж тут скажешь — я всегда не на месте
и ни с кем не совпадаю по масти,
да и лгут богини напропалую...
я не помню, как там было, целую.

* * *

Простите, я этого не говорил —
я пил себе чай да в окошко смотрел,
я пил себе чай да в окошко курил
и много чего говорил:
сентябрь, говорил, наступил, говорил,
прощай, говорил, хлорофилл, говорил,
сложение и вычитание крыл
и есть наша жизнь, говорил.
Но сам никуда улетать не хотел —
всё пил себе чай да в окошко смотрел
на то, как один малолетний пострел
себе арбалет мастерил.
А я, говорил, не пострел, говорил,
и сильно уже постарел, говорил,
и нет, говорил, моих сил, говорил,
и нет, говорил, моих стрел...
но что, говорил, обойдёмся без стрел,
и что, говорил, обойдёмся без крыл,
и что, говорил, был неправ тот пострел,
так этого — не говорил!

* * *

Так я и в этом виноват?
А кто же в этом виноват?
Ты сам покинул резерват —
ты сам во всём и виноват:
что у тебя счастливый вид,
что ты здоров и плодовит,
что каждый встречный норовит
сказать тебе «привет»...
так я и в этом виноват?
И в этом виноват.
Что дух летал над бездной вод,
что танцевал небесный свод,
и что небесный садовод,
которому — виват,
ночей не спал, вставал чуть свет
и смастерил сей белый свет,
но сам тут больше не живёт:
масштаб немного мелковат...
так я и в этом виноват?
И в этом виноват.

А здесь — неточный перевод:
здесь не кружился хоровод —
здесь погибал за взводом взвод,
и тысячи подвод
везли убитых в рай и в ад,

где престарелый счетовод,
бессменный ундервуд,
строчил Новёхонький Завет, —
так я и в этом виноват?
И в этом виноват.
Их расстреляли всех — и вот
теперь тебя на казнь зовут,
сладкоголосый индивид,
последний неликвид!
А почему на казнь зовут...
какой бы дать тебе ответ:
Лужки Воловьи нарасхват,
и Откатай подуздоват...
так я и в этом виноват?
И в этом виноват.

ДЕНЬ ЗАНИМАЕТСЯ

День занимается — и занимается глупостями:
болью в виске и низанием звуков на нить.
Старый пропеллер вращает тяжёлыми лопастями,
будучи не в состоянии день изменить:

взять и поймать наконец ударение фразовое
и отпустить навсегда под шатёр золотой,
больше уже никому на земле не навязывая
тоники этой, силлабики этой пустой;

взять и поймать наконец ударение фразовое
и отпустить на свободу — свободою жить,
больше его не обуздывая, не обязывая
мыслям чужим — пусть и самым высоким — служить;

взять и поймать наконец ударение фразовое —
пусть и с трёх раз, и... лети себе, мой голубок,
в вечное небо твоё — голубое и розовое,
где проживает художник по имени Бог.

Кровельщик в крышу стучит молотками злословящими.
Как хорошо оказаться опять в дураках —
не разбираясь уже со своими сокровищами
старых открытий, разбросанных в черновиках.

* * *

Ну, если так тому и быть,
то, значит, так оно и будет —
и нас опять любовь разбудит
счастливой дудочкой своей:
она, из-за семи морей
беглянка, запоёт, задует
и снова вечность наколдует,
назажигает фонарей
на наших сумрачных путях,
натараторит всякой чуши,
и наши глупенькие души
за ней вдогонку полетят —
так молодо, так грозово,
забудут честь, забудут нечисть!
И вот... сначала будет вечность,
а вслед за нею — ни-че-го.

* * *

Просто мне писать сейчас — не с руки,
да не так мы и далеки:
между нами, в сущности, всего три строки,
где качаются огоньки!
Эх, найти бы час — или нет, полчаса,
а уж там... — привет, вот и я!
Ан сентябрь, видишь ли, давно начался
и нет повода — в те края.
А потом... скажи, зачем судьбу изнурять —
суета-сует-суета! —
и стихами жизнь свою опять измерять:
жизнь легка, да мера не та.
Соловьёв отправили на Соловки,
а я сам сказать не рискну,
что случится через — например — три строки
или даже через одну.

АРИФМЕТИКА

Прибавив яблоко к дождю...

1988

1

Прибавив яблоко к дождю... — поди-ка вспомни тот дождь, то яблоко и то, как невесомо слова кружились в голове, огни и камни и как понятна мне была их связь и сумма! А почему... а почему — я сам не знаю: предметы, числа, имена — лежали рядом и подгонялись без труда, почти вплотную, одним движеньем и одним беспечным взглядом. Равнялись птицы небесам и рыбы — рекам, равнялись звёзды островам... и чистым небом я уходил с одним хорошим человеком, который назывался бог, но богом не был. Я уходил и уносил с собой в котомке и арифметику свою, и свою веру — сложивши вместе все труды и все задумки, прибавив полночь к светлячку и к мирре серу. А там... уже не удалось разъять обратно всё, что друг с другом так сжилось и так сложилось, и так срослось, и после стало непонятно, что тут к чему и что за чем, такая жалость...

2

Прибавив яблоко к дождю... — и что ж потом?
Да как-то не было «потом» в те времена —
тогда была у нас гармония одна
во всём своём забыл каком — ах, золотом! —
и вёлся счет не так...

А впрочем, не велось
тогда счетов: тогда всего было не счастье,
и стук часов, переходивший в стук колёс,
одну лишь вечность знал — по имени Сейчас.
И всё-то было навсегда там, а отнюдь
не как-нибудь — и мир стоял, как монолит:
тогда у мира было нечего отнять,
тогда на свете было нечего делить,
и правил не было, и знали наперёд,
что хоть какую ерунду к другой добавь,
а всё равно они встряхнутся, воспарят —
и превратятся исключительно в любовь!
Там отдавалось так же просто, как бралось,
не различались апогей и перигей,
и всё обменивалось, оптом или врозь,
на снова всё, но только выделки другой.

3

Прибавив яблоко к дождю... — я повторяюсь,
всё повторяется, на том стоят стихи,
дожди и яблоки, спокойствие и ярость,
печные сполохи, кузнечные мехи,
речные всплески и ночные перелески,
пески морские и мирские голоса —
всё то, что детский наш язык, язык библейский
вместил в себя — и над собою поднялся:
такая вьючность в нём, такая в нём живучесть...
такая музыка молочная слышна!
Ах, нам, пожалуй, ничего уже не вычесть
и ничего не разделить ни на, ни на:
весы все сломаны, прошли все времена,
другими стали и длина, и ширина,
а высота переменялась и подавно,
но как возвышенно, как трепетно, как дивно
горит поставленная на помин свеча
Дождю и Яблоку — прозрачная, нагая!
И жизнь смущается, пустое лепеча,
но по привычке всё слагая и слагая...

***

А ещё я вот что тебе скажу:
ничего не бывает для.
Я за жизнью этой давно слежу —
ничего не бывает для.
Иногда нам кажется: это для —
или: это уж точно для!
Но на самом-то деле пуста земля,
пуста и безвидна земля.

А ещё я вот что тебе скажу:
ничего не бывает за —
и не зря к последнему рубежу
мы приходим, закрыв глаза.
Иногда нам кажется: там гроза —
или: там горят образа...
но, покуда действуют тормоза —
жми-ка лучше на тормоза!

Поживи пока, погуляй пока
по зелёному берегу,
поклонись, завидевши облака,
помолись речному божку,
походи по кромочке бытия,
мёд пия и песни поя, —
только не говори и не думай, как я,
и не живи, как я.

АВТОМАТИЧЕСКОЕ РОЖДЕСТВО

На макушке ёлки птичка в золочёном гнезде —
у неё внутри мотор, чтоб распевать на весь лес.
Хорошо, что батарейка в Вифлеемской звезде:
оттого пылает ярко, будет много чудес.

Будут виситься под ёлкой серебристой горой
свёртки со свистком и белкой, с пирогом и нугой —
словно кто их из-за ёлки наметает пургой
и глядит себе из щёлки: хорошо ль, дорогой?

И без спички будут свечки загораться — на взмах
то ль хвоста, то ли уздечки пряничного коня,
ты-то знаешь: это ангел их включает впотьмах,
он воздушен весь и огнен, и он любит меня!

Будет скатерть-самобранка — и возникнет в лучах
вдруг тарелка-самозванка с солнечной отбивной:
а механика такая, что небесный рычаг,
весь в лучах и весь сверкая, не жалеет огней.

Будет, будет, так и будет... и уже так и есть:
ни подарком не обидят, ни свечой, ни едой.
Вот и агнец вдруг нашёлся, вот и вол уже здесь,
и волхвы свои кошёлки потрошат под звездой.

Скушай маковый калачик — так уж заведено,
есть на то особый ключик — им и заведено:
не хотело заводиться, но потом завелось —
сбрызнули святой водицей да добавили слёз.

И пока завод не сношен и нежны жернова,
каждый грешен и утешен и беда не беда —
автоматика крутится, батарейка жива
и поёт над нами птица золотые слова:

«Всё само собой, родимый, будет быть, будет быть,
ты никтым-никто, родимый, в этой общей судьбе,
так что смейся или плачь ты, помни или забудь —
существует в мире нечто, что живёт не в тебе:

Улыбается Иосиф не в тебе — вне тебя,
и Мария, шаль набросив, приняла произвол,
вне тебя пылает в яслях огонёк бытия,
вне тебя собрались ослик, и ягнёнок, и вол.

И совсем никто не нужен, чтобы всё было так,
и уже цветок из ножен вынимает дитя,
говорит “Make love” — и плачет, и целует цветок,
и поёт три раза кочет и летит на восток.

Поприветствуй, коченя, вечный круг Рождества:
это чудо сочлененья всех колен и валов —
всех подарков и всех свечек, всех тарелок, всех уздечек,
всех ягнят, и всех ослят, и волов!

Может, есть такая кнопка, чтоб нажать — и вперёд,
или есть одна улыбка в облаках расписных...
да ни кнопка, ни улыбка не берутся в расчёт —
всё крутится и светится без тебя и без них».

ЧТО ДЕЛАТЬ ЭТОМУ ФАНТУ?

1-му фанту

Этому фанту — спеть,
спеть и сыграть на лютне:
пусть соберутся люди
и прилетит Господь —
на тихом облаке,
по своему хотенью,
ибо нет публики
в мире первостатейней.

Пой, драгоценный фант,
струны перебирая,
мелко перетирая
свежего лиха фунт,
пой-ничего-не-знай,
пой-ни-о-чем-не-думай,
кроме своей резной
лютни, стихом ведомой.

Возраст, привычки, пол —
нам безразлично, кто ты,
помнил бы только ноты,
только б играл и пел!
Встретимся наверху —
всяк сам себе хозяин.
По твоему стиху
там мы тебя узнаем.

2-му фанту

Этому фанту пройти четырнадцать километров, после чего повернуть направо и тут же налево: на горизонте начнёт различаться нитка залива и небосвод будет пепелен... нет, перламутров.

Издалека запахнет водорослями и планктоном, и небольшими ракушками с роскошными завитками, жизнь будет передвигаться со скоростью Мураками, то есть стоять на месте... причём фиктивным.

Можно пройти ещё километров десять-пятнадцать и не заметить при этом почти никаких изменений: тот же залив и небо — разве водоросли чуть зеленее, те же ракушки — разве чуть больше пятнистых.

Дальше идти ни к чему, ни направо и ни налево, глупо оно — и понятно любому разумному фанту: мы никогда даже не приближаемся — к делу ли, к факту или хотя бы к заливу... мы так далеко от залива!

И никакому разумному фанту некуда, значит, деться: во-о-он она, значит, граница... но на то она и граница, чтоб нам в конце-то концов вдруг расплакаться и оглянуться, всем вдруг расплакаться и оглянуться — как в детстве.

3-му фанту

Этому фанту — повязку надеть на глаза.
Вот... и пускай он расскажет, как жизнь весела!
Жизнь весела, и по каждому плачет креза,
плачет креза и звонит в свои колокола.
Вот... и пускай этот фант, значит, так и живёт,
ясное дело, не всю свою жизнь напролёт —
только пока не закончена эта игра,
час-полтора.

Вот... и пускай он попляшет, пускай подурит,
пару напустит и пару сердец покорит,
в жмурки хоть с кем поиграет — хоть с Богом самим,
мы и сегодня не ведаем, что мы творим.
Вот... и пускай он попляшет на самом краю,
там, где боятся за участь смешную свою —
только пока не закончится эта игра,
час-полтора.

Вот... а потом пусть повязку его удалят,
пусть он очнётся — поймёт, что ему много лет
и что никак не пристало уже, старику,
в игры играть... пусть заварит себе кофейку,
сядет в сторонке и, выпустив, значит, пары,
вспомнит, что в жизни его, кроме этой игры,
не было, в общем, другого, и длилась игра —
час-полтора.

4-му фанту

Этому фанту — кричать петухом:
пусть на метёлке поскачет верхом
и покричит петухом.

Всё это мало кого развлечёт,
только оно не берётся в расчёт,
тут ничего не берётся в расчёт —
тут у нас судно течёт.

Значит, кричи и кричи во весь дух,
некто петух или как бы петух,
трепетнейшая из птах!

Значит, кричи и скачи на метле:
так ведь ведут себя на корабле,
что никогда не пристанет к земле
и задохнётся в петле.

Мы назначаем тебя крикуном,
чтобы на маленьком судне дрянном
был у нас свой метроном —
был и отсчитывал, сколько кому
тут остаётся смотреть за корму,
вдаль — перед тем, как уже напрямую
погрузиться во тьму

Попетушишь ещё, попетушишь,
распетуши эту глупую жизнь,
глупую хлипкую жуть:

тут и осталось всего ничего,
да и оно, дорогой, кочево:
нечто, зажатое между двух о —
облако, нет ли... Бог весть.

5-му фанту

Этому фанту идти целоваться на улицу —
с кем ни попало идти целоваться на улицу:
а попадётся ему дьяволица ли, горлица —
это неважно совсем, и пускай не печалится.
Да и какая нам, в сущности, разница, Господи,
с кем целоваться, раз мир исцелован уж весь, поди,
и поцелуи аж с неба спускаются гроздьями —
спелыми гроздьями, лишними гроздьями, праздными.

А в целовальнях — работа, там пляшут работники
в чанах глубоких, и чавкают чаны глубокие,
преобразуя в вино поцелуи и с бочками
переговариваясь золотыми словечками.
То-то начнётся веселье на рыночной площади —
только вином молодым по ковшам вы заплещете,
целовали́, целовальщицы, целовалёнычи,
над бурдюками склоняться готовые до ночи!
Хватит уж, нечем платить... да о чём вы, жеманница,
даром берите — всем хватит, ещё и останется!
И веселится весь вечер счастливая улица:
вон поцелуй в пляс пустился, а вон — поцелуица.

6-му фанту

Этому фанту — больше не плакать, будет с него.
Это не то чтоб чья-нибудь прихоть: просто пора
выплакать слёзы, выключить шлюзы и — на простор
некоей, значит, медленной фразы, в дальнюю даль.
Этому фанту больше не плакать — только пронзать
толщу пространства, свежую мякоть нового дня,
всё изменилось, как по приказу... только не знать,
чем ты закончишь новую фразу, чем и когда.

Пусть либо мастер, либо профан ты — только не как
прочие франты, прочие фанты: наполови...
ну, значит, с Богом, ну, значит, с бегом — снова бежать
под своим флагом, под Его игом — благом Его.
Ах, на просторе — как на постое, на пустыре:
есть ли, не есть ты, здесь ли, не здесь ты, разницы нет.
Были бы мысли — как-нибудь после договоришь
то, что собрался, в будущем, если... вдруг повезёт!

7-му фанту

Этому фанту — вернуться домой, домой,
вернуться домой дорогой самой прямой
к старым кустам, и пристаням, и крестам,
слишком уж он издёргался и устал.
Только сначала — понять, что такое дом,
или хоть что понять уже наконец,
или хоть домом не называть Содом —
всё-то он вечно путает, сорванец,

фант этот старый...
Голубчик, иди домой
и не гоняйся хотя бы за молодой
звуков случайных глупою чередой:
врут они, ах всё врут они, милый мой!
«Дом» говорят... но какой же там дом теперь,
если на ключ в изумленьи взирает дверь:
все поменялись замки и среди ключей
тот вон — давно уж ничей и другой ничей.
Но этому фанту лучше вернуться домой,
чтоб постоять час-другой у двери немой
и не вдаваться особенно в суть причин
под вопросительным взглядом чужих личин.

8-му фанту

Этому фанту — остаться на месте
и не ходить никуда.
Этому фанту доставят известье,
упаковав в целлофан:
всякую правду и всякую левду —
бух перед ним без стыда...
пусть разбирается нежно и гневно —
бедный ты, бедный ты фант!

Верить всем сплетням тебе, всем приколам,
всё принимая за весть,
к дальней земле, как к постели, прикован —
и не подняться же ведь,

всяким питаться неправильным словом,
слово пия как елей,
всадником мчаться тебе безголовым
в койке больничной твоей!

Ешь себе чипсы да пей себе фанту —
верный такой рацион,
что ещё надобно бедному фанту
на одиноком одре?
Радио слушай, слоняйся по Сети
да вопрошай небосклон,
как там дела, на далёкой планете
в их нежиле декабря.

9-му фанту

Этому фанту — мучиться.
Пусть он по свету мечется
и не найдёт покоя:
нету его, покоя-то...
веретено какое-то
в сердце — и всё такое.

Крутится мир и вертится,
ибо Психея-смертница
ходит всю жизнь лунатиком
по высоченным крышам —
с карандашом, с блокнотиком:
будет чего — запишем!

А записать и нечего,
кроме полёта птичьего
над помрачённой бездной —
и никакой экзотики,
и не нужны блокнотики
странице несуразной.

Так-то, мой фант... и кто бы там
ни похвалялся опытом,
съеденным всем и выпитым,
и побеждённой смутой,
ты похваляйся — трепетом,
лепетом и эпитетом,
полустраничкой смятой.

10-му фанту

Этому фанту — кружиться на цыпочках
(и чтоб никаких пируэтов и сое!),
цыпочек — очень желательно — не выпачкав:
цыпочки положено держать в чистоте.
Ибо кто ж знает, сколько кружиться нам
и когда остановиться в следующий раз!
Так ли, иначе, а всем небожителям
цыпочки положено держать про запас.

В общем, кружитесь под любезную музыку,
господин фант, господин фант,
как и пристало небесному союзнику,
господин фант, господин фант!

Лишний сантиметр до Божьей обители,
господин фант, господин фант, —
вовсе немало... Вы столько не видели,
господин фант!

Нам бы и всем бы неплохо — на цыпочки:
оттуда хоть сколько, а всё же видней,
что всё тут висит как придётся, на липочке,
и будет висеть до скончания дней,
что хрупко и нежно твоё мироздание,
что только случайно плечом повести —
и рушится некая пагода дальняя,
и больше её никогда не найти...

...в общем, кружитесь себе потихонечку,
господин фант, господин фант,
ни ниточку не теребя, ни тесёмочку,
господин фант, господин фант,
ни ветку крушины, ни ветку орешины,
господин фант, господин фант:
на ней Вы, быть может, как раз и подвешены,
господин фант!

11-му фанту

Этому фанту — просто свистеть в свистульку,
громко свистеть в свистульку, но не настолько,
чтоб инструменты другие вставали в стойку —
в стойку вставали или лежали в стельку...

ровно настолько, чтоб жизнь просвистеть впустую:
я, мол, не соглашаюсь, не протестую,
просто живу и просто свищу в свистульку,
громко свищу в свистульку, но не настолько.

Что до полиции нравов — всегда суровых —
и до позиции правых — обычно левых,
им ни к чему разбираться в пустых забавах
и ни к чему разбираться в простых напевах:
да, он свистит, но это ещё не повод,
он не закинул в синее море невод,
не приплыла к нему рыбка и не спросила —
и вообще он, простите, играет соло.

Он здесь не ради хлеба, не ради сала,
не потому, что старуха его послала,
не для того, чтоб парились сикофанты, —
он здесь затем же, что и другие фанты:
тем — разбираться с жизнью, а тем — со смертью,
тем — у чужого моря носиться с сетью,
а этому фанту — просто свистеть в свистульку,
громко свистеть в свистульку, но не настолько.

12-му фанту

Этому фанту — биться
с мельницами, с тенями,
с пляшущими огнями...
в общем, со всякой блажью,
одолевая вражью
силу — копьём и шпагой,
молотом и мотыгой,
радугой и тревогой,
альфой и омегой.

Всё-то тут в беспорядке:
сделав смертельный фортель,
всё тут слетело с пётель —
глупость и добродетель,
жертва и победитель...
выцвели все границы,
вымерли все горнисты —
сторожевые башни
стали пусты и лишни.

И неприятель входит
с дерзостью чужестранца,
гасит на небе солнце —
вот оно и поплёкло.
Этому фанту — биться:
биться, как бьётся сердце,
биться, как бьётся птица
грудью в пустые стёкла.

13-му фанту

Этому фанту — отправиться к...
или же на:
всё это, в общем-то, недалеко,
там, где война.
Впрочем, да где же у нас не война?
Всюду война.
Значит, такие стоят времена:
жизнь не нужна.
Так что, мой фант, отправляйтесь туда
или туда,
где от нас не остаётся следа
даже в уме, —
или погибнуть на общей войне
в дальней стране,
мучаясь мыслью: зачем это мне
ствол на ремне?
Через траншеи, рубеж огневой,
через грозу,
через команду: вперёд, рядовой,
на амбразу... —
вооружившись лишь карандашом
(жизнь не нужна!),
плюнул на всё — и пошёл, и пошёл
к или на!

14-му фанту

Этому фанту — ...да пожалуй,
хватит надежды обветшалой —
маленькой дверцы с пётлей ржавой
и залежалой книги лживой.

Он перебьётся без излишеств —
без Их Высочеств и Величеств —
тем, что имеет и умеет.

Ибо — не дружит, не семéит,
но семенит себе по травке
и сочиняет лишь отрывки
для неживых произведений,
отроду не суливших денег.

В общем, всего ему довольно:
сущий пустяк — дойти до Вильно,
как и до Вены или Праги...
ветер свистит, шаги упруги!

Что до покушать и одеться,
как-нибудь тоже обойдётся —
лишь бы дожждаться, пламенея,
ветхой надежды исполненья.

15-му фанту

Этому фанту достать синичку из рукава —
маленькую заначку на случай чего-нибудь —
и отпустить синичку, как она ни нова,
и не вздохнуть ни разу, и тяжело вздохнуть.

Время пришло пускать все заначки в ход:
в ход пошли все синички, все тайники пусты —
хоть ничего такого... не високосный год,
но исчерпались силы и сожжены мосты.

Мир улыбнулся у двери — и был таков,
и не бывать ему... а тебе — не бывать в другом,
значит, мил-человек, покажи-ка нам свой рукав:
может, ещё что припрятано за обшлагом —
кролик какой, мышонок, платок, цветок,
как там у фокусников обычно заведено,
ниток моток — доставай и ниток моток...
что бы ты ни утаивал — всё равно.

Эх... высыпай на стол, отходи на метр:
там без тебя разберутся, чем знаменит!
Скоро уже начнётся большой досмотр:
ветер ночами гремит, Пётр ключами гремит.

НА ЯЗЫКЕ ПИРАХА

***

Рассказать тебе это на двух языках?
Рассказать тебе это на трёх языках?
Я не жил эту жизнь, я витал в облаках,
я витал в облаках, я ходил в дураках,
я не знаю, не помню любви —
только, стало быть, огненные языки
говорят из гортани моей... вопреки
этой жизни, которая мне не с руки —
дали в руки, сказали: живи.

Я не жил эту жизнь, она как-то сама
и, наверное, не от большого ума
получалась — подобно манере письма:
эти палочки, эти крючки,
друг за друга цепляясь, свивались в слова,
и они были мало опасны сперва,
лишь потом, так сказать... полыхали дрова
и плясали огня языки.

И на тех языках я витал в облаках,
и на тех языках я ходил в дураках,
в их божественных сполохах я впопыхах
что-то всё-таки тут учинил,
что могло б учиниться и так, без меня —
и до этого самого, видишь ли, дня
я трещу... а о чём — ты спроси у огня,
у бумаги спроси, у чернил.

НА РОДНОМ

1

На втором родном всё не так,
как на первом родном — родном:
ах, на первом родном всё всегда вверх дном
и во всём всегда кавардак.
На втором родном всё светло как днём
и качается метроном.
А на первом родном — качается сад
и снежинки во тьме блестят.

На втором родном за окном —
с молоточком прилежный гном,
а на первом родном за окном —
песня пьяненькая, со слезой.
И я знаю, что мне на втором родном
не побаловаться вином:
на втором родном я бревно бревном,
а на первом — лоза лозой.

2

На втором родном — названия:
все стоят к плечу плечом.
А на первом — лишь названивания:
было б, Господи, о чём!

Чинно щёлкнут карабинчики...
А на первом — лишь одни
колокольчики-бубенчики
с целым ворохом родни.

Полечу себе по небу я,
где высокий перезвон,
ничего от нас не требуя,
вышиб дно и вышел вон —

и лови по Божьим вотчинам
звук за лесом, за бугром
на как следует завинченном,
на толковом, на втором!

Ан слышав карабинчики
и команду снизу: пли! —
унеслись мои бубенчики,
колокольчики мои.

* * *

Облаку сделалось душно в кулаке,
облако вырвалось в небо и затем
стало серебряным — мимо пролетел
сон, говорящий на другом языке.
И на подушку мою невдалеке
пало тревожное мокрое перо —
всё про себя мне поведавши и про
мир, говорящий на другом языке.
Я это, в общем-то, уже замечал:
не понимается, как тут ни ершишь,
то, о чем с нами говорит по ночам,
кажется, жизнь — да скорей всего не жизнь.
Но ощущаешь, что музыка цела,
только играть её как-то не с руки:
все эти шалости, все эти шумки,
звуков неведомых тайные дела,
все эти лёгкие тени на плетень,
все эти странствия дальнею межой... —
и, не способная справиться, гортань
радостно давится песнею чужой!

Ах, заблудившись однажды на заре
в здешнем моём бестолковом словаре,
что мне сказать — отправляясь налегке
к вам, говорящим на другом языке?

* * *

Нам надо переговорить —
хоть где-нибудь, хоть на вокзале:
мы всё неправильно сказали,
всё надо переговорить.
А то ведь... жизнь пошла петлять
и так причудливо петляла,
что нас уже не впечатляло
опять за ней бросаться вспять.

Но надо переговорить —
и надо всё перелопатить,
все дыры переконопатить,
остроты все переострить,
и весь табак перекурить,
и перепить весь чай, весь кофе,
и переусмирить всю прыть,
и перевыжить в катастрофе,
где два сигнальные флажка
вдруг не заметили друг друга —
и жизнь, насмешница, хитрюга,
их разбросала на века.

Вспоминаньями сорить,
к чужой судьбе себя готовить...
вот только б встретиться, а то ведь
так и не переговорить.

* * *

Мою душу бросят в городской сток,
моё тело бросят в городской ров.
Тише, не волнуйся, это я так...
непереводимая игра слов.

Ни к чему оплакивать мой злой рок —
это ерунда, что всё идет вкривь:
непереводимая игра строк,
непереводимая игра рифм.

В этот город я уже совсем врос,
страшно лёгок мне его корней груз —
непереводимая игра фраз,
непереводимая игра грёз.

Только не пытаться понимать всех:
всяк ведь как умеет, так и живёт,
и летает в небе золотой смех —
непереводимый детский смех, вот.

* * *

Ложка дикого мёда и веточка винограда,
и зелёного чая светлая бездна...
Что касается вашего кофе среднего рода,
то, спасибо, не надо — да пожалуй, и поздно:
в это время я кофе не пью, тем более среднего рода.
И поверьте, что дело не в консерватизме
и не в том, что порода не та или, скажем, природа...
Дело в прожитой жизни,
в одной лишь прожитой жизни,
от которой и так уж не много чего осталось —
так... щепотка весьма потрёпанных идеалов,
как то: эгалите, либерте и прочая малость —
или милость, да парочка идолов обветшалых,
да большая любовь — я теперь забыл её имя,
да постыдное мелкотемье и малострофье,
да остаток уменя не группироваться с другими —
и дымящийся кофе, дымящийся чёрный кофе.

* * *

Я уехал не в страну —
я уехал в тишину,
я уехал на рассвете
(было пусто на билете)
и состарился в полёте
ровно на одну струну,
ровно на одну строку,
на понюшку табаку —
ровно на одну понюшку,
взятую с собой в дорожку...
собирался понарошку,
поклонялся ветерку.

Собирался понарошку,
путая орла и решку,
попивал с гостями бражку,
поминали старину.
Говорил о чём — о Боге,
и о том, как мы убоги,
но состарился в дороге
ровно на одну струну —
на ту самую струну,
на ту самую строку,
что с тех пор ищю по свету
столько лет, да толку нету, —
на строку, на сигарету...
на одно кукареку.

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ

1

Говорят, я совсем не знаю этого человека.
А я знаю, что ветер в его голове зелёной,
что он скачет на лошади белой, блестя короной,
и что мёд в его сердце, а на устах ежевика.

Говорят, это всё хорошо, только этого мало —
и я должен иметь в руках рулетку и компас:
вот тогда я с ним, значит, как следует познакомлюсь
и начну разговаривать как ни в чём не бывало.

А пока, говорят, не ходи до конца абзаца,
не встречай незнакомца своею приветливой песней,
ибо он кем угодно может вдруг оказаться,
стой в начале абзаца: оттуда он безопасней.

Но вчера я общался с ним как со старым знакомым:
посидели, попили вина, поболтали о вечном,
а когда наболтались, он сразу сказал: «По коням!» —
и к себе ускакал, в направлении ежевичном.

Улыбается фрёкен Грамматика — ей вольно улыбаться:
значит, так, говорит, заруби на носу, калека,
человек этот нам неизвестен покуда, и баста,
хоть и мёд в его сердце, а на устах ежевика!

2

Между тем, твоя песня, мой милый, давно уж спета.
А когда она спета, мой милый, все взятки гладки.
А когда они гладки, мой милый, то нет загадки —
всё на свете определилось само собою.

Этой чашке давно пропели многая лета.
Из неё пило чай уже несколько поколений —
у неё и вид совсем уже юбилейный,
у неё есть фамилия — вот хоть, допустим, Хансен.

А ещё у меня есть стол по имени Клаус,
а ещё у меня есть скатерть по имени Дорте,
дорогущая ручка Марлен и портфель потёртый:
двадцать лет, из России — Ершов Николай Петрович.

Ничего незнакомого в жизни моей не осталось —
весь мой хаос давно учтён и пронумерован.
Что до внешнего мира, лежащего за порогом,
то когда-нибудь я и там всё пронумерую.

А пока я чужой ему — и не умею, не понимаю
отличить то, что каждому пню на земле известно,
от всего остального... и с башней глухонемой
говорю как с сестрою, с которой росли бок о бок.

* * *

То славянщина, а то... то неметчина —
до каких же пор, скажите на милость?
Стоит только замереть... — всё изменчиво,
всё давным-давно уже изменилось.
И ни дома нет того, ни отечества,
ни рогатой той ветлы у развилки —
всё сплошное, извините, летучество...
ни постели, виноват, ни подстилки!

Я и сам бы изменился бы к лучшему,
я бы снова занялся бы азами,
я послал бы эту жизнь мою к лешему
и взглянул на всё другими глазами —
скажем, лекаря, а может, и пекаря
или пахаря... пахал бы глубоко!
Ан живу себе, как жил: добрый век коря, —
и нисколько не меняюсь, собака.

Да и знаю, что как жизнь ни нарядится,
ни прикинется нечистою силой —
не меняется в небе Богородица,
не меняется Ангел сизокрылый.

* * *

*...и думали, что она либо умерла,
либо очарована.*

Шарль Перро. Спящая красавица

Что там в руках — что в облаках
и где журавль — где синица,
теперь уже не объяснится
ни так, ни эдак и никак:
тут чем-то залита страница —
как раз на слове «заграница»,
и больше эта заграница
в поплёкших не видна крючках.

А спросят — что-нибудь наври
про население коренное:
что головы у них — по три,
и все — с Луну величиною,
и все отравленной слюною
от веку брызжут... дикари.

Наври, как ввали сотни лет
бродяги, странники, гуляки,
чьи беззастенчивые враки,
кружась и не даваясь в руки,

очаровали белый свет, —
и никакого шанса нет
разоблачить все эти враки,
и никакого смысла нет.

И не тебе — ловить на лжи
да посягать на миражи,
гуляка, странник, белый клоун!
Ты сам попрал все рубежи,
а спросят, где пропал, — скажи,
что умер или очарован.

* * *

Помню старость: семь лет с лихвой —
и забот полон рот,
с запрокинутой головой
через весь небосвод —
разобраться с судьбой светил
и природных стихий,
попросить, чтобы Бог простил
все мои грехи:
так... раздавленный, значит, жук
и разлитый морс,
под дождём забытый пиджак
и полёт на Марс —
больше вроде не нагрешил
(нагрешу потом).
Остаётся из двух рейшин
сколотить фантом,
пошататься по лопухам,
покопаться в ранце,
беспокоясь, как там стихам,
недописанным — раньше.

* * *

Я о тебе напишу ещё, обещаю я по дороге
облачку безразличному по имени Розалинда,
и о тебе напишу ещё, улитка-рогач Ольдерроге —
скажем, на суахили, чтоб было совсем солидно,
а о тебе и подавно, сторожевая башенка —
сколько ни ежжу мимо, имени не запомню:
с виду простая башенка, но там обитает боженька,
с ужасом наблюдающий нашу страшную бойню.

Я и о вас напишу ещё, как бы вас ни называли,
прочие мимолётности тяжёлого этого мира:
вот только эра кончится грозовая... нет, грузовая
и за нею начнётся розовая — эра, холера, вера.
Там-то мы, значит, и встретимся, прочие мимолётности,
милые монолитности, памятники быломu,
жертвы моей беспечности, холодности, халатности,
от слова почти отбившиеся,
но верные только слову.

* * *

Махнём, мой ангел, на просторы:
пасти отары, пить нектар!
Я б предложил литературы,
да вот немножко автор стар —
отсюда всякие повторы
и аватары бытия...
и, в общем, эти аватары —
они совсем не для тебя.

А кстати, эти аватары
и автору давно чужи,
как брошенные им квартиры,
покинутые рубежи,
похожие на вкус микстуры,
пасущие сердечный ритм —
ритм Библии, Корана, Торы...
зачем мы это говорим!

Ах, фьоритуры, фьоритуры —
одной, другой и третьей вторы
явленье в дальних зеркалах,
и видно хорошо отсюда,
как сообщаются сосуды
Христос, и Яхве, и Аллах.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Потерялся маленький будда, надетый на нить,
вечно занятый небом и прочею ерундою.
Кто нашёл — к тому просьба немедленно позвонить:
я страдаю.

Он пока не успел научить меня ничему —
так что... я, как всегда, продолжаю самоанализ
и влюблён, как всегда, в эту пёструю кутерьму —
извиняюсь.

У него была колотушка и за спиной мешок —
полагаю, пустой, едва ли кто-то польстится,
и изогнутый посошок, и смиренный шаг,
и косица.
Сердца не было в нём, ибо он был внутри сплошной,
и снаружи сплошной... вообще весь сплошной: всецело.
Непонятно, зачем он, без сердца, ходил со мной —
его дело.

Я, конечно бы, мог и один — от миража к миражу:
это дело нетрудное и нехлопотное, по идее,
только скучное очень...
Нашедшего — вознагражу,
посмотрев в словаре смысл слова «вознагражденье».

* * *

Я восстановлю по памяти,
никуда не годной памяти,
всё — а Вы меня поправите
или... или не поправите.
В моей памяти есть области
просто невозможной дряблости —
и пора оттуда вынести
залежавшиеся новости.
Там давно нужна ревизия,
но, по пыльным полкам лазая,
натykaешься на частности
просто невозможной грустности:
например, на частность местности,
где мы были в безопасности,
или вот на частность доблести —
глупой в силу своей гиблости,
или Вы глаза подымете —
и тону я в них как в омуте,
или Вы глаза опустите —
и забуду я напасти те...
Ну а больше в моей памяти
ничего такого нетути...
разве глупые оборочки
залетевшей в бурю бабочки:
мы цеплялись за её крыла,
а любовь мела, метель мела —
и с тех пор гуляет в памяти:
ты, метелица, мети-мети...

* * *

Я пишу тебе отчёт, разлюбезный хаос,
не имея за душой ни обид, ни слёз:
я шагаю хорошо... только спотыкаюсь
обо что ни обо что — обо что пришлось.
Вся истоптана земля, небосвод поношен,
воздух редок и дыряв, далеки концы.
Понастроили дворцов — башен и конюшен,
спотыкаюсь о дворцы... и не о дворцы.

Я пишу тебе отчёт, я веду анализ,
я считаю синяки, ссадины и проч. —
я считаю хорошо, только запинаясь —
после сотни тысяч, но... не об этом речь:
всё до свадьбы заживёт — где-нибудь присесть бы,
цифры столбиком сложить, а уж там-то — что ж...
там совсем рукой подать до ближайшей свадьбы —
через поле, через лес, через летний дождь!

Чем займусь теперь? Да чем... снова пустяками-с:
почитаю, вот, стихи стрекозе одной.
Я читаю хорошо, только заикаюсь,
разлюбезный хаос мой, мой язык родной!

ОТВЕТ

А теперь, когда мне уже столько лет,
что неважно, сколько мне лет,
я возьму и отвечу тебе ответ —
хоть какой-никакой ответ.

Я был должен тебе объяснение одно,
но всегда забывал дать:
почему мне всё-таки не темно
и откуда вся благодать.

Дело в том, что я прежде не знал слов
и потом не узнал слов,
и поэтому каждый мой день — нов,
а все ночи полны снов.

Я клянусь, что прошёл мимо всех благ
и прошёл мимо всех прав,
и клянусь, что я был пред тобой наг
и что я был тебе — раб.

Что касается Стикса, то зол Стикс:
женское божество! —
и его не заставить понять и простить...
Я любил только небо и в нём — птиц,
а более — ничего.

* * *

Вот какая штука, видишь ли...
мы здесь не были давно,
человек огромной выдержки,
человек-вино:
на столе смеётся лужица —
виноградное пятно...
Может, всё опять закружится,
человек-вино?
И давнишними глазами я —
ну-ка, вспомним старину! —
в царство прежнего безумия
осторожно загляну:
подойду к резному терему
и склоню чело —
там, наверно, всё по-старому
и опять светло,
там любовница, забавница,
чаровница... — всё равно,
кто кому там улыбается,
человек-вино!

НОВЫЙ РОМАН

А роман не давался, мудрил, ничего не хотел:
ни назад не хотел уходить, ни вперёд продвигаться —
буксовал у начала абзаца, пыхтел и кряхтел
и отказывал полностью, не одолевши абзаца.
Всё просился на отдых, твердил, что тяжёл перевал,
убеждал, что ему не дойти даже до середины,
а когда я сажал его в поезд, то он бунтовал,
вырывался, кричал и кидал из окна чемоданы,
по платформе слонялся, стоял у ларьков, как большой,
с алкашами — ведя разговоры о, кажется, Барте
или марте, не помню... о Барте, о марте, о смерти,
о скрипичном концерте, как водится у алкашей, —
в общем, весь распустился. Домой возвратившись, хамил,
симулировал то ли мигрень, то ли гипертонию.
Я отмыл в бадузане его, напоил, накормил,
положил на кровать — сам всю ночь проходил за стеною,
пил шалфей, пил пустырник, себе самому был смешон,
проклинал мою старую жизнь под звездой убогой...
А наутро он встал, хлопнул рюмку, сказал: я пошёл —
и ушёл от меня восвояси — своею дорогой.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Я что хочу сказать — да вот, пожалуй,
и ничего: что март прошёл впустую.
Я ни против чего не протестую —
вот только жалко книги залежалой
не продолжал... она не продолжалась
сама, ей всё чего-то было мало,
она лежала, вызывала жалость
и ярость, ярость тоже вызывала.
Март — вообще — не самый лучший месяц:
весною я гневлив и всё пытаюсь
уединиться, окна занавесить,
не отвечать по телефону, то есть
забиться в щель, забыться, затеряться,
не то — совсем уйти и не сказаться,
нет, раствориться — в кофе, хоть с корицей,
хоть с кардамоном, хоть с любой из специй.
А что хочу сказать — да извиниться
за то, и за другое, и за третье:
вот, за отчизну... нет, за границу,
за старое — нет, новое столетье.

СОБАКА ОТТО

Собака Отто умел отнимать
один от пяти и шести.
Собака Отто умел понимать
разные разности
и был задумчив не раз на дню
(тогда его взгляд пустел).
Он мог бы напоминать Камю,
если бы захотел.

Собака Отто был полон тайн —
чудесная голова;
о нём писала б Гертруда Стайн,
если б была жива.
И если б он был в её кругу,
они бы были на «ты»,
но он обычно лежал на лугу
и просто нюхал цветы.

И с ним было не о чем говорить,
поскольку он всё постиг,
его душа была лабиринт,
но сердце было — цветник.
И он презирал эту жизнь — за скорбь,
за скорбь, за базар-вокзал.
А после собака Отто вдруг starb
и ничего не сказал.

* * *

...что однажды придёт исцеление,
что апрель с декабрём не сравнится,
что страна, дай-то Бог, не последняя
и страница —
этим и утешайся, как пьяница:
тем, что пьётся пока, тем, что пенится,
ещё пенится пиво в ковше
и не выпенится вообще.

...что весна принесёт тебе ласточку,
а уж та принесёт тебе весточку —
приглашенье в иные широты,
где играют в иные шарады:
забубнили ключами небесными,
забрэнчали небесными баснями —
и открылся заоблачный ларчик,
и понятен Господний узорчик.

Так и думать бы... если бы думалось!
Только жизнь — как шиповник, как жимолость,
просто так себе произрастая —
безголовая вся и пустая:
пьешь Господнюю кровь, Его тело ешь,
ходишь-бродишь... волчишь и медведишь.
Ничего-то ты больше не сделаешь,
никуда-то уже не уедешь.

***

Если б мы встретились с Вами, то я б рассказал
новые вещи о стареньком нашем тогда:
там всё опять поменялось — костюм на камзол,
музыка на дибазол, и не видно следа
от... да какое там «от», дамы и господа!

Я переставил опять фортепьяно и шкаф,
чуть передвинул и сильно расширил окно,
заново всем объяснил, кто был прав, кто неправ,
кто был герой, кто был... ммм... золотое руно, —
тут эвфемизм, дорогие, но пусть, всё равно.

Я королю показал, как ходить королю,
пешек отшлёпал по задницам толстым, а тур
просто послал, потому что, пардон, не люблю
краеугольных камней и простецких натур —
я фьоритуры люблю, тирлирли-тюрлюрю.

В общем, там всё по-другому, на случай чего —
и, говорят, ничего... и приволье мечтам!
Всё это памяти ловкость, а не волшебство,
я бы провёл Вас по этим далёким летам,
если б мы встретились... как Вас там, как же Вас там?

* * *

Вот бы приманить удачу,
да к удаче бы в придачу
ветерок с зюйд-веста...
а что к счастью бьются блюдца,
и за что быки берутся —
это-то известно!
Мы не жили жизнь наскоком —
мы готовились к урокам,
мы азы зубрили...
нам в смятении глубоком
разве только ненароком
удавались трели —
и всего-то два-три звука,
а смотри, какая мука
в бедном их сплетеньи!
Но зато из мыслей горьких
вырастали на задворках
дивные растенья:
типа мирта, типа мяты...
где ж те тэты, где ж те йоты,
где ж то изобилье!
...ходит, ходит бык с рогами,
топчет бодрыми ногами
всё, что мы любили.

* * *

Счастью-то, наверно, уже не бывать —
ну и наплевать.
Сизокрылый месяц утомился кивать —
откивал своё и улёгся в кровать...
Если б научиться наконец рисовать!
Чтобы акварелька по водам плыла
на краю стола,
чтобы всё забыла: как жизнь, как дела
и какое имя у её ремесла,
чтобы потекла на паркет...
Ничего, что счастью-то уже не бывать, —
если б научиться наконец рисовать,
если бы суметь всё забыть наконец,
кроме слова «цвет».
Говорят, за нами уже послан гонец
на одном небесном коне —
мы его однажды увидим во сне,
если не в окне:
конь попьёт из лужицы, натёкшей с кистей,
станет розоват,
а гонец надарит нам с небес новостей,
чтобы — рисовать!

* * *

Ещё говорят, что и это, мол, я сказал.
Что, дескать, продаться нетрудно — если продаться.
Язык мне отрезать — не русский, так вот хоть... датский.
Понятно, скандал — я и сам говорю: скандал.

Конечно, Вас купят, я зря так, я пошутил,
Вас купят за то же, за что покупают фрукты,
пирожные, женщины... и купят, и скажут ух ты —
за эти же деньги: металл, он и есть металл.

И всех-то нас купят, и всем-то нам поделом —
за эти же деньги, других у них не бывает:
которыми платят в кино, в кабаках, в трамваях,
в киосках — табачном, скажем... тут, за углом.

За эти же деньги: вот водка, вот колбаса,
вот свежая пресса, вот старенькая принцесса,
вот Ваша последняя (очень надеюсь) пьеса,
вот смысл нашей жизни, вот счастье, вот небеса.

***

Где-то совсем под рукой... помню, там были слова:
та́-та-та-та́-та-та-та́-ветер-хотел-уезжать,
та́-та-та-та́-та-та-та́-не-соглашалась-травы —
путаясь сразу во всём: числах, родах, падежах.
Дальше — уже о другом, или о том же ещё,
или ещё не о том, или уже не о том —
всей нашей жизни насчёт: я её поднял на щит,
ну и... не знал, как мне быть с этим тяжёлым щитом.
Та́-та-та-та́-та-та-та́ — дальше был просто пробел:
сколько я пробыл и где — всё это даже не суть,
всё это ветер забыл: помнил, не помнил — забыл
про опустевшую сеть, про моё не обессудь,
про по чужим небесам, про по чужим адресам,
про по лугам, по лесам...
Где-то совсем под рукой
был ведь листочек с такой длинной-предлинной строкой!
Может, и не записал. Может, и не написал.

***

За любой случайный адрес,
за любой случайный образ,
за початый леденец
(буря-мглою-небо-кроет-
появился-астероид-
вот-и-сказочке-конец) —
уцепись
...и полетели,
где качались тихо ели,
знать бы, кто они такие,
извиняюсь, времири...
от токая до текилы,
от текилы до зари.
Знать бы, что они за фрукты,
за субъекты, за конструкты —
знать бы, что у них внутри!

Но, конечно, не удастся
изловить их у дверей...
не удастся разрыдаться,
не удастся проводить их,
этих лёгких, этих диких,
этих ветхих времирей!

День пока ещё ершится,
но за что ни уцепись,
вырывается вещица,
и сдаётся временщица-
жизнь, как ты ни торопись...
и невнятно ско-ро-пись.

За морями, за лесами,
под чужими небесами
мы писали, кончен труд —
мы писали, мы писали,
наши пальчики устали,
скоро пальчики замрут.

* * *

Ясное дело, я тоже могу по-другому:
всякую мысль приструню наконец и — сумею:
буду привязывать строчку к воздушному змею,
к детскому шуму привязывать, к птичьему гаму...
ясное дело, я тоже могу по-другому.
Буду привязывать старую, значит, лошадку
к шпилу собора, и самую свежую шутку —
значит, к решётке...
А после, со всем этим справясь,
я и для сердца найду подходящую привязь —
крепкую прихоть какую... такую-сякую,
стану служить, говоря: я служу и ликую.

Все-то мы живы верёвочкой, лентой, цепочкой,
все-то мы славим и славим свою несвободу,
все распеваем ручными сверчками за печкой —
вот изменяюсь, значит, в корне и тоже так буду
или не буду... опять не явившись к обеду.
Дело напрасное — умничать, нервничать, дуться:
если мы дети, так пусть уж и мир распадётся,
как пирамидка, на праздные плоские диски,
снова не станет порядка, растает единство:
вот, укатились — и пахнет изменой, крамолой!
А соберёшь ли... да кто ж тебя знает, мой милый!

ИЗ СЕРБСКИХ ПЕСЕН

1

Вымерзла водица, ты говоришь.
Некуда податься, ты говоришь.
А пойдём осокой, где водоём,
по траве высокой в сердце твоём —
по траве высокой в сердце твоём.

Нету ни травинки, ты говоришь,
в сердце у Йованки, ты говоришь.
А пойдём долиной: лёгок подъём
по горе зелёной в сердце твоём —
по горе зелёной в сердце твоём.

Нету ни тропинки, ты говоришь,
в сердце у Йованки, ты говоришь.
А летим с тобою, поводырём,
в небо голубое в сердце твоём —
в небо голубое в сердце твоём.

Нету ни кровинки, ты говоришь,
в небе у Йованки, ты говоришь.
Так зажжём все свечи и будем вдвоём
на последней встрече в сердце твоём —
на последней встрече в сердце твоём.

2

В белой метели голуби летели,
голуби летели — ах, благодать,
голуби летели, голуби метели:
нечего дать им... но — ах, благодать!

Ехали сани, бубенцы плясали,
бубенцы плясали — ах, благодать,
бубенцы плясали, душу вытрясали:
нечего дать им... но — ах, благодать!

А из дальней дали две слезы бежали,
две слезы бежали — ах, благодать,
две слезы бежали, жизнь опережали:
нечего дать им... но — ах, благодать!

Над слезами сжалясь, ангелы кружились,
ангелы кружились — ах, благодать,
ангелы кружились, в сердце отражались:
нечего дать им... но — ах, благодать!

17 МАРТА

Ю.В.

А вот тут тебе — значит, к празднику — ...что-нибудь.
То, что собрано мною в пригоршню — нет, в щепоть:
это, стало быть, одна памятка — чтоб забыть,
это, стало быть, одна песенка — чтоб не петь.
Потому что... да знать бы мне ещё — почему!
Потому что плывём по-прежнему мимо вех,
потому что бросаем яблоки за корму,
потому что не получается — на словах.

Но на пальцах не буду пробовать: не учён,
а когда не учён да пробуешь — дело швах.
И к тому же я всё равно ведь тут — ни о чём,
а когда ни о чём, то лучше уж на словах!

На словах, дорогой, на старых моих словах,
на качелях, значит, заоблачных — или нет,
каруселях... на львах, на тиграх и на слонах
покатаемся по планетам и меж планет —
покатаемся за околицу, за черту,
да воротимся — на горящую на свечу:
вдруг, дружок, да заденем клавишу на лету,
или, скажем, струну заденем... молчу, молчу.

* * *

Там пока ещё не враг ты,
там на завтрак будут фрукты,
а тебя уносит поезд.

Там, одевшись посветлее,
несмотря на время злое,
выйдут посидеть в аллее,
а тебя уносит поезд.

Там, забыв, что, аты-баты,
все давным-давно убиты,
новые дадут обеты
на окраине субботы,
а тебя уносит поезд.

Станут жить (и с Богом, с Богом!) —
то по звёздам, то по книгам,
но потом, под новым флагом
перессорившись друг с другом,
все получают по заслугам,
а тебя уносит поезд.

И отправятся в смятеньи
прямо на небо их тени
и получают сыр в сметане.
А тебя уносит поезд...
а тебя уносит поезд,
а тебя уносит поезд —
до свиданья.

***

Я написал да забыл, то есть не написал —
нащebetал, накурлькал, на... — как-у-вас-там:
я ведь слуга облаков, я ведь неба вассал,
я ведь слуга облаков из числа дураков.
Я ничего не храню — никогда не хранил:
что же хранить, не имея... а я не имел
тут ничего, кроме баночки чёрных чернил
за обшлагом рукава, где цветы и трава.
Я никого не люблю — никогда не любил,
ибо никем не владел, а владел — охладел,
только над тем и трясусь, как упрямый дебил,
что не имеет цены, — драгоценные сны.
Крутится плёнка — и сходит с ума кинозал:
вот и достаточно счастья в луче золотом.
А написал, так... подумаешь, кто ж не писал:
парочка свежих манжет да бродячий сюжет!

* * *

Ничего мне не надобно, рыбче,
ничего мне не надобно... — робче
всех на свете склоняю чело,
не заказывая — ничего.
Не заказывая, не завязывая,
ибо жизнь — одноразовая —
скоро-скоро сорвётся с крючка
и — пока!
Столько много мы тут надурили,
столько много нам тут надарили,
что последних трёх тактов кадрили
дождаться уже невтерпёж,
и они от меня не зависят,
но висят в ослепительных высях —
там, где пламя чудак один высек
и куда я, простите, не вхож.
Не пеняя на практику визовую,
ничего, говорю, не заказываю:
ни валют, ни билета на скорый,
ни гонца — ни с наградой, ни с карой,
ни порядка в неровной строфе
и ни музыки в этом кафе...

* * *

С этим можно не делать совсем ничего —
это для красоты, это я Вам на счастье:
чтобы в Вашей судьбе мог случиться... случаться,
совершенно ненужный Вам праздник, — а всё ж!
На какой-нибудь улице Старых Надежд
или Прежних Обид, в три часа пополудни,
да прервутся вдруг Ваши крошечные будни,
да слетятся к Вам полусмешные слова —
из времен поклонения Вашим шагам,
поклонения шелесту Вашей одежды,
из безгрешного нашего с Вами однажды,
безутешного нашего с Вами тогда,
да поднимут Вас эти слова в небеса,
да закрутят-завертят Вас справа налево!
А что дальше — да вот... покрошите им хлеба
или что у Вас есть.
Или то, чего нет.

* * *

Это просто такой язык
позабытый
или просто такой возок,
понабитый
чем ни попадя, на глазок:
набивали спеша, в слезах,
говорили терпи, казак...
и работай!

И поехал себе возок
по дорогам,
за зигзагом чертил зигзаг —
и оврагам
раздавал своё барахло,
сокрушался, что всё прошло,
то сарматом считал себя,
то варягом.

А остался на самом дне
некий ящик,
полный глупостей — не вполне,
но звенящих:
они тенькают в глубине,
да уже не слышны и не
привлекают на стороне
даже нищих.

***

Если б жить по старинке —
пребывая в сторонке
от всего, что несётся вперёд... ах, несётся вперёд!
Да фортуны-тиранки
торопливые струнки
всё равно не успеть перебрать — хоть и вечность пройдёт.

Сколько лет этой строчке,
пролежавшей в горячке
столько зим, что теперь и не знаешь — жива, не жива?
Вроде дышит, и вроде
при хорошей погоде
различимы слова... только странные очень слова.

Так и помню: задумал
на скамейке за домом
(там одна золотая скамейка по небу плыла) —
на-ри-на́, на-ри-на́-на...
из какого тумана
эти старые песни и старые эти дела —

эти жалобы птичьи
на нездешнем наречьи
непонятной народности, всё растерявшей в дыму?
Где ж теперь та народность,
чья смешна инородность
и давно не нужна никому, не видна никому!

НА ЯЗЫКЕ ПИРАХА*

1

Небосвод говорит река: добрый день, река.
Говорит река: добрый день, — говорит река.
Над река есть облако тёплого молока.
А в река есть облако холодного молока.
Стая рыбы плещется в заросли тростника.
Стая птицы машет крылом сухого песка.
И толпа ребёнка сбегается издалека.
Хорошо возиться в глина у бережка.
Рыба с рыба трудно соединить.
Птица с птица трудно соединить.
У ребёнок есть такая длинная нить,
но ребёнок с ребёнок и нить не соединить.
Хорошо лепить из глина разная снедь.
Хорошо не уметь число, хорошо не знать
никакого сколько: сколько — такая нудь!
Впрочем, нет у пираха и самого слова нудь.

2

Горький кофе молодой травы
пьётся прямо с ветка в цвету.
Песня отпущенной тетивы
держит длинная стрела на лету.

---

* Согласно Даниэлю Эверетту, в языке pirahã, племени «правильных», hiaitiĩhi, живущих в джунглях Бразилии по реке Маиси, нет категорий числа и времени, простых обозначений цвета, сложноподчинённых предложений и почти неупотребительны местоимения. Нет у «правильных» и понятия Бога, нет легенд и нет исторических записей.

Видишь, горечь не превращается в сладость —
кофе пьётся прямо с ветка в цветку.
И ничто не может ни созреть, ни упасть —
Песня держит стрела на лету.
Видишь, дерево не превращается в пень —
кофе пьётся прямо с ветка в цветку.
И беспечен путь из теперь в теперь —
песня держит стрела на лету.
Мелководное время просвечивает насквозь,
кофе пьётся прямо с ветка в цветку —
и внезапно возникает всеобщая связь,
песня держит стрела на лету.
И внезапно возникает общая родня
у одного и другого бережка,
и неслышная походка легконогого дня
начинают узнавать с полшажка.

3

Дескать, нет у пираха понятие чистого цвета —
есть сравненье: вроде небо гранита или граната.
Ах, чего не бывает в блокнотик мастера Эверетта,
в интересный блокнотик мастера Эверетта!
Дескать, нет у пираха число, не ведётся счёта,
и совсем не подробна судьба и не знает дата —
говорится в блокнотик мастера Эверетта,
в интересный блокнотик мастера Эверетта.
Никуда не течет Маиси спелого лета,

у звезда ни движенья вперёд, ни назад возврата —
жизнь застыла в блокнотик мастера Эверетта,
в интересный блокнотик мастера Эверетта!
Нету Бог, и пуста верёвочка амулета —
есть одна сердечная смута, вечная смута,
да сплошная работа в блокнотик мастера Эверетта,
в интересный блокнотик мастера Эверетта!
И нигде везде ни ровесника, ни собрата —
всё затянута без разбора в одно болото:
в безразмерный блокнотик мастера Эверетта,
в интересный блокнотик мастера Эверетта.

4

Растение дорастает до самое небо,
и там расцветает цветок: это мило и любо
бабочке с крылышко мёда и крылышко воска...
экая неподвижная вертихвостка!
Ах говорит во времени нету места.
Время — оно кустарник, растущий густо.
Ах отрясает время, словно репейник,
Ах — это наш учитель и наш ребёнок.
День состоит из праха и снова праха.
Племя стоит у речка и слушает Аха.
Аха перебивает горластый кочет.
Племя смеётся над кочет и горько плачет.
А ведь только подумать: всё всегда под рукою,
только отдаться неистовому покою,

только застыть у набитой до край корзины
с потусторонний взгляд наевшейся обезьяны!..
Солнце садится, и смеркается сердце:
сердце младенца смеркается в сердце старца.
Нету у нас судьба... ни серпа, ни снопа нет.
Ночь наступает. Она всегда наступает.

5

В местное небо не ходят смотреть на звезда.
В местное небо подстреливают еда.
Поэтому местное небо ведёт себя строго,
и в местное небо нет Бога,
и нету подмога, нету правильным никакая подмога.
Но — Бога высокая, справедливая Бога,
появись из воздух сахарного тростника,
протяни над Маиси большая рука
и громко скажи я люблю это племя,
это племя, это короткое пламя
на окраина мира: как хорошо горит
и как хорошо говорит!
Высокая Бога, справедливая Бога,
далеко пролегает твоя дорога,
но взгляни на пламя и иди сюда
и возьми с тобой много еда.

6

Гость приходит за гость — и товар на товар отоваривает.

Можно дать ему пёрышко, зуб, наконечник стрела.

Жалко, гость никогда не правильно разговаривает,
разговор у гость не имеет крыла.

Гость не хочет обмен ящик мыло на круглое пёрышко,

и не хочет обмен весёлый напиток на зуб,

и стоишь рядом с гость — и споришься,

споришься, споришься...

Но неправильный гость обычно жаден и глуп.

Что ж, неправильный гость...

всё бывает заветное и не заветное —

и заветное всегда помещается в горсти.

Но хороший зуб не любое теряет животное,

и хорошее пёрышко совсем не легко найти.

Вот и жалко заветное доставать и обменивать

на совсем не заветное, но привлекательное на вид.

А неправильный гость вороват и любит обманывать —

и задаром заветное получить норовит.

Ну и пусть получает себе — и не стоит досадовать —

зуб, и пёрышко, и наконечник стрела:

тяжко с гость разговор говорить и беседа беседовать,

разговор у гость не имеет крыла.

7

Птица летит далеко, правильный знает.
Рыба плывёт далеко, правильный знает.
Правильный только не знает край этой птицы.
Правильный только не знает край этой рыбы.
Правильный, он всегда остаётся на месте —
место у правильный máло, но место хватает.
Место хватает стрела лететь вслед за птица.
Место хватает гарпун нестись вслед за рыба.
Место хватает браслет брэнчать на запястье,
длинные бусы блеснуть на короткая шея,
место хватает плакать и место смеяться,
место хватает делать и место думать.
Это такое правильное приволье,
это такая правильная свобода:
место хватает оставаться на месте,
место хватает не искушать сердце.

НАХОДКИ НА ЮТСКИХ ДОРОГАХ

* * *

Тут стрекоза жила неподалёку
и бабочка жила неподалёку —
и их дома сбегали прямо в реку,
и пела свои песенки вода.
А я... а я не жил тут никогда:
я не умею жить неподалёку —
я только подалёку, вот беда.
Такой уж я нелепый мотылёк:
ко мне ужасно трудно добираться,
а доберёшься — время собираться
в обратный путь, и он всегда далёк.
К тому же слишком много подоплёк,
мешающих мне быть гостеприимным, —
пристрастие моё к снегам и ливням
и к прочим беспорядкам бытия...
И, между прочим, я — совсем не я,
а шутка Вашей памяти, ошибка,
на мне тогда была другая шапка,
но я — не я, и шапка не моя.
Забудьте, не ходите по местам,
где я люблю слоняться нелюдимо:
здесь места нет гостям и новостям,
здесь слишком быстро всё проходит мимо,
и я не здесь — я даже и не там,
где дом, и дым, и нет огня без дыма.

* * *

Пара вздохов, да пол-облачка пыли,
да высокого неба благодать —
мы копили ничего не скопили,
а того, что скопили, — не видать:
херувимские крылышки улыбки,
над бескровным трепетавшие ртом,
мы копили в ореховой скорлупке...
ах, наверное, копили не там!
Потряси-ка всё то, что мы копили, —
может, что и зазвенит наугад:
золотые копеечки капли
там на доньшке где-нибудь лежат,
да счастливым шепотком дольче вита
отзовётся — случайно, сгоряча!
Положи себе в копилочку света,
августовского света два луча.

* * *

Ты только в город не ходи —
ходи, голубчик, в рай,
в петлю и в дедушкин сарай,
а в город не ходи.
И ничего, что — в двух шагах,
да хоть бы и в одном,
застрянешь, знаешь, на торгах —
не на торгах, так на бегах,
а нет — у чёрта на рогах:
зерном, звеном, бревном.
Смотри, какой зелёный лес,
какой высокий плёс,
и нет тебе тут ни колёс,
ни слёз, ни марсельез,
а там у них всегда мятеж,
галдёж, грабёж, делёж...
Вон, облака себе отрежь
да и на хлеб намажь —
чем вся их суета сует,
чем мыкаться между карет,
и королей, и свит,
питайся песней, как Давид...
но что ж там так светло горит,
смертельно так горит?

МАЙНЦ

Чем свет очнуться на перроне
под колокол и крик вороний,
ожить растением озимым,
ветрами согнутым дугой,
и долго-долго заниматься
игрушкой маленького Майнца —
его глазурью, и изюмом,
и шоколадом, и нугой.

Пить кофе прихотливой варки,
считая брусья на фахверке,
заглядывающем в окошки
с проулка в палец шириной,
и баловаться завитками
бра, отражённого в стакане,
и мелкие цеплять в лукошке
орешки цапкой кружевной.

Кидать в фонтанчики монеты,
совсем не вспоминать пенаты
и вообще не думать, кто ты,
и на скамейке задремать —
и видеть сон, хороший, щедрый,
про заметённый сладкой пудрой,
про белолицый, златокудрый
всё тот же Майнц,
и Майнц,
и Майнц...

* * *

Распрекрасный такой план
на две жизни вперёд:
съесть пол-яблока и банан,
или наоборот,
где-то тут начало строки —
бросить взгляд,
пропустить (отклонить) звонки,
если позвонят,
в чистку сдать рукав пиджака,
остальное — в расход,
проиграть себе в дурака
или наоборот,
начитаться старых газет —
развязав тесьму,
опоздать нанести визит —
и забыть кому,
сосчитать наличность седин
за последний год,
перемножить один и один
или наоборот —
и подумать, Господь прости:
я тут не ко двору —
поживу часов до пяти,
а там и умру.

* * *

Не сменять ли мои арии,
серенады и рапсодии,
и рулады золотые
на высокие теории
о счастливом плодородии
хоть вот где... хоть вот в пустыне?
Я люблю их по-отечески,
но не жалую практически,
ибо я такая птица —
пой на солнечном наречии
вместо чтобы, там, как прочие,
размножаться и плодиться.
Пой себе в узорном тереме,
на резной пиликай скрипочке —
так-то звонче, так-то лучше!

Я женюсь на этом дереве.
Я женюсь на этой тропочке.
Я женюсь на этой туче.

* * *

Уже столько воды утекло — помилуй нас, Боже.
А она всё течёт и течёт — вольно́ ей, беглянке...
Уже всякое русло мало, бескрайнее — тоже,
и давно уже наперечёт бутылки и склянки.

Скоро, видимо, нам принесут последнюю ёмкость —
осторожной рукою подав стеклянный напёрсток:
это даже уже не сосуд, но тонкость и ломкость —
его в шутку сваял стеклодув из бабочек пёстрых.

Ах, всего на глоток на один, на несколько капель
тот напёрсток рассчитан, дружок, — на стопку, на рюмку:
это будет твой валокордин, пока ещё скальпель
не наведался и не обжѐг сердечную сумку.

Пёстрых бабочек хватит, дружок, хотя б изначально,
было б цело крыло и стекло — и не оскудело,
а вот что обмелеет река — ужасно печально,
но ведь столько воды утекло... понятное дело.

ПОВТОРЕНИЕ

Отпустить на волю прыть,
возвратиться в прежний рай,
забывая повторить
«никогда не повторяй».
Мать учения сидит
на скамеечке в слезах
и азы свои твердит,
спотыкаясь на азах.
А вокруг летают бури
в белом головном уборе,
а вокруг летают вихри,
и у них все щёки в охре,
а вокруг летают дети
с погремушками во рту,
не летайте, посидите,
не старейте на лету.
Но они летят, как боги,
между синих облаков,
превращаясь по дороге
в толпы милых стариков,
чтоб набравши неба в грудь,
прыгнуть с неба в каравай
и забыть проговорить
на лету «не забывай».

ЗАВОДНАЯ ЛОШАДКА

А вон лошадка за́ пять крон:
она видна со всех сторон
и хороша со всех сторон
неотразимо!
Она пришла из дальних стран,
на ней седло, как царский трон,
она стоит возле витрин,
где магазины.

Она со сбруей золотой,
она, конечно, для детей —
и из моих перипетий
меня не вынет.
На ней, когда тебе лет пять,
весьма приятно поскакать
сквозь детство, через тишь да гладь,
верхом — навывлет!

Но у меня с собой пять крон,
и надо мною небосклон,
и мне отнюдь не возбранён
парадный выезд —
и нету ни души окрест,
и сам я не из этих мест...
авось, свинья меня не съест
и Бог не выдаст.

Да и никто мне не судья,
за исключением дождя,
поскачем, с места не сходя —
всей жизни мимо —
весёлой белкой в колесе!
Мой Росинант, ты весь в росе,
мой Росинант, мы дети все,
когда одни мы.

* * *

Только пара сандалий осталась от этих стихов —
пара старых сандалий,
пара грустных созданий,
пара, в общем, таких пустяков.
А куда я по снегу ходил — да какая кому,
к чёрту, разница, мы же сейчас вообще не об этом!
Мы о всяком таком... миновавшем, прожитом, пропетом,
о не видном уже в паровозном морозном дыму,
если вы понимаете, что я имею в виду, —
престарелую частность...
извините за честность
и за эту вот, как бы получше сказать, лабуду.
Всё никак не забуду... понятное дело, был снег:
снег всегда в таких случаях самое первое дело —
чтобы видели, стало быть, как тут судьба наследила,
кто сошёл с колеи, растерялся, расплакался, сник,
а кто, наоборот, эту снежность насквозь пропахав,
всё равно никогда не узнал, что такое усталость.
Только пара сандалий осталась от этих стихов —
и прекрасно, что так: у других и того не осталось.

* * *

Кто-то ходит и трезвонит,
чем — не разберу:
ничего тут твоего нет —
сам не ко двору!
Всё чужое, привозное
из других земель,
а тебя я знать не знаю...
Вот и разуме́й.

Мимо пролетел червонец,
пробежал алтын.
Ничего тут ничьего нет —
никаких святынь.
Улыбается бесхозный,
праздный белый свет
и совсем не знает козней
честный небосвод.

Ну а как ты есть пришелец,
так люби свой путь —
погуляй-ка, утешаясь
хоть вот... чем-нибудь:
ни поклажи, ни ночлега —
лёгкость бытия,
рукавичка из-под снега
шепчет: я твоя!

***

Договорим до той черты,
где только ты и нет меня,
где сожжены мои мосты
и даже дым давно улёгся,
до той черты, где все чисты
и где, спокойствие храня,
на мир взирают с высоты,
с которой видно только флоксы,
тюльпаны, лилии, сирень
и наподобие того,
весенней шляпки набекрень
возвышенное вольнодумство
и новых капель дребедень,
и новых истин шутовство,
и новый парус — новый день —
уже расправлен и надулся.

Договорим до той поры,
где все мудры не по годам
и знают правила игры,
и больше уж не ошибутся,
до той поры, до той мурсы,
где за бесценок я отдам
мои воздушные шары
капитуляций, контрибуций...

А дальше чтобы ни шажка —
и постоим у бережка,
где жизнь казалась так тяжка,
ан — упорхнула по дороге,
и ни единого грешка
не записали облака
на счёт стального мотылька
и золотой его подруги.

ЛОДОЧКА ИЗ ПОРТОФИНО

Лодочка из Портофино в тесной ёмкости графина —
под названьем Жозефина, с алым кантом на корме,
лодочка из Портофино,
поплывём с тобой в уме?

Лодочка из Портофино, мы с тобою два дельфина,
два смиренные тайфуна, заключённые в тюрьме.
Лодочка из Портофино,
поплывём с тобой в уме?

Лодочка из Портофино, мы с тобою два профана,
два несчастных инофона на далёкой Колыме.
Лодочка из Портофино,
поплывём с тобой в уме?

Полно сетовать на участь: нам ведь свойственна живучесть,
нам ведь свойственна плавучесть, флот — он и в Китае флот,
надо просто участь вычесть:
вычесть участь — и вперёд!

А в уме — там солнце светит, ночь луну по небу катит,
и на всех свободы хватит — что при свете, что во тьме.
И прекрасна, как эпитет,
жизнь, прожитая в уме.

* * *

Теперь это, конечно, детали,
детали и тили-тили,
сомнения — та ли, не та ли...
далёкие такие года,
далёкие такие метели!
И чего-то от меня Вы хотели —
чего от меня-то Вы хотели
в одном небывалом тогда?

На Вас была глупая шляпа —
по-моему, чуть ли не из крепа,
и были Вы растрёпой растрёпа,
и шляпа Вам ужасно не шла.
И всё выходило нелепо:
ни слова весёлого трёпа,
разговор — как варёная репа,
в основном про чужие дела.

Теперь-то, клянусь, я бы сразу
всё понял и вручил бы Вам розу,
и каждую ответную фразу
сделал точней и острей.
Но это всё, конечно, детали,
далёкие такие метели...
и тяжело писать на металле,
и состарился менестрель.

ЗВАНЫЙ УЖИН С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

Его бы спрятать за обшлаг,
тот колокольчик, надоел, —
и вместе с вами есть шашлык,
который прежде не доел:
ведь так ведут себя, когда
все дамы и все господа
собрáлись и сидят рядком
хоть и над тем же шашлыком!
Его бы спрятать от гостей,
тот колокольчик, он смешон,
он не содержит новостей,
он пустозвон, болтун, пижон —
с ним стыдно, он бросает тень
на твой ухоженный плетень,
его брэнчание — латынь
для всех собравшихся, остынь.
Он всех смущает, он чужой —
и он для славок и чижей,
а среди вилок и ножей
ему не место, режь и жуй.
Но, шут в высоком колпаке,
ты с колокольчиком в руке
опять сидишь на публике,
опять сидишь на публике...

* * *

Прислали ангела запасного —
живи снова:
он может в изголовьи спать,
он может спеть
мелодию какую не такую —
хоть, например, живу-себе-ликую —
или подать весёлого вина,
а может сделать муху из слона,
слона твоей потери,
и проследить, чтоб дни твои летели
куда-нибудь на юг, на юг, на юг...
А что тебе давным-давно каюк,
он знать не хочет, ангел запасной —
воитель записной.
В то время как мой прежний был хранитель...
на жёрдочке сидел, висел на нити ль,
а всё чего-то там себе подумывал
и мало что предпринимал:
вот разве яблочком одаривал эдемовым
да сушку клал в карман —
на случай, если что... на всякий случай.
Такой обычный ангел — не могучий,
скорей, строчной, чем прописной,
не то что запасной.
Он снова прилетит — потом... весной.

***

Опять божество... извините, не думали —
не ждали, не чаяли, ан — как всегда:
унылая разность, весёлая сумма ли —
хитон, пара крыльев плюс-минус звезда.
И праведный лик, и высокие истины,
и кротость аскезы, и к ней две слезы,
а к ним — эти все осторожности гостыни,
с отказом от благ виноградной лозы...

И, значит, ни в коем, пожалуйста, случае
с ума не сходить, не парить в облаках:
какое нам дело, что звёзды падучие —
другие! — себя не держали в руках,
на то и другие... А тут — всё как надо бы:
всерьёз, навсегда, до последней черты —
и райский возок, спотыкаясь о надолбы,
везёт нас наверх от земной суеты.

Прощай, значит, жизнь! Уж отныне не хаживать
по лужам, а только бродить по лугам,
выказывать знаки вниманья, ухаживать,
смиренье блюсти, не мечтать о другом,
лелеять пергамент сухого отчётика:
мол, жил не греша — ничего сверх того...
Опять божество. А хотелось бы — чёртика.
Но — опять божество.

***

Есть право пророчить и мышку ловить на мормышку
компьютерной правды — во имя бессмертных идей...
но нет уже, видимо, права греметь в погремушку
и нет уже, видимо, права морочить людей.
Идёт пересмотр — и следствие губит причину,
и поздно шуметь, и упрямится старый верстак,
и есть уже вещи, которые мне не по чину,
их надо забыть и оставить на прежних местах.

Но, чёрт побери, не получится басен из песен,
пойду и умру за покинутый всеми редут,
поскольку я, в общем, ничем никому не обязан —
вот разве чернилам, которые не предадут:
мы вместе струились, мы вместе стекали — стихали
и снова кричали, и брызгали синей слюной
затем, чтобы вместе потом становиться стихами
и переставать наконец быть и ими, и мной.

Вот разве чернилам — за пристальность синего взгляда,
за то, что со мной они нянчились вечно... хотя
чернилам как раз ничего от меня и не надо:
испачкал все пальцы, иди отмывайся, дитя!

МЫ УВИДИМСЯ

Мы увидимся в новом году,
не волнуйтесь, я сам Вас найду —
просто стойте себе, где стояли,
где спеклись наши жизни слоями
и где, пальчик смочивши слюнями,
Вы по льду рисовали звезду.

Мы увидимся в новом году:
просто стойте, пусть не на виду —
на-базаре-развале-вокзале-
у-витрин-у-весов-под-часами —
под часами ли, под небесами
просто стойте, и я Вас найду!

Мы увидимся в новом году —
я «бреду» не имею в виду,
но как знать... может быть, и имею:
что я, кроме как бредить, умею —
не ходить мне дорогой прямою:
мы увидимся в новом бреду.

Мы увидимся в новом бреду,
я клянусь, что я не пропаду,
просто стойте себе, где хотите —
хоть одна, хоть без свиты, хоть в свите,
просто будьте на этой планете,
мы увидимся в новом году!

***

Это что ж за таверна такая... не помню, каюсь, но оно хорошо бы — там встретиться, хорошо бы даже прямо сейчас, только в памяти полный хаос. Если кто-то и помнит, то старенькая Тошиба. Надо просто открыть один файл — навсегда закрытый, защищённый навеки, на вечные, значит, веки, то ли лаковым слоем, то ли ласковой позолотой, то ли маслом оливковым... соком лесной ежевики. Надо просто войти в этот файл — так, как входят дети, несмотря на запреты, заборы, запоры, засовы: надо просто войти, оглядеться и заглядеться, ни о чём другом не задумываясь особо. Можно с проводником: есть такой проводник по файлам, проводник по всяким глупостям запоздалым, сильно пахнувший хлороформом, нет, хлорофиллом — не прочитанным в своё время коротким мэйлом. Проводник по всяким глупостям беспризорным, он-то знает, что безопасно, а что коварно, и найдёт без труда покрытую свежим дёрном в старом файле таверну под вывескою «Наверно».

* * *

...ибо всякая Божия шваль
в свой бренчит колокольчик.
Комара сладкозвучного — жаль:
плохо кончит,
жаль осу, саранчу и слепня:
тоже звонкая живность,
жаль... кого бы ещё? — жаль меня,
раз уж так всё сложилось.

Полетаем-ка мы, побренчим,
погуляем по нотах —
над болотом, поляной, ручьём,
над холмом, над блокнотом —
и достигнем последних верхов:
там Господь шёлком вышит...
Жаль лишь тех, кто не пишет стихов,
жаль — кто пишет.

* * *

Снова память расшумелась,
снова дремлют часовые,
память, память, Божья милость,
все пути твои кривые:
ни уйти, ни воротиться,
ни столкнуться, ни расстаться,
все твои чумные — птицы,
все твои шальные — танцы:
заморочит, искалечит,
небеса согнёт дугой...
Не ходи на тот конечик,
огуречик дорогой,
не подписывай кабальной,
не ручайся головой —
оставайся с колыбельной
хоть и мёртвой, да живой:
Бог летает высоко,
сладко рифмы молоко,
полно плакать, дитятко...

* * *

И можно всё опять связать — хотя б вот проволокой тонкой,
и можно всё опять сказать — допустим, даже повторяясь,
но можно и исчезнуть с глаз, легко взмахнув пустой котомкой,
не взяв ни слова про запас... — и не такой я бережливый.
Я разбазарил всё что мог, а мог когда-то очень много:
в день мог писать по сорок строк — по сорок строк и по сто сорок,
мог рисовать и рисовать, без сна и отдыха, ей-богу,
а мог на всё и наплевать с одной высокой колокольни,
мог пировать с самим собой — часами, мог и с небесами,
и мог болтать наперебой — Всевышнего перебивая,
и мог два пустяка сложить, чтоб вечность получилась в сумме,
а мог всё сразу отложить — хоть на минуту, хоть на сколько.

И вот... когда я не вернусь, ты знай, что мне всего хватило,
что, навсегда забыв Парнас, я и про нас с тобой забуду,
такое уж я тело, м-да, — небесное такое тело:
я просто не хожу туда, куда... — куда, куда! — в Фокиду.
Так вот, когда я не вернусь, совсем не в этом будет дело
(и не таков я, скажем, гусь, чтоб это кем-то замечалось!),
а в том, что, значит... стрекоза всё лето красное пропела —
и тут зима катит в глаза, как полагается по тексту.
Ну вот... когда я не вернусь, пусть всё останется, как было:
пусть светит солнышко, и пусть на белом свете будет август,
и барбариска за щекой, а в облаках — хоть звук футбола,
хоть волейбола, хоть какой любой другой игры душевной.

***

Здесь у нас есть дом с трубою,
здесь у нас есть мы с тобою
и другие безделушки —
чайник с чашкой, плошка с ложкой,
пара глупеньких хи-хи,
и помада, и духи.
Есть и праздники, и будни,
есть заутрени, обедни,
есть сегодня и намедни,
день рабочий и обычай
отдыхать после шести,
есть «уйти» и есть «прости».
И совсем немноглюдно,
и всегда играет лютня,
что намедни — это ладно,
и сегодня — тоже ладно,
но потом уже — ни-ни:
слишком быстры наши дни.
Мы привыкли с неба падать —
падать-ничего-не-ведать,
скоро позовут обедать,
на столе стоит еда.
Детство, молодость и зрелость —
всё сбылось, всё пригодилось...
Ну подумай: что нам делать
в этом глупом навсегда?

***

А вот это мне на потом:
мне потом идти по пятам
за одним проулком пустым,
где твой след сто лет как простыл.
И вот это мне на потом:
рыбка на крючке золотом,
птичка в серебристой сети
всех твоих пойми и прости,
пара-тройка общих друзей,
два билета в местный музей,
да сухая брешь под зонтом —
на потом, дружок, на потом.
А вот эта дура-строка,
всё ещё живая пока,
и почти пустой парафраз —
на сейчас, дружок, на сейчас.

НАХОДКИ НА ЮТСКИХ ДОРОГАХ

Весенне-летняя коллекция

№ 1

Такая зелёная штука
из нашего грустного века... —
стучащая, если нажать.
Потеряна у автомата
и в землю прохожими вмята
(потом распрямилась опять).
Она мне сказала: «Послушай,
я тут потерялась на случай
найтись... вот такие дела».
Была в ней внезапная милость,
когда она вдруг распрямилась
и прядку со лба отвела.
И я всё крутил эту штуку,
хотя ни единому звуку
не верил, а сам — ни гу-гу,
хотя понимал уже, в общем,
что как мы ни злимся, ни ропщем,
но я без неё не смогу.
И я всё крутил эту штуку —
несильно поранивши руку —
и делалось мне всё ясней,
что это, должно быть, навеки,
что все мы бродяги, калеки...
и было мне зелёно с ней!

№ 2

Новенькая втулка, ценность без упрёка —
никакого толка, никакого прока,
никакого смысла...

Надо было б смазать, если б было масло.
Кузнеца Гефеста золотая прихоть —
надо было б спрятать, если б было место
где-нибудь у сердца.

Втулку, шпильку, гильзу... — время экономить:
всё имеет пользу, всё имеет память,
всё имеет цену.

Всё однажды, после, зацветёт лозою,
изольётся мыслью, изойдёт слезою...
дайте только время.

Всё ещё вернётся из глубин колодца
на волне хоря, на хребте боря —
дайте только время где-нибудь у сердца.

№ 3

Должно быть (должно быть!), от киндер-сюрприза:
одна половинка — которая снизу,
одна полусфера...

разъяли и бросили, стало быть, дети.

Что было в ней — я не скажу, хоть убейте:
была в ней кифара!

Не то чтоб живьём... но объём полусферы
был ясный намёк на наличие кифары
когда-нибудь прежде,
когда ещё целым был круглый цилиндр,

когда ещё эти небрежные киндер
водились тут реже.
И я на минувшей кифаре на этой
исполнил припев моей песенки спетой —
давно уже спетой.
И прежние дни у меня за спиною
шептались и шли осторожно за мною
коротенькой свитой.

№ 4

Чьё-то проволочное колечко
всем на счастье... хоть и не наличка,
а немалый подарок небес!
Поглядеть — так совсем золотое
и наполненное пустотою
с бриллиантом внутри, хоть и без.
Ах, прощайте, мои домочадцы,
я сегодня уеду венчаться
и назад не вернусь никогда,
а когда я вернусь, я не знаю:
это знают колечко резное
да воздушных колёс обода.
Но когда я вернусь, вы прочтёте
обо мне в прошлогодней газете,
что он, дескать, уехал назад...
Вы тогда не хватились потери,
да все годы давно пролетели —
и ветра сквозь колечко сквозят.

№ 5

Стеклянный шарик, каких навалом, — с отливом алым:
таких видали-перевидали в счастливом детстве,
но, как и в детстве, опять загадка: куда с ним деться,
хоть и не лишней, а ничемушной — в большом и малом!
Бывало, катишь такой вот шарик куда не знаешь
и всё гадаешь, зачем бы это, к чему бы это...
Теперь-то ясно: всему на свете цена одна лишь —
цена гаданья, цена вопроса, цена ответа.
Пусти под горку, сожми в ладони, храни в кармане:
такая круглость везде в почёте, везде сгодится,
её на свете давно, пожалуй, нет и в помине —
но только дети об этом знают, да вот... индейцы:
они увидят стеклянный шарик — и станут биться
между собою за право шарик пустить под горку,
сжимать в ладони, хранить в кармане — и плакать горько,
коль не достался... а так хотелось, такая ценность!
Они насильно тебе подарят перевитое
копье и перья, колчан и стрелы с весёлым гулом —
за это право владеть священной пустотою:
пространством полым, прозрачным целым с отливом алым.

№ 6

Что-то вроде чего-то вроде —
милость некая Христа ради:
то ль булавочка, то ль заколочка...
Так бывает: подкинет улочка —
и не знаешь, куда девать!
Бросить жалко: и так уж брошена —
лучше как-нибудь по-хорошему:

взять почистить, окантовать...
Пусть висит, на стене блистая —
милость Божия золотая
от беспечной прохожей девочки,
разбросавшей свои обновочки —
что куда, кому Бог пошлёт:
где коробочка, где улыбочка... —
вертихвостка, стрекозка, бабочка,
угодившая в переплёт!
Её больше на свете нету —
она жизнь свою как минуту
прожила — и ищи-свищи-с:
по булавочкам, по заколочкам...
по заброшенным тёмным улочкам —
по улёчкам её вещиц!

№ 7

Всем осколкам осколок, с пожаром на скулах:
память печи, и сечи, и речи усталых
полководцев, с тоской говорящих солдатам:
мы могли бы остаться в живых, но куда там!..
Мы могли бы остаться в живых, но куда там —
мы разбросаны по безымянным редутам,
чтоб вождям нашим — лживым, богатым, надутым —
безопасно бродить по торжественным датам,
чтобы детям, войною не слишком задетым,
собирать черепки по редутам... да где там,
есть один лишь осколок!
И я им владею,

я владею им и с каждым днём молодею,
и уже я готов умереть за идею —
за какую-нибудь за идею седую.
Но покуда не умер, живу — в ус не дую,
в ус не дую, а только владею, владею
под одною звездою, своею звездою.

№ 8

Полусогнутая пряжка:
если хочешь, застегни —
хоть навеки, хоть немножко,
если хочешь, застегни
или просто так любишься,
или об заклад побейся,
эту пряжку заложив:
проиграешь — будешь жив!
Эта маленькая участь
на земле лежала, скрючась:
если хочешь, распрями —
молоточком ли, совочком,
задушевым ли словечком,
если хочешь, распрями.
Нам и всем немного надо:
хватит слова, хватит взгляда,
хватит просто чтоб подули,
пусть и из далёкой дали,
на горячее чело...
даже и, на самом деле,
хватит вовсе ничего!

№ 9

Крышка от некоей ёмкости —
просто невысказанной ломкости:
взялся покрепче — и нетути!
В общем, при полной ненужности
требует бешеной нежности,
не говоря уж о трепете.
Что ею было завинчено,
знать, без сомненья, заманчиво —
впрочем, не так обязательно.
Ясно, что что-то воздушное,
перистое и нездешнее —
облако, светлое затемно?
Крышка потеряна, полноте,
облако стёрлось из памяти —
только его мы и видели!
Джинн из сосуда никчёмного,
«Дух Ничего» наречём его,
ищет себе повелителя.

№ 10

А заглянем хоть под этот под тяжёлый половик:
грошик ломаный, однажды потерявшийся навек
(не навек, мой драгоценный, ничего тут нет навек), —
грошик ломаный найдётся,
разумеется, найдётся
не волнуйтесь, имярек.

Думал, потерял — и ладно, думал, век давно истёк,
а смотри-ка — появился развесёлый антиквар,
ходит песенку мурлычет развесёлый антиквар:
грошик ломаный найдётся,
разумеется, найдётся
не волнуйтесь, имярек.
И печатают в газете объявление в пару строк:
«Грошик ломаный утерян, до обеда позвонить» —
и спешат все телефоны до обеда позвонить:
грошик ломаный найдётся,
разумеется, найдётся,
не волнуйтесь, имярек.
И несутся к антиквару целых двести человек:
грошик ломаный нашёлся, потерявшийся навек!
Не навек, мой драгоценный, ничего тут нет навек:
грошик ломаный нашёлся,
разумеется, нашёлся,
не волнуйтесь, имярек.

№ 11

Открыточка с оторванным углом —
и пусть оторванным, и поделом:
была бы целой — не было б резона!
А так — смотри, какая благодать:
стоять и зачарованно гадать,
чем кончится у них конец сезона.
И без того там слишком много слов —

и без того чрезмерно тороплив
рассказ о небывалом изобилии
даров природы и любви даров,
дневных походов и ночных костров,
и тяжело дышать от звёздной пыли.
И без того избыточно легка
порхающая по строкам рука —
хотелось бы поболее нажима,
хотелось бы потише мыслям течь...
как вдруг — внезапно прерванная речь,
и будущая жизнь непостижима,
и тотчас же приходит волшебство:
оно в умении не сказать всего,
запнуться на случайном новом смысле —
и если оборвать себя на той
или на этой быстрой запятой,
и если вдруг расплакаться, и если...

№ 12

Может, конечно, и выбросили —
с них станется, с южных ютов! —
но сначала у неба выпросили,
понятно, что для полётов:
пёрышко с разводами радужными,
из самых простых, голубиных
(местными тяжёлыми гражданами
почему-то особенно любимых).

И я полечу на том пёрышке
куда-нибудь в дальние гости —
я полечу на том пёрышке
на Берег Слоновой Кости,
где разные пёрышки сотнями
порхают вокруг и горят,
особенно — днями субботними
и воскресными, говорят.
У меня есть кошёлка марлевая,
я туда их все соберу —
и предстану, грехи замаливая,
перед облаком на ветру:
дескать, был и я среди спорящих,
расшибал пространство плечом...
между тем как всё дело — в пёрышках,
а больше совсем ни в чём.

№ 13

А вот это у нас — от чего?
Да помилуйте, ни от чего:
ведь не всё от чего... ах, не всё от чего,
есть ведь что-то и ни от чего!
Ну, допустим, оно — от тревог,
тех, к которым ты слишком привык:
с неба лёгкий кивок — и не стало тревог,
не тревожся, чуждак-человек!

От соблазнов на старости лет —
скажем, стать на тонюсенький лёд...
с неба тихий привет — вот и нет их как нет,
тех соблазнов на старости лет!
Дальше сам говори, мой родной:
от игрушки нелепой одной,
безделушки одной, побрякушки одной —
от одной от судьбы заводной.
Где получится — там и повесь,
только лучше, конечно, не здесь:
здесь и так уже есть... столько всякого есть,
что не съесть, и не счесть, и не снести!

№ 14

Да как-то и не знаю, чем назвать, —
ничем не назову, так и оставлю:
ведь я же... я отправился на ловлю
чего-нибудь, дружок, — что Бог пошлёт!
А Бог послал такую, значит, вот
забаву... позабывши дать ей имя
(чтоб, например, не спутали с другими,
не приняли за что-нибудь ещё).
Но ей, забаве, видно, наплевать,
как называться — ей бы лишь катиться,
катиться, и сиять, и золотиться
по утренней, по гладкой мостовой.
Поскольку что имеем — не храним,
поскольку счастлив только аноним —
не наречённый и не обречённый

нести чужое имя на плечах,
но — золотиться, и сиять в лучах,
и думать обо всяких мелочах,
и быть лишь самому себе причиной!

№ 15

Или — летела себе золотинка,
так и летела: бездомно и тонко
что-то такое звеня на лету...
дескать, летишь вот, звеня и сверкая, —
жертва вопроса: а кто ты такая,
чтобы сигать в высоту?
В общем, конечно, никто не такая —
просто немножко лишилась покоя,
вот и взлетела — и всё, и конец.
Нет на сей счёт никаких объяснений —
есть только день... невозможно весенний:
свет, и тепло, и скворец.
Кто б ещё понял, зачем мы летаем!
Люди вон тоже летают — не то им
скучно, и грустно, и... как-то не так:
вот и простая одна золотинка
в небе весеннем — рутина... рутинка,
будничный образ, пустяк.
Можно, конечно, поймать и разглядить,
можно и как-то иначе уладить
эту судьбу — да зачем же, лети:
мы обозначим тебя в каталоге
как экспонат, что всё время в дороге,
как аватару пути.

МУЗЫКА НА ТИТАНИКЕ

МУЗЫКА НА ТИТАНИКЕ

Веку тому Господнему
нынешний слишком нов:
помню, летали по́ небу —
нищие, без штанов,
Божии всё избранники
с крыльями из свинца!
Музыка на Титанике
играла до конца.

Нам полоумной удали
в пламенном том тогда
больше чем надо выдали,
дамы и господа,
бражники, гипертоники,
траченные сердца!
Музыка на Титанике
играла до конца.

Это мы после выясним,
выпрыгнувши из тьмы:
всё-то там было вымыслом —
время, пространство, мы,
буквы газетной хроники —
по ширине лица.
Музыка на Титанике
играла до конца.

Веку мы были бабочки,
бабочка только гость:
вынесли нас за скобочки,
бросили где пришлось —
и разлетелись странники
по свету, как пыльца.
Музыка на Титанике
играла до конца.

* * *

Если б я распоряжался этим садом,
если б я распоряжался этим судном,
если б я распоряжался этим скудным
судным днём, в котором нету виноватых,
если бы я распоряжался этим стадом,
этим праздничным, весёлым и бесстыдным —
с неумелым, но божественным рапсодом,
распевающим с безжалостным надсадом
о далёких, им не виданных широтах,
или — бедным медным светом за фасадом,
испещрённым завитками финтифлюшек...
или вот хотя бы только этим сердцем —
этим нежным, малолетним этим ситцем,
полным творческих сомнений и ромашек, —

то клянусь, что и тогда бы я не тронул,
несмотря на все издержки и излишки,
ни ромашки ни одной, ни финтифлюшки,
не коснулся б, не нарушил, не поранил —
всё считал бы дорогим и ненаглядным,
вызывающим любовь, и боль, и жалость!

Потому-то я и не распоряжаюсь
этим светом, этим садом, этим судном...

* * *

Ещё бы знать тогда, как всё потом
перевернётся и перекроится:
я стану парусник, ты станешь птица —
я весь в серебряном, а ты вся в золотом!
Ещё бы знать тогда, что тусклый свет,
непостижимый тусклый свет бывшего
пробьёт сегодня сказанное слово —
тому бывшему сказанное вслед,
что серебро и золото бедны
и ничего по-прежнему не стоят —
лишь только дождь пройдёт и снег растает,
и дунет ветер из чужой страны.
Ещё бы знать тогда, что жизнь щедра
и даст нам всё, о чём мы ни попросим,
всё, что потом мы так беспечно бросим
на полдороге в нищее вчера,
и что, раздаривая впопыхах
сокровища свои случайным людям,
мы никогда друг друга не забудем —
и что потом мы встретимся в стихах:
два мотылька, в неведеньи святом
играющие отражённым светом!
Ещё бы знать тогда, как всё потом —
как всё сейчас... потом, потом об этом.

***

«Будь здоров!»

Из последнего письма

Ангелы порхают, в том числе и хранители,
там, где восполнители утрат, исполнители
самых смертельных номеров,
просто говорят: будь-здоров —
будь-здоров-не-кашляй-не-ходи-по-воде,
не-пиши-стихов-и-не-читай-их-нигде,
уничтожь-все-ручки-и-все-карандаши,
не-греш-и-а-если-вдруг-грессишь-то-греш.

У них, у исполнителей смертельных номеров,
множество всяких изумительных даров:
вот тебе развилка, вот тебе мосток,
вот тебе белка, вот тебе свисток,
вот тебе свалка, вот тебе верстак,
если что делаешь, делай не так,
не ходи по кромке, не рискуй головой,
ешь побольше фруктов, оставайся живой!

У них, у восполнителей всяческих утрат,
здесь, на белом свете, немного отрад:
если взгляд соборующего не суров
да у Богородицы есть новый покров.
Одна рождаемся, живём одна,
одна уходим, оставляя слова:
будь-здоров-не-кашляй-не-ходи-по-воде...
Да святится имя Ваше — здесь и везде.

* * *

Оно-то ведь и держит на плаву,
что я пишу слова: не жизнь живу —
слова пишу, пишу о чём придётся,
как писарь полковой без полководца.
Он просто пишет разные слова
для поддержанья навыка — едва
живого, глядя в небо голубое,
поскольку пусто, пусто поле боя
и после слов «Мы все здесь полегли»
уже ни слова не поднять с земли.

Он пишет — он не плачет, не скорбит,
он пишет потому, что не убит,
он пишет скоро и остервенело,
он пишет потому, что есть чернила —
они бурлят, они ещё бурлят,
и достаёт до неба праздный взгляд,
оттуда слово, словно плод, снимая —
уже ни для кого, уже немое.

Он пишет, чтобы не прервалась весть:
я, дескать, здесь, я, дескать, ещё есть —
и буду быть, и будут взятки гладки,
покуда слово не застрянет в глотке
и, перекрыв воздушную струю
последнему живому самураю,
не прекратит чумную весть мою.
И я пишу слова и умираю.

* * *

А ещё тебе скажу я,
только нет тебя давно,
что сказала ворожея —
полудетская строка:
мол, придёт такое время,
говорила ворожея,
что уже не докричишься
в облака.
Мол, придёт такое время,
что ни вздумать, ни взгадать, —
жизнь мою опережая,
говорила ворожея,
предрекала перемены,
убеждала погодить,
насыпала мне в карманы
упредительных камней:
чтобы я остановился,
чтобы сделался смирней.
Ты куда, куда, скаженный,
ты куда, куда, блаженный,
ты куда из этих дней,
говорила ворожея,
кулачками угрожая
то ли тучке на груди,
то ли точке впереди.

* * *

Все стихи однажды уже были.

Ю. Левитанский

Все стихи однажды уже были.
Все стихи однажды уже сплыли —
и стихов давно уж нет как нет.
Вместо них теперь — да что угодно:
сводки самочувствия, погоды,
списки приглашённых на банкет,
справки с мест учёбы и работы,
перечни удавшейся диеты,
расписанья дальних поездов,
планы на неделю и на месяц,
даты выгула слонов и мосек
и реестры шахматных ходов,
договоры о разделе Польши,
заговоры от чумы и порчи,
приговоры старым мастерам...
А стихи уплыли на пароме —
и блуждает дальними морями
этот неприкаянный паром,
странствует, по слухам, где придётся —
в бурных водах памяти и детства,
чей кипящий след ещё не стёрт,
выглядит, по слухам, очень браво,
все права имеет — кроме права
заходить в любой ближайший порт.

* * *

Вот в этой шкатулке с секретом
сокрыта прогулка с Сократом
да пара бредовых идей.
А этот вот ключик-замочек —
на случай свинцовых примочек:
владей!

Спроси — и я сразу отвечу,
а нет — закружу, заморочу,
уж это-то мне не впервой.
А хочешь — совсем откровенно:
открыв мои тайны, как вены, —
давай?

Давай. Мои тайны бумажны
и неинтересны таможене —
таможенник рылся да скис,
найдя на газетном обрывке
двух птичек и рядом — две рыбки:
эскиз.

Живу — ничего не скрываю,
пуста моя жизнь кочевая,
и туго затянут ремень.
Молюсь же я так: Бог Вещичек,
храни моих рыбок и птичек —
аминь.

***

Что однажды застыло на западном рубеже
и назад не пошло — как бы громко ни окликали, —
существует теперь только в звательном падеже
и по этой причине отсутствует под руками.

Ненадёжное дело, напрасное дело — звать,
догонять, настигать... объяснять, что нельзя иначе, —
Никакого «опять» не бывает: не ходят вспять
ни часы, ни стихи, ни удачи... ни неудачи.

А текущий момент поплескался — и был таков,
всё засохло навек, и глаза твои стали суше:
там остался лишь влажный след от чужих стихов —
кто сказал, что твоих? Ты не пишешь подобной чуши.

Ты не любишь стихов — никогда не любил, не знал,
не заучивал, не повторял, не носил у сердца.
Ты не ведаешь, что здесь делает полный зал —
и зачем ты к нему, самозванец, лицом уселся.

Присягаю: прошло, забыто, простите все,
это кто-то другой нагулял по другим дорогам,
ибо нынешний кружится белкою в колесе
и не помнит того языка, на котором — с Богом.

Я не слышу вас, я вас не слышу: плохая связь —
или руки дрожат, или пальцы уже не держат,
а веревочка тонкая, между эпох змеясь,
издает вдруг ужасный... но, в общем, понятный скрежет.

Впрочем, тень не скрежещет, о чём я, Господь со мной,
и с тобой, и со всеми, кто ловит далёкий отзвук
или отблеск далёкий — отчаянный позывной
для особо нервных! Хоть это не для нервных.

Потому что мы знаем: не будет других разов —
вострубил уже ангел последний, у Иоанна
больше ангелов нет — и никто не пришёл на зов,
и прокисло вино за кормой второго стакана.

* * *

Хоровод красавчиков и страшил,
безмятежные небеса...
Вот и век, не заметив меня, прошёл,
вот и новый век начался.
Тот был век-полигон, а каков-то — сей?
Улыбается Божество:
он пока никаков, он пока музей
экспонатов века того.
Он пока никаков, он пока альбом
с фотографиями родни:
малыша с крутым, в завитушках, лбом —
зачинателя всей резни,
малыша с усищами, в чьих зрачках
чёрный ворон и чёрный холм,
малыша — ничком, в роговых очках,
малыша — на бомбе верхом...
Всюду матушки, тётушки и дядья
пьют чай, говорят о душе —
там никак не мог оказаться я,
да и поздно было уже:
день к концу подходил, был притушен свет
и не вёл никуда след...
А к тому же меня никогда нет.
Да меня и теперь нет.

ГАЗЕЛЬ

Раньше я не знал, что каждый — каждый! — может умереть.
Но однажды Вы сказали: «Каждый может умереть».
И теперь я точно знаю: это может каждый встречный,
каждый встречный-поперечный — каждый может умереть.
Мы играли на рояле каждый может умереть,
мы на скрипочке играли каждый может умереть,
мы играли на свирели, на свирели, на спирали,
а потом на нонпарели каждый может умереть.
Даже каждый автогонщик тоже может умереть,
даже каждый автогенщик тоже может умереть,
даже каждый полицейский, даже каждый милицейский,
даже каждый медицинский тоже может умереть.
Мы писали на консоли каждый может умереть,
мы писали на скрижали каждый может умереть,
мы писали на скрижали, на медали, на фланели...
Но из дальней нашей дали не звонили две недели.
Вышло так, как Вы сказали: каждый может умереть.

ЁЛКА, ПУШКА, СУДНО

1

Самое светлое в мире занятие — наряжать ёлку, приурочив событие к субботе... нет, к воскресенью, чтобы действовать не торопясь, наряжать — долго, наряжать серебром, наряжать янтарём, наряжать синью, наряжать сапожком, наряжать туеском, наряжать сердцем, наряжать стеклянную рыбу, бабочкою картонной, наряжать жёлтой луковицей и пурпурным перцем, и обматывать всё это дело весёлою паутиной, а закончить — звездой, горящей, значит, над миром: Мельхиору, как водится, Касперу и Бальтазару чтоб, когда путешествуют с золотом, ладаном, мирром, было, стало быть, празднично, их триединому взору... вот и всё, и теперь уж осталось смотреть и смотреть в оба, шля привет из окна всем подряд, но особенно — пешим: заходите ко мне, у меня сапожок, туесок, рыба и другое, чего я, клянусь вам, даже не вешал.

2

Самое тёмное в мире занятие — разряжать ёлку, удаляя по очереди за надеждой надежду — нарисованную по небу, написанную по шёлку, молоком между строчками выведенную, и между — между нами всё кончено, праздники миновали, убирай их теперь по коробкам, обкладывай ватой танцы-шманцы твои, тили-тили твои, трали-вали — никогда не ходи по пятам за сердечною смутой,

за огнями, вчерашними днями, местами родными, упакуй свои звёзды, и сферы, и ленты подальше: слишком сильно блестят... да и вот уж явились за нами люди, звери, орлы, крокодилы и их крокодильши — прогонять нас отсюда, как псов, извините, бродячих, мы навешали всякого лишнего, вы извините, всё уже поснимали — осталась лишь пара сердечек и дождя золотого отдельные, редкие, нити.

3

Самое тёмное в мире занятие — заряжать пушку через произрастающий вверх металлический стебель, стебель вечно пустой, потому-то он и нараспашку — загружать, значит, всякую гибель и всякую убыль... эту гибель и убыль везут на тяжёлых подводах, до земли проседающих: прежние очарованья, горький опыт, обиды — всё в мире стоит на обидах — и напрасные слёзы, и страх, и усмешка кривая, осторожность суждений, двусмысленность разговоров, потаённые мысли во время ночных путешествий... почему-то всё это у нас превращается в порох и внезапно взрывается с силою сумасшедшей, и потом молодые солдатики — райские пешки — убивать начинают, а после — их убивают, убивают теми же ядрами той же пушки, теми же ядрами, которые не убывают.

4

Самое светлое в мире занятие — разряжать пушку, извлекая на свет прекрасные дальние планы, извлекая новые солнца и новые луны — не подряд, одно за другим, а всё вперемешку: извлекая за мирозданием мирозданье — то-то будет чем заниматься по воскресеньям беспризорным детям и многодетным семьям, то-то будет что рассматривать на ладони, ибо много всего предстоит, и теперь уж точно можно больше не суетиться, не торопиться, посмотри: из железных недр вылетают птицы, распевая о том, что не так тут всё быстротечно, посмотри, вылетают бабочки и стрекозы, и счастливая жизнь начинается помаленьку: выбегают — все белокуры, все голубоглазы — дети малые, прапраправнуки Метерлинка.

5

Самое светлое в мире занятие — снаряжать судно на съеденье голодным штормам и таким же пиратам, до свиданья, мы все отправляемся к южным широтам... — это очень досадно (в толпе пробегают глиссандо), но нас вряд ли уже остановишь: наполнены трюмы, хорошо или нет — это выяснится по дороге, с нами наши молитвы и наши высокие храмы, с нами наши святыни и наши беспечные боги, и серьёзные наши подзорные трубы, и карты —

вообще не того континента, который нам нужен...
впрочем, нам континент и не нужен — нам хватит жемчужин
и кораллов, и прочего хлама, не так ли, Рикардо? —
и Рикардо кивает седой головой и смеётся,
он-то знает наверное, что не положено в трюмы
и что в первую очередь нужно: не боги, не храмы —
только ветер попутный, удача и смелость, и солнце.

6

Самое тёмное в мире занятие — возвращаться,
возвращаться ни с чем — то есть нищим и возвращаться,
за душой ни огня не имея, ни денег, ни счастья —
лишь цветную стекляшку: взгляните, какая вещичка,
в ваших скучных краях вы такой никогда не видали —
посмотрите, как ярко блестит, и ведь всё там такое,
всё так ярко блестит, ведь на то нам и дальние дали,
чтобы всё там блестело — оттуда нас всех беспокоя!..
и захлёб вспоминать, и давиться словами чужими,
и спрашивать, и узнавать — не без горечи, в общем,
что и тут без него, получается, вроде бы жили —
и поныне живём, слава Богу, и сильно не ропщем —
и, зажав своё сердце в кулак, улыбаться навстречу
им — стекляшку вертящим в руках сообща и поврозно,
и дивиться сердечной их радости, детской их речи,
и начать им рассказывать, как обустроить отчизну.

* * *

Неужели это — то: ни тонких кружев,
ни воздушной кисеи... один бетон!
В общем, кружев тут у вас не обнаружив,
я растаиваю в дыме золотом.
А где дым беру — да здесь же, по соседству:
там его не то чтоб тьма, но есть чуть-чуть.
Поскребут, как говорится, по сусеку:
дескать, вот вам, забавляйтесь... завернуть?

Но скажите: это то, ради чего я
уходил — к другим чертям или чертам?
Эта воля не родней, чем та неволя,
здесь — не здешнее, чем тамошнее там.
Ибо с нами остаются только птицы,
а пространство никогда нам не вернó,
а пространство, как и прежде, не годится —
по размеру ли, по цвету... всё равно!

За горами, за долами, за рекою...
дух мятущийся, куда же ты, постой,
ты всегда живёшь не этой, а другую —
жизнью, смертью ли, забавой ли, мечтой:
чтобы вечность, с её пламенным приветом,
неизменно оставалась за бортом —
как тот свет, что вечно снится нам на этом,
и как этот, что приснится нам на том.

***

Потом, потом поговорим о том о сём,
взяв то и сё не за грудки, так за чубы,
покуда ангелы, крича мы вас спасём,
сметают время с прохудившейся судьбы.
Потом, потом поговорим, сейчас зима,
сейчас придут за нами, спросят, как дела,
страшнее этого вопроса лишь чума —
чума, которая разит из-за угла.

Дела такие, значит... — я забыл ответ,
я не уверен, я не помню, не готов,
но я был должен дать себе самоотвод
и отказаться от подарков и цветов,
а согласился... принял всё, сказал мерси,
и в тот же миг, под этот маленький шумок —
вжик — небеса вдруг ускользнули в небеси,
и я потом их разыскать уже не мог.

И дальше, в общем, не туда уже вело —
куда вело... да всё равно теперь куда.
А что до ангелов — им будет тяжело,
и мы, наверное, не стоим их труда,
ведь мы и раньше-то не числились в живых —
так, понарошку начинали свой забег,
так, не всерьёз, не навсегда — на черновик,
не навсегда, на черновик, на чёрный век.

ПАНТЕОН ПАСКАЛЬ

Посвящается Паскаль Серр

Мадам Жеральдин

Мадам Жеральдин была синяя стрекоза,
смущавшая вечность дрожанием тонких спиц.
Мадам Жеральдин была главный на свете спец
в вязании всяких нежностей пуховых.
Их смысл был таков, чтобы детям не замерзать
в полётах под облаками и просто так.
Мадам Жеральдин обычно вязала назад:
в тяжёлое прошлое, в голод, в нехватку дров.

Мадам Жеральдин можно было поймать сачком,
крючком подцепить, поцелуями ослепить —
она никогда не сердилась и ни о ком
родителям не доносила и вообще.
А дети клубились вокруг её тишины —
бесясь и носясь на роликах взад-вперёд,
и дети в неё были по уши влюблены
и знали, что старая няня их не предаст.

Однажды она растаяла, как свеча,
сказав перед этим, что, видимо, ей пора,
и дети неслись за дрожками, хохоча,
до самого кладбища: думали, что игра.

Мама Клэр

Мама Клэр была белая курочка,
кружевная белая курочка.
У ней в клюве всегда была корочка —
золотая ржаная корочка.
И когда случился голод
и надежды не осталось,
вся семья, покинув город,
этой корочкой питалась.
А одна настоящая дурочка,
её звали дурочка Сю,
говорила, что мамина корочка
сохранила Францию — всю!
Мама Клэр никогда не плакала —
мы смотрелись в неё как в зеркало,
и, когда улетела на облако,
всё равно оставалась около
и была совершенно жива.
И светились её кружева.

Кузина Мими

Кузина Мими, морская игла, у моря росла.
Ей не выживать — ей всё б вышивать заветный узор:
узор-то узор, но больно мала морская игла.
Мала, а несла шитьё на базар кузина Мими.

Кузина Мими двенадцати лет заветный узор
несла на базар в надежде продать, а нет — так отдать,
стояла одна, была голодна; потупивши взор,
стояла в тени... глаза подними, кузина Мими.

Нищала страна, была голодна: ни франка, ни су,
а я отнесу узор на базар — куплю молока,
и хлеба куплю, и я вас люблю, и я вас спасу,
терпите пока... да жизнь коротка, кузина Мими.

Когда понесли её хоронить, то алая нить
петляла в траве, а дядя Эрве спокойно сказал:
ну что же, дитя, лети в облака, купи молока
и выпей за нас, и нас помяни, мой ангел Мими.

Тётя Антуанет

Белая мышка по маминой линии, Антуанет Миньон,
в сад уходила с томиком Плиния — древним этим враньём,
чтобы узнать, как всё было в точности в прежние времена,
нам поучиться бы у античности, говорила она.

И засыпала в саду под сливою, с Плинием, значит, в руке,
и даже выглядела счастливою в стареньком гамаке:
снились копчёности и соления, сытость и благодать,
а боевые пассажи Плиния... — только б не голодать!

Мы не будили её намеренно (явь была слишком зла) —
чтоб мимо Плиния, сивого мерина, лодка её несла,
тихая лодка счастливой юности, праздничного вчера,
полная всяческой довоенности, всяческого добра.

Тучи курчавились, дождь накрапывал, Плиний был вне себя,
лето кончалось, гамак поскрипывал, в ус не дула судьба,
ибо куда гамак укачивал время и не промок,
длился и целости не утрачивал сей драгоценный миг.

Долго ли, коротко ль... в общем, коротко длился счастливый сон —
после какого-то то ли паводка, то ли витка времён
вышли проведать её и Плиния, а её больше нет —
белой мышки по маминой линии, тёти Антуанет.

Дедушка Поль

Дедушка Поль, золотой сверчок,
освещал домашний очаг:
и от этого был весь очаг в лучах —
полая, что твой ковчег,
и вокруг золотая светилась пыль,
проникая в любую щель —
у нас не было золотых вещей,
но у нас был дедушка Поль.

Дедушка Поль и другие сверчки
собирались по вечерам,
изучали мир сквозь свои очки,
констатировали: бедлам,

а потом на столе появлялась снедь —
так, немножко: багет, салат...
И, поев, сверчки начинали петь
песни военных лет.

Когда дедушка Поль насовсем исчез,
никому не сказав куда,
золотая пыль стала падать с небес,
а потом упала звезда —
и мы ели и пили на всем золотом,
и другие сверчки приходили к нам в дом,
и на целых три дня прекратилась война,
и была тишина.

Папа́ Жан-Пьер

Папа́ Жан-Пьер обожал жуков и сам был немножко жуком.
Папа́ Жан-Пьер отпускал усы немыслимой красоты.
Он разговаривал со шмелём, с цикадою и сверчком
и был со всеми с ними знаком, и был со всеми на «ты».

Папа́ Жан-Пьер любил повторять: дорога всегда пряма —
и на любой вопрос отвечал, понятно, не в бровь, а в глаз.
Ещё папа́ Жан-Пьер говорил, что нас, насекомых, тьма
и что не нам тут вершить дела, а тому, кто побольше нас.

Папа́ Жан-Пьер ненавидел замки́ и не признавал гардин.
И Тот-кто-побольше-нас приходил к нам запросто, без затей.
Папа́ Жан-Пьер уважал Его — и, когда Он вдруг приходил,
папа́ Жан-Пьер накрывал на стол и сразу звал всех детей.

Когда папá Жан-Пьер умирал, шёл дождь, но было светло,
и Тот-кто-побольше-нас целый час был с ним один на один,
и что-то тихое говорил, и гладил его чело,
а после ушёл, ни с кем не простясь, и больше не приходил.

Дядюшка Эрве

Дядюшка Эрве прятался в листве, ветер в голове.
Дядюшка Эрве был нам певчий дрозд в человеческий рост.
Дядюшка Эрве грезил наяву, так и норовя
превратиться в свист и, расправив хвост, прочь из этих мест.
Дядюшка Эрве сватался к вдове, жившей визави.
Дядюшка Эрве не был ей любим — он был ей рабом.
Дядюшка Эрве небо в рукаве приносил вдове —
мчался наобум, о заветный дом расшибаясь лбом.
Дядюшка Эрве, ветер в голове, небо в рукаве,
понимал в любви, понимал в родстве — только не в войне.
И когда война дядюшке Эрве выстрелила в грудь,
тысячи дроздов изо всех садов с ним пустились в путь.

Себастьян Леруа

Себастьян Леруа был домашним доктором и попугаем,
он садился на ветку и мог повторять хоть целые сутки:
покажи-мне-язык, скажи-а, не-дыши-в-промежутке,
а-сейчас-мы-полечим-тебя, а-сейчас-мы-тебя-поругаем.

Он носил изумрудно-зелёные брюки в жёлтую клетку
и любил оставаться на чай (говорили, что он одинокий),
обязательно пачкал вареньем накрахмаленную салфетку —
преимущественно смородиной, но, конечно, мог и клубникой.

В золотых его круглых очках отражалось почти всё семейство — даже дедушка Поль помещался, невзирая на габариты, но всегда всё равно оставалось свободное место, ибо мало ли кто подойдёт... да уж верно, и не говорите!

Его можно было узнать за сто метров по пёстроу оперенью, характерному хохолку, при ходьбе колыхавшемуся на макушке, по тому, как обычно он переминался в передней: он боялся домашних животных — собаки и кошки,

точно так же, как все приличные попугаи, мы полагаем, потому что кому не известны огорчительные примеры... Но потом он уехал в Африку — к другим многочисленным попугаям: их лечить от холеры — и сам погиб от холеры.

Ома Берта

А ома Берта всё знала заранее:
она была страшно умна.

И ома Берта была из Германии,
откуда пришла война.

Но когда мессершмиты слетелись к заутрене
разбомбить тут всё дочиста,
она сказала: «Отныне зовут меня
только мамí Берта».

И мы запомнили, как зовут её,
и мы забыли немецкий язык,
и в доме не стало немецкой утвари,
не стало немецких книг.

В газетах писали про разорение

и что придёт нищета,
но ома Берта всё знала заранее...
в смысле мамí Берта́,
поскольку — каждой чешуйкой мелкою
чувствуя злобу дня —
была она молниеносной змейкою,
сделанной из огня.
А змейки, они ведь всегда провидицы,
а змейки шуршат в листве,
и змейки — они ведь у нас, как водится,
живут дольше всех на све...

Люсьен

Люсьен был нам седьмой водой на киселе
и мотыльком с павлиньим глазом на крыле:
вишнёвый смокинг, неурядица в петлице
и шарф, трепавшийся концами по земле.
И, Боже, как же мы любили мотылька —
с его всегдашним неприкаянным «пока!»,
с его обычным пребыванием в столице,
с его незнаньем ничего наверняка!

Таких и любят ведь... их любят ни за что —
их, в общем, не за что любить, и их грешно
любить, как часто говорила дорогая
подруга мамина, вдова Бланшо,
а мы грешили! Правда, только на словах —
и, неурядицы в петлицы насовав,
бежали к станции, легко пренебрегая
вдовой Бланшо, — встречать его: comment ça va?

Ах, всё прекрасно, говорил, но был он враль —
неистощимый, без труда входивший в роль,
и мы догадывались, что он плохо кончит
и «всё прекрасно» — это просто как пароль.
Играл в рулетку, делал ставки на судьбу,
лежал весёлый и насмешливый в гробу,
и каждый ждал, что он взмахнёт крылом и вскочит —
с каким-нибудь невероятным бу-бу-бу...

Шер мэтр Франсуа

А шер мэтр Франсуа был сова — черты его были овальные,
он был увалень в мягком берете, чёрном или бордо.
Только он был не просто сова — он был Сова Рисованья
от и до.

Он молчал, когда рисовал (рисовал он всегда и всюду),
но он знал отдельные звуки вроде «О!» или «А-а-а...» —
они выражали восторг или, допустим, досаду,
а папá Жан-Пьер объяснял, что сова не умеет слова.

И шер мэтр Франсуа поднимал свои лохматые брови
и бездумно дивился жизни — тому, как она резва.
Он как будто не понимал, что такое «дела», «здоровье»,
и, пожалуй, даже не знал, что он — шер мэтр Франсуа.

Но зато на его холстах цветы говорили с небом,
окликали друг друга рыбы и распевала трава,
ибо он всем подряд — цветам, и траве, и тем паче рыбам —
разрешал (или поручал?) за себя говорить слова.

А пришла пора умирать — выбрал день себе покороче и, пятью золотыми мазками небеса превратив в парчу, луч зелёный нарисовал, очень чисто сказал «до встречи» — и ушёл по лучу.

Вдова Бланшо

У вдовы Бланшо сроду не было ни гроша.

У вдовы Бланшо всё всегда было хорошо.

У вдовы Бланшо на окне цвела резеда.

У вдовы Бланшо резеда была хоть куда:

и пышна была, и цвела себе не спеша.

У вдовы Бланшо всё всегда было хорошо.

У вдовы Бланшо было пончо на рыбьем меху.

У вдовы Бланшо Бодлер был весь на слуху.

У вдовы Бланшо была комнатка наверху,
где с трудом помещалась большая её душа.

У вдовы Бланшо всё всегда было хорошо.

У вдовы Бланшо была память на всё подряд,

как у всех черепах: черепахи тем и ценны.

И вдова Бланшо даже помнила, говорят,

расписание всех автобусов до войны —
несмотря на то, что всегда ходила пешком,

кроме дня, когда — в чёрных дрожках — вдову Бланшо
на зелёный погост доставили с ветерком:

у вдовы Бланшо всё всегда было хорошо.

Дурочка Сю

Нам всем очень нравилась дурочка Сю.
Она была рыжей лисичкой в лесу.
И мы говорили, что лес ей к лицу,
а дурочка Сю хохотала вовсю.

Она понимала лесные цветы,
и птиц понимала лесных, и зверей,
и мушек, и весь никчемушный их рой,
и толпы кузнечиков из темноты.

И к ней приходил на свидание ёж,
и белка жила у неё на груди.
В лесу, она верила, не пропадёшь —
всей этой еды и воды посреди.

Потом она в гости пошла к карасю
на речку — и нам рассказал муравей,
что видел, как, искрой мелькнув меж ветвей,
погасла у берега дурочка Сю.

Серж Лепелье

Серж Лепелье, двоюродный комарик,
звеневший нам почти пятнадцать лет, —
он жил и знал, что смерть не отнимает,
а просто — есть, хоть означает «нет».
Вот... и когда он говорил пардон
за грубость, за разбитую посуду,
клянясь «я больше никогда не буду»
и улыбаясь, — верилось с трудом.

Нет, мы-то были осведомлены,
никто не заблуждался абсолютно,
но ведь и так всё было мимолётно,
особенно тогда, после войны —
и никому там были не нужны
ни завтра, ни, тем паче, послезавтра,
и ничегошеньки, кроме азарта,
нас не держало с этой стороны,
на этой уничтоженной земле,
не забывавшей свежую обиду, —
один азарт, да вот... Серж Лепелье
с его «я больше никогда не буду».

Он был неправ, и доктор Леруа
был вместе с ним неправ, и мы неправы:
поныне та же самая трава
у нас в саду и с ней — другие травы,
земля не превращается в гранит,
и небеса — без видимых помарок,
и край вином и жизнью знаменит,
и ночью над просторами звенит
Серж Лепелье, двоюродный комарик.

ПЕРЕЕЗД

1

Как век минувший протекал,
я сосчитаю по тюкам,
я сосчитаю по тюкам.
Вот насчитаю сто тюков
(за исключением пустяков)
— и был таков.

А что шаги мои легки —
так и тюки мои легки,
мне всё легко, мне всё с руки:
легко — судачить о былом,
легко — проститься за столом,
легко — заплакать за углом,
притормозить, умерить прыть
и в путь не отправляться впредь,
легко — под ношей умереть,
легко — разжавши кулаки,
на волю отпустить тюки,
мои воздушные тюки.

2

Ты, вот что, погоди со всем прощаться —
тут есть заначка: две щепотки счастья
на всякий случай, на... авось когда
понадобится двум богатым нищим —
кинь их в коробочку с отсутствующим днищем,
пока в ней не захлюпала вода.

Да, затонули все твои суда,
да, сгнули без всякого следа
твои слова, и бессловесен омут,
а вот коробочка — она всё на плаву,
и, значит, ты живёшь, и я живу,
и две щепотки счастья не утонут.
Пушинки не умеют намокать —
зато они умеют намекать,
что невесомость — это попросту несомость:
несомость ветром, метром и водой,
весёлою лошадкою гнедой
по имени Словесность или Совесть.

3

Тут у нас сумки с одной и с другой за границей,
тут, в сундуке, упакован тяжёлый твой вздох.
А в этой баночке... в ней не скажу, что хранится,
ибо хранится в ней трах-тибидох-тибидох.

Мама и папа ушли на какой-то всевобуч,
бабушка в гости уехала в город Моздок.
Пусто на свете — один только я и Хоттабыч,
я и Хоттабыч, и трах-тибидох-тибидох.

Сколько тому уже? Целых полвека, пожалуй:
было тепло на душе, да теперь холодок...
Думали, спать ухожу, а я нёс под пижамой
смуту, надежду и трах-тибидох-тибидох.

Так и запомнилось: в окнах парад снегопада,
а у постели выстраиваются в рядок
лето, чудачество, чудо — чего тебе, чадо,
неба со сливками? — Трах-тибидох-тибидох!

Так и запомнилось — и ничего не поправишь
в чередовании слов, городов и эпох.
Тут у нас баночка, в ней у нас остров сокровищ...
трах-тибидох-тибидох-тибидох-тибидох!

4

А некий мелкий бес всё ходит по пятам,
и счёт под нос суёт, и требует обола:
мол, дорогой Вы мой, зачем Вам это там?
Вам незачем и здесь всё это было!

Он прав, и прав, и прав — и сколько б ни петлял
мой полоумный ум и ни давал осечек,
а так оно и есть... но этот вот футляр,
но этот вот плетёный туесочек,

но этот вот узор, но этот вот восторг,
но этот (от чего забыл) остаток,
и этот вот пустяк, чья родина Мосторг —
минувший век, конец семидесятых,

и эта вот пора, и эта вот мура,
и эта вот вчера разбитая вещица,
контейнер-полтора чудесного добра,
с которым я готов и в мир иной тащиться, —

его не трогай, бес, оно с других небес,
я соберу обоз и к выходным уеду,
а ты за остальным зайди попозже, бес:
когда получится — во вторник или в среду.

5

Три десятка чемоданов, полных всяческих молитв,
полных всяческих разборок с небесами или нет,
надо б выбросить на свалку — злая память не велит:
говорит, всё не напрасно, всё получишь, что просил.
А когда уже получишь, злая память говорит,
будешь принимать по списку, будешь брать на карандаш
эту, стало быть, красотку, этот город, этот вид
из окна... ну и вот эти — блага, льготы, как их там.
А иначе, сам подумай, злая память говорит,
как ты выяснишь, голубчик, где твоё, где не твоё:
три десятка чемоданов, каждый наглухо закрыт —
и захочешь да не вспомнишь, и потом не доказать.

Впрочем, всё, о чём мы просим, — напоследок говорит
злая память — записали на высоких облаках:
так что выброси, пожалуй, и не слушай этот бред,
три десятка чемоданов, ну а я тогда пошла.

6

Четыре рулона тяжёлых обид
на то, что дожди, и туман, и знобит,
что кофе невкусный, что сахара нет,
что скорость не та и висит интернет;

четыре рулона тяжёлых обид
на то, что отвергнут, оставлен, забыт,
что брошен один, что с собою не взят
и что не вернуться до мая грозят;

четыре рулона тяжёлых обид
на то, что изранен — и даже убит,
и даже уже похоронен вдали
от всех, кого знал, и они не пришли;

четыре рулона тяжёлых обид
на стан твой, на весь твой задумчивый вид,
на злые слова, на себя самого —
не весят, как выяснилось, ни-че-го.

7

Одну надежду на двоих
стою держу в руках своих:
у ней просрочены все сроки,
ей больше не подняться вверх —
она подобна новостройке,
что заморожена навек.

Одну надежду на двоих
стою держу в руках своих —
ей не придали сил повторы,
наоборот, пошли во вред —
ей нету подходящей тары,
ей, в общем, даже места нет.

Одну надежду на двоих
стою держу в руках своих —
последнюю надежду в мире
из лет чужих и черновых.
Надеявшихся нет в помине
и даже нет уже в живых.

Одну надежду на двоих
стою держу в руках своих
и, видимо, возьму с собою
в другую жизнь в другом краю,
где, может быть, другие двое
обманут ею жизнь свою.

8

Вот так и уйти — беспорядка в себе не заметив,
а просто сказав: мол, такое моё естество.
Но что же мне делать со связкою старых приветов
забыл от кого (и неважно уже, от кого),
в какой их сосуд... нет, в какой их ларец... нет, в какой их
ковчег положить и какой завязать бечевой —
легко шелестящие тени друзей и знакомых,
своим шелестеньем не требующие ничего?

Мне главное — их не забыть, а уж там, где я буду...
и даже, скорее, не так: где я буду таков,
я стану их клеить — на мебель, на дверь, на посуду,
я стану кормить ими бабочек и мотыльков,

я стану их класть между рамами и под подушку,
я стану заваривать в чай их — мне хватит с лихвой,
чтоб вылечить сердце, сосуды, простуды, одышку
и прочие хвори, и самую главную хворь.

А что там за хворь тебя мучает, старый зануда,
поймём уже после — отправившись, стало быть, в путь...
Тоска по тому, что уже не вернуть и не надо,
поскольку уже ничего никогда не вернуть.

9

Две алмазные слезинки
в две плетёные корзинки
я который день пакую —
и не ведаю покою,
а бумага, намокая,
снова дряблая такая,
будто тут не две слезинки,
будто дождик зарядил —
или в эти вот корзинки,
в перевернутый их купол,
не всего лишь кот наплакал,
а наплакал крокодил.

Я не буду в новой жизни
приближаться к старой бездне —
мне слезинки не за этим
и корзинки не за этим.

А зачем... да кто ж вам скажет?
Скажут: нажит — значит нажит
скарб, и каждую оплошность
до последней запятой,
как, вот, каждую слезинку,
надо паковать в корзинку,
чтобы старую жилплощадь
сдать счастливой и пустой.

10

А что-то остаётся на потом,
всё время остаётся на потом,
когда уже совсем покинут дом,
когда припоминается с трудом,
где тумбочка стояла, где кровать,
и больше нет желанья рифмовать
ни с чем на свете настоящий миг,
он сбился с ног, он наг и одинок,
и он стоит перед тобой как знак —
конечно, вопросительный, других
тебе не будет, разве что когда
ты всё уже забудешь и начнёшь
на новом месте что-нибудь ещё:
не жизнь — так пьеску, сказку, эпопе...

АТТРИЦИЯ

***

И как-то не осталось вдруг размера —
куда вписать оставшегося мира
и снег, и грех, и прах предновогодний,
развеиваемый над Родхусплáсен
кометами, ракетами... согласен,
так легче, и быстрее, и нарядней.

Вот разве только тактовик — нет, тоник,
нет, тоник не размер... тогда титаник —
нет, тоже не размер, хотя, конечно,
всё тут у нас размеры... разумы,
а нá небе косматые химеры
воркуют оглушительно и нежно.

Так значит, разумы: хочешь дольник,
или будильник, или понедельник —
так, чтобы вдруг проснуться по-другому,
как прежде никогда не просыпался:
на палец водки, сока на полпальца —
причём под музыку... желательно «Богему».

А в общем, пусть всё пляшет — или плачет,
как хочет, старый год идёт на вычет —
три, два, один — и дальше только Бог,
размеры кончились, возок летит по ямам,
но сердце продолжает биться ямбом:
раз-два, раз-два, второй ударный слог.

* * *

Приходит, значит, новый вдруг —
с вопросом, для чего я
линейкой измеряю звук...
«Взыграло речевое, —
я говорю, его кивок
встречая обалдело. —
Но вообще я так привык,
не Ваше дело.

А что я заперт в четырёх
стенах, так эту утку
пустил какой-то пустобрёх,
что очень-очень гадко, —
быть может, здесь вчера была
и за столом сидела
среди бумаг и барахла... —
не Ваше дело.

Ну, не сидела — так и что ж...
её приходы редки,
зато зашёл под вечер дождь —
Вы ведь читали сводки?
А вот о чём был разговор,
мы знаем только двое,
лишь он и я... и вот с тех пор
взыграло — речевое».

* * *

Ты замри, моя жизнь, замри —
я замру, говорит, замру,
я замру до первой зари,
на ветру замру, на юру,
на бегу замру, на лету,
на снегу замру, стану лёд
и растаю, и в пустоту
превращусь, когда снег сойдёт!

И замрёт ведь, а я тогда —
рыбкой, стало быть, из пруда —
без труда напишу слова:
Копенгаген или Москва.
И не будет в них ни следа
Копенгагена и Москвы,
ибо всё это ерунда,
а пути ерунды кривы.

Но, конечно, настанет март —
это сразу за декабрём,
и тогда полетят за борт
вместе с разным другим старьём
все немые мои слова,
и взойдёт на дворе трава...
Ототрём еще, ототрём,
по тропе пойдём тропарём.

ПИСЬМО

По причине отсутствия целей и средств отсутствия я сижу на мели — с парой-тройкою слов, не боле, но живу хорошо: вообще ничего не чувствуя, кроме старой одной, отслужившей своё, любви.

Мы с ней просто друзья и встречаемся выпить рюмочку, обсудить, что земно в нашей жизни и что небесно, то есть, встав на обрыве, но не заходя за кромочку, поглядеть в одну бездну... теперь уж мелкую бездну.

Мы с ней просто друзья — и знакомою бродим местностью: там, где прежде смеялись, дурачились, танцевали... Жалко, что я теперь не в ладу со своей словесностью — и не знаю, как выразить эту беду словами.

Начинаю писать — как молиться, как делал исстари, но отчаиваюсь на пороге, на первом «Отче...» — и, пожалуй что, попрошу полкового писаря написать за меня: у него получится чётче.

***

Извините, не узнал:
извините, много лет
никого не узнаю...
Извините, полный зал,
извините, яркий свет
плюс общительный сосед
с приставного, на краю.

Да конечно же, простил:
я прощаю всех вокруг,
я прощаю всё подряд!
А что сух... таков мой стиль,
Вы, конечно же, мне друг —
даже больше, виноват,
Вы, конечно же, мне брат!

Завтра я опять соврु...
нет, сотру — оно верней —
этих слов круговорот.
Так и флюгер на ветру,
так и речка меж камней,
так и мельничка поёт.

* * *

Из кое-как законченного дня
всего-то лишь и вышла у меня
одна строфа... но в маленькое поле
моей строфы я уместил, что мог:
с трубою дом и над трубой дымок,
немножко веры и немножко воли —
и всё хотел придумать заголо...
да мысль куда-то ветром унесло
и закружило там с листвой сухою,
и я тогда решил: пускай строфа
так и живёт на свете как строфа —
и три звезды сияют над строфою.

* * *

А лирических обновок,
лучше не проси их, ладно? —
огрызнусь, скажу: не вышло.
После стольких сразу правок
ничего уже не видно,
ничего уже не слышно.

После стольких сразу правок
ничего не опознаёшь —
разве только заголовок...
Ничего не опознаёшь,
остаётся тишина лишь
после стольких сразу правок.

Ни одной черты знакомой,
ни единого словечка
после стольких сразу правок.
Плачет старая привычка
да вздыхает старый навык:
ни одной черты знакомой!

А давно ли — бормотали,
чепуху на ус мотали,
малевали подмалёвок,
жили глупо и некстати...
всё пропало в результате
после стольких сразу правок.

Строй беспечных заготовок
на забывшемся наречьи
всё далече, всё короче.
После стольких сразу правок
с нами только междометье,
междуречье, междустрочье.

* * *

Потихоньку уменьшается алфавит:
выпадают буквы —
буква «ф» давно уже норовит
потеряться вовсе,
только гласные нам ещё и верны —
в силу старой клятвы
накричатся вдоволь после войны,
лучезарный Спасе!
Записные книжки теряют вес
и теряют разум:
в них всё больше и больше теперь небес
и всё меньше спеси,
лучезарный Спасе, пусты уста,
и обычным фразам
не хватает резвости и хлыста,
лучезарный Спасе!
Ах, на чём говорить и с кем говорить,
как бывало раньше
и как, ясное дело, не будет впредь —
в чём ведь вся досада...
Хоть по-прежнему носятся там и здесь
полоумные почтальонши,
только букв не хватает уже: прочесть
имя адресата.

Но покуда остался клочок земли,
не напрасен поиск,
и не все мы ещё навсегда ушли
во свои свояси.
Доведём до конца этот страшный бой,
а уж после, после
мы ещё помычим, помолчим с тобой,
лучезарный Спасе.

* * *

Если маленькие частности
довести до полной честности,
всё равно не будет ясности —
просто меньше неизвестности.
Если маленькие честности
довести до полной лживости,
всё равно не будет страстности —
будет только больше живости.

Где налоговая ведомость
улетела со стола —
бело-розовая жимолость
невзначай произроста.
Где исчезнувшая видимость
наконец сдала права,
ослепительная живопись
распустила кружева.

* * *

Что ж, per aspera ad astra!
На глазах тускнеет люстра —
слишком явно, слишком быстро.

Видишь, вечные студенты
закрывают фолианты.
Возникают горизонты.

Безмятежное соседство
залпом переходит в братство —
в братство или в сумасбродство.

После солнечной латыни
в золотой пыли ладони.
Это навсегда отныне.

Улетает речь магистра,
уплывает френч магистра.
...Окончание семестра.

* * *

Всё сходит на нет, свет сходит на нет, след сходит на нет.
Лёд сходит на нет, лад сходит на нет, люд сходит на нет.
И старый блокнот который уж год вперёд не идёт,
а сходит на нет, и сходит на нет, и сходит на нет.

Но весь этот бред, который я, брат, вышагивал вброд —
лохмат и небрит, напялив берет, беспечный на вид —
о, весь этот бред, текущий сорит, горючий гибрид,
он так и влечёт, он так и течёт, он так и горит.

Он, наоборот, сильнее стократ, и пляшет Сократ —
и прячет секрет, и смысл его скрыт от нас навсегда.
Приходит закат, уходит закат, приходит восход,
и жизнь молода, и врёт без стыда, и сходит на да.

ЛЮБОВЬ К ТРЁМ АПЕЛЬСИНАМ

Клянусь, что я ещё возьмусь за ум:
начну питаться — чем там... наобум:
акридами и мёдом, духом, сеном,
устану быть бездомным и бессонным,
пройдёт моя любовь к трём апельсинам,
заметьте, что — не к одному, не к двум,
но и она пройдёт... какой бы ни
была нелепой, смелой и нелепой —
хоть вот со стороны, хоть вот под лупой,
откуда ни зайди и ни взгляни.

Один-то апельсин совсем смешной,
другой ещё смешнее, а уж третий —
смешной до слёз, и все они в карете,
в смешной карете катятся за мной,
и я люблю их больше всех на свете:
троих люблю — любовью одной.
И трижды предо мной одна трясина
волшебная, и ничего — за ней:
ах, знать... узнать бы — хоть на склоне дней,
кто учит нас любить три апельсина!

А с неба смех — высокий, лёгкий смех:
нет, дескать, милый, ничего для всех —
вот разве тайны да головоломки!
В чужие не заглядывай котомки:
там меч тупой да сломанный доспех —
пусть с ними разбираются потомки,
с них станется, а ты люби того,
кого тебе послало волшебство,
кого попало и кого придётся,
кого назначат Бог и Карло Гоцци.

СТИХИ К СКАЗКАМ

РАМТу

* * *

Плед женился на кушетке,
слон умчался на лошадке,
две рыбёшки кушать суши
приучали райских птах.
Всё бывает, как бывает
и в Москве, и на Гавайях,
и на море, и на суше,
и ещё в других местах.

Дождик сочинил балладу,
снег объелся шоколаду,
сад подался за границу,
дом оставив взаперти.
Плющ собрался на свиданье,
сон уехал в чемодане,
чтобы никому не сниться —
чтобы выспаться в пути.

Нитка вышла на прогулку
и посеяла иголку,
бородатый козлик в лодке
мёл метлою океан.

Всё полно многообразья —
не поймёшь, как ни старайся,
для чего козлу бородка,
для чего козе баян.

И в Москве, и на Гавайях
всё бывает, как бывает:
шарф отплясывает польку,
из кармана бьют ключи!
Не ищи себе напасти,
не учи цвести капусту,
не учи свистеть свистульку,
деда кашлять не учи.

По законам живой природы

Эта тучка над лугами —
дальняя, но не чужая —
вечно кружится кругами,
нас с тобою окружая,

эта речка с берегами —
распевая: «Как свежа я!» —
вечно кружится кругами,
нас с тобою окружая,

этот жук с двумя рогами,
чёрт-те что воображая,
вечно кружится кругами,
нас с тобою окружая!

В облаках и под ногами,
малая или большая,
вечно кружится кругами,
нас с тобою окружая

и весь мир в кружок сзывая —
под присмотром небосвода —
эта милая природа...
разумеется, живая!

**Оловянная ложка,
мечтавшая о Барселоне**

Я просыпаюсь с Барселоной —
с лиловой, жёлтой и зелёной,
с пурпурной, синей... вам видней,
с серебряной и золотою —
я знаю, я её не стою,
но всё же просыпаюсь с ней.

Я обнимаюсь с Барселоной —
с душистой, сладкой и солёной,
с прозрачной, дымной... вам видней,
и с древнею, и с молодою —
я знаю, я ей не владею,
но всё же обнимаюсь с ней.

Я наполняюсь Барселоной —
клубничной, яблочной, лимонной,
арбузной, дынной... вам видней,
меняя манго на папайю,
я знаю, я не исчерпаю
её, но наполняюсь ей.

Я засыпаю с Барселоной —
с капризной, мягкой, непреклонной,
с упрямой, кроткой... вам видней,
и со сквозною, и с резною —
я знаю, я её не знаю,
но всё же засыпаю с ней.

**Маленький сон
в полосатой пижаме**

Давай-ка мы не забывать о режиме:
уж вьётся над нами комар,
ах, маленький сон в полосатой пижаме,
ах, страшный... ах, просто кошмар.
Не прячься и с тенью своей не сражайся,
бросаясь под свод темноты:
видали мы, братец, и сны поужасней —
гораздо ужасней, чем ты!

Видали мы, братец, такие кошмары —
не пересказать наяву:
видали заросшие лесом бульвары,
видали ежа и сову,

змею на кольце, паука на зажиме
и с волчьей мордую трость...
нам, братец ты наш в полосатой пижаме,
всего повидать довелось.

К тому ж мы и сами с такими усами,
что все разбегаются прочь,
как будто мы чёрный корабль с парусами,
летающий сквозь чёрную ночь.
Нас не испугать ни шагами чужими,
ни даже чужим языком —
тем паче тебе, в полосатой пижаме
и в тапочках с синим цветком!

Рассеянный воздушный поцелуй

Не какие-нибудь трали-вали:
ни вздохнуть, ни поднять головы —
было время и нас целовали,
но теперь мы из камня, увы.
И в гранитном своём покрывале
мы стоим посредине Москвы:
было время и нас целовали,
да теперь не целуют, увы!

Были флаги так новы, так алы —
так недавно, так... просто на днях!
И летели в чаду генералы
на своих лучезарных конях —

ни в сражении, ни на привале
никогда не пуская корней!
И все встречные их целовали
прямо в губы и прямо в коней.

Ах, как всё это нынче забыто,
ах, как больше уже не нужна
наша грустная жизнь из гранита,
наши подвиги и стремена!
Но за всю нашу славу былую
ничего мы не просим у вас,
кроме вот — одного поцелуя,
хоть воздушного... хоть не сейчас.

* * *

Оказалось, я пишу непрактично...
только этого ещё недоставало!
Было время, я писал непонятно,
было время, я писал тяжело...
Может быть, я престарелая птичка,
что не знает никакого порядка
и летает кое-как, как попало,
ударяясь о стекло, о стекло?

Было время, все писали несносно,
но теперь уже все пишут прекрасно,
ибо все накоротке с небесами
и сдают туда своё ремесло.
Было время, пели ели и сосны,
было время, пели гусли и прясла,
было время, вообще не писали,
но, к несчастью, это время прошло.

Время требовать от музыки — мяса,
время требовать от облака — веса,
время требовать от лотоса — спроса,
и рулеткой измерять благодать,
раз крылатые сандали Гермеса
и его же плутовская гримаса
занимают в небесах столько места,
что самих небес уже не видать.

ЧТО-ТО СО СВЕТОМ

Что ж Вы так грустно — а, моя радость? — что ж Вы так кисло
всё говорите — а, моя радость? — всё не об этом...

Лампа мерцает, лампа мерцает, лампа погасла:
что-то со светом, ясное дело, что-то со светом.

Это электрик, пьяный затейник, дети-засранцы
провод порвали, это приборы вышли из строя.
Это капризы осатаневших электростанций,
это погода, время такое, время сырое,
это проделки капиталистов и коммунистов,
страсти-мордасти, когти тирана, крылья террора,
наших путей скалистых и каменистых,
наших небес над башнями Эльсинора,
это газеты, их заголовки, их заготовки,
это агенты инопланетных цивилизаций,
это пророки, это профаны, это отставки
власть предержажших, волки и овцы, лисы и зайцы.

Вы не волнуйтесь, это всегда так, это везде так:
всем достаётся — и невиновным, и виноватым,
Вы не волнуйтесь, Бог наградит их — жалко лишь деток.
Что-то со светом, всем белым светом, что-то со светом.

* * *

До чего ж я люблю эту тишь, эту гладь,
благодать эту Божию — и Лорелею:
так бы сесть вот однажды и пе-ре-чис-лять,
но — увы, не сажусь и не перечисляю
рыбака, челнока, гребешка ли — ни-ни,
ничего, никогда, ни за что... да и где там!
Есть кому перечислить: Господь, сохрани
всех поэтов и будь благосклонен к поэтам —
за умение ткать, за умение пряхть,
за умение сесть и увидеть как есть
всё что есть — и низать эти длинные бусы,
и низать, и низать... и всю правду сказать!

Ах, тихи небеса, да шумят мои бесы:
эти суффиксы, префиксы, флоксы в саду...
нет, не строится ряд, и шумят мои бесы:
ничего, говорят, что не строится ряд,
Вы имейте в виду, говорят, что в аду
у нас, в общем, другие совсем интересы,
да и публики нет надлежащей в аду
для приличной пиесы...
И коптит моё небо, и травы горят,
а слова мои наги, слова мои босы,
и кривится мой рот, и не строится ряд,
и шумят мои бесы, шумят мои бесы.

* * *

И когда меня вызовут на суд,
я — клянусь, что без всяческих напад —
расскажу там, что жизнь — это не пруд,
расскажу, значит, там, что жизнь есть сад.

Даже если к стене меня припрут
и к столбу примотают бечевой,
я отвечу, что жизнь — это не труд,
это праздник — и больше ничего.

А начнут про стихи — так без стыда
я скажу, притворяясь дурачком,
что стихи — это не плоды труда,
но бирюльки, поддетые крючком.

А тому, для кого плоды труда,
я скажу: не пишите никогда,
Вы не ту себе выбрали мечту,
потому и стихи у Вас в поту,
а должны, извините, быть в росе —
все.

ЗИНЗИВЕР

Вот и закончился, стало быть, наш разговор — так и закончился, стало быть, как начался: всё небеса, небеса — и опять небеса... Вам бы одни небеса, господин Зинзивер, горе мне с Вами! Когда Вы вернётесь назад, то принесите с собою немножко небес, чтоб мне понять, почему Вам не нравилось здесь и для чего было надо туда ускользать. Здесь у нас нету небес, а не то б я и сам, спрятался где-нибудь... в папоротнике, в плюще — да пригляделся получше бы к тем небесам, что в них такого хорошего — и вообще. Но вообще-то Вы правы, и это я зря — с горя напившись дурного вина, например, — старый веду разговор, господин Зинзивер, собственно, даже не с Вами уже говоря, собственно, даже не с Богом (увы, малOVER), собственно, и не в пространство, а так, в никуда — ах, господин Зинзивер... лабуда-ерунда! — собственно, даже не то чтобы и разговор. Не разговор, а допустим, такой револьвер — взять револьвер и как выстрелить по тишине! Впрочем, да что же я всё: «зинзивер», «зинзивер»... Только я правда не знаю, кем Вы были мне.

ТВАРИ ТВОРЧЕСТВА

Елене Корневой

Ах, высокий произвол,
да придёт к нему удача:
он работает как вол,
он работает как кляча,
он одних чернил извёл —
полгаллона, полтора ли,
он одних гостей назвал —
две деревни с хуторами!

Пусть ему судьба воздаст
или гости дорогие
за его тяжёлый крест,
за его мозги тугие,
а ещё за то, что звёзд
всем на небе не хватает,
и ещё за то, что — прост,
и тяжёл, и не летает...

Ах, высокий произвол,
подцепи его за лацкан,
чтобы он, искусства вол,
был вниманием обласкан!
Сколько тут знакомых лиц,
как тут людно, как тут пусто:
здравствуйте, искусства лис,
здравствуйте, свинья искусства...

НА ДАЧЕ

А кем мы войдём в историю — ах, Ваши бы мне заботы, тем паче в таком застолии! До этой бы до субботы допрыгать весёлым козликом, а там уж — куда кривая... гонясь за далёким отзвуком, но звука — не узнавая!

Ах, Ваши бы мне прозрения и Ваши бы мне надежды — всё предугадать заранее и всё получить однажды, да вот... отвлекают мелочи — трезвонящие москиты, а также всякие сволочи, подобные Вам, простите!

Тем паче в таком застолии, тем паче на этой даче я, если войду в историю, то — скверную, не иначе, борцом за чужие ценности среди посторонней паствы — прекрасные тем, что в целости они вполне безопасны:

как подданный одной женщины — имя её Маргрете, курящей такие вечные грустные сигареты, кораблики именующей, строящей их по рангу, и сильно напоминающей постаревшего юнгу.

* * *

Это дело такое: тут нужен покой
и высокое небо.
И какой-никакой карандаш под рукой
и бумаги обрывок.
И проулочек, с птичье крыло шириной,
и в попутной кофейне
чашка кофе под пенкою под кружевной
и кружок шоколада.
И уменье держать вдох и выдох в руках
за тяжёлые гривы.
И полпинты отваги — иначе никак,
и полпинты везенья.
И кредитная карточка, где на просвет
виден Бог недовольный...
Я надеюсь, что я объяснил или нет
мою неплодовитость.
Ибо я всё бегу сквозь ночную пургу —
ни огня, ни ночлега...
— А чего ж ты не пишешь стихов на бегу?
— Задыхаюсь от бега.

* * *

Пора поменять имя — наследуя древним японцам,
обычно менявшим имя, меняя форму письма.
Не стать ли мне Румпельштильцхен — или хотя б Рапунцель?
А форма письма, пожалуй, давно поменялась сама:
мои ускакали кони, мои расшатались туры,
и, как две пустых стеклотары, офицеры лежат в пыли...
Ах, оставить бы это поле, но я слишком люблю повторы,
Боже, как я люблю повторы — куда б они ни вели:
эти «дважды в одну реку», эти «трижды в одну лужу»,
когда память кричит криком — и отчаян её глас!
Погоди, я и сам знаю, погоди, я и сам вижу,
погоди, я и сам сдамся, но... эх, раз да ещё раз!
Только волны бы набегали — и за краешек перелили,
и, не зная, что перелили, продолжали плескаться во тьму!
Я люблю эти переливы, я люблю эти параллели —
эту тетрадь в линейку, эту тетрадь по письму,
это упорство мэтра, эту честность и тщетность метра,
эту неизбежность утра и его беспощадный свет,
эту сказку про рыбака и рыбку, эту бабу у разбитого корыта,
эту роскошь возврата: туда, куда возврата — нет.

* * *

Неужели я так много написал...
ради Бога, извините — не хотел!
Просто день сперва, а после век летел,
и я как-то не засёк их по часам.
И в начале было слово, а потом
слово за́ слово... и дальше как всегда.
А очнулся — предо мною целый том
и подмигивает рыбка из пруда.

Так бывает: заиграешься вконец
праздным камушком, забудешь счёт векам —
и внезапно пред тобой стоит дворец
и ласкается, как пёс, к твоим рукам,
и какая-то уже там жизнь вокруг:
танцы-шманцы, званый-вечер-с-италья...
и дворец твой отбивается от рук —
своевольничая, значит, и шая.

И тебе не остаётся ничего,
как вздохнуть, опять вздохнуть, махнуть рукой:
дескать, я и сам не рад, что он такой...
да простите уж — живое существо.
А вначале-то — обломок, минерал...
думал, я себе таких хоть сто найду!
Помню, всё сидел на корточках в саду,
помню, всё весёлым камушком играл.

* * *

Ни за беседой, ни за скудной трапéзой,
ни по дороге в одинокую кровать
румяный критик мой, насмешник толстопузый,
всё не является — меня критиковать.
Раскисли кисти, и давно не мыты кости,
и дремлют бури, и в столе растёт бурьян,
и ряска тонкая дрожит в бокале асти,
и страсть состарилась, и опыт сильно пьян,
и рифмы кончились, и ритм даёт усадку...
но порох есть ещё, ещё не вышел срок!
Спросите хоть кого: хоть Бога, хоть соседку —
она ко мне порой внимательней, чем Бог,
и только кажется надутой и жеманной,
но дело знает и живёт отнюдь не зря,
и чувствует, как — всё шаловливей, всё румяней,
всё толстопузей — надо мной встаёт заря.

* * *

Здесь ещё никогда не бывало такого обильного снега.
А он падает, падает, падает — и удивляет,
и уже в государстве ни соли, ни дров, ни угля нет —
только снег и Санкт-Йоргена шпиль, как вершина ковчега.

И уже в государстве ни праздников нету — ни будней,
ни богатых — ни бедных, ни новых законов — ни прежних,
ни больных — ни здоровых, ни здравых суждений — ни бредней,
ничего уже нет, никого: ни датчан, ни приезжих.

Только снег и Санкт-Йоргена шпиль... — и чего мы ругались,
сутились, ершились, пытались понять все понятия!
Правда, кто же мог знать, что погоды уже надвигались
и что снег и Санкт-Йоргена шпиль только и сохранятся?

Помолись, святой Йорген, за нас наверху, объясни там
кому следует: жили ужасно, но зла не хотели —
и однажды бы всё удалось и пошло как по нотам,
если б только не эти метели...

ОТЗЫВ НА СТИХИ

А вот здесь — совершенно прекрасно, прекрасно и точно!
Жизнь отдал бы за то и за это, но... нет, не отдам,
а пойду по следам: как они там бегут быстротечно
по просёлочным всяким дорогам и по городам,
как они там бегут быстротечно — и нет им порядка,
нет ума им и нет ничего им, ни здесь, ни вокруг —
разве только тетрадка в линейку... да тёмного предка,
полоумного предка оглядка на что бы — на звук.

Жизнь отдал бы, вторую отдал бы... да только не стану —
а пойду погляжу, как у них там, у предков, дела:
где писали ещё по линейкам, по нотному стану,
нотный стан расшибая о гусли и колокола
и теряя бессмертную душу и смертное тело
на пути в никуда — за капризной музыкой летя,
и дитя перезрелое старческим голосом пело
и потом навсегда умирало, и было дитя.

Жизнь отдал бы — вторую и третью... и сколько их есть там,
в этой новой игре, где как часто костями ни ложись,
а возникнет окошко — с таким долгожданным известьем,
что даётся тебе, бедолага, ещё одна жизнь!
Значит, что же... гуляй, а как выпишься после попойки —
будешь снова умён, и счастлив, и судьбы фаворит.
Всё прекрасно — жаль только, что музыки нет ни копейки,
в остальном же — прекрасно, божественно, что говорить!

* * *

Я давно ничего не пишу — разве только стихи,
да и то очень редко, просто до крайности редко:
лишь когда не хватает, скажем, другой чепухи —
пока чай не остыл и пока горит сигаретка.

Много их и не надо — в год хватит трёх-четырёх,
чтоб кому-нибудь дать убедиться: контора пишет
и на свете хватает пока дураков и дурёх,
в своё время не павших — на коих эпоха пашет.

Слава Богу, контора пишет... куда сдаёт
то, что пишет, — теперь вообще ничего не значит:
все слова всё равно разлетятся, у каждого свой полёт
и для каждого что-то своё впереди маячит.

Ничего уже не соберёшь, ничего не сличишь,
и все птицы забыли давно, что такое стая:
ты одна, моя ласточка, ты одинок, мой чиж —
заглянув на минутку и тотчас же улетаю.

АТТРИЦИЯ

Патриции Мортенсен

1

Путь в этот конец берёт долгое время,
ибо этот конец лежит далеко.
Люди приплывают сюда на пароме
и позабывают своё молоко.
Они позабывают фамилию няни
и стихотворение Бородино
и, распуская печальные нюни,
смотрят в окно:
где листья у дерева прозрачны и ветхи,
и они скребутся в стекло и говорят,
что вот перед вами Дерево Бодхи —
но это заметно не каждому подряд.
И всё равно не приходит озаренье,
а наоборот, приходит разоренье
и разочарованье в дорогих облаках,
в дорогих друзьях, в славословьях, в подарках,
да и кроны датские, видишь ли, в дырках...
не так ли, Патриция, — или как?

2

Медленно происходящие измененья
проще простого принимать за постоянство:
от новолунья до полнолунья
как и на чём добираться — неясно.

Но ходит, говорят, один челнок такой утлый,
утлый челнок один такой, говорят —
то есть, говорят, один челнок такой светлый
ходит раз за разом назад-наперёд.
Ходит раз за разом, раз за разум заходит —
правда, очень редко, а почти никогда,
и если, для примера, на дворе непогодит,
то трудно увидеть его утлого следá.
Не поймать челнока — словно рыбку без труда,
на него народу целая чехарда,
но когда ты на нём поплывёшь, то заметишь,
как у норны мелькают руны в руках.
А впрочем, и руны — всего-навсего ветошь,
не так ли, Патриция, — или как?

3

Так получают взвеси: когда два вещества —
как правило, жидкости, но и тоже слова —
смешивают, а они не вступают в связь,
они остаются чужими, и это — взвесь.
К чужим надо быть, конечно, более строже.
Но в сердце есть колокольчик: он есть на страже
и он также есть постовой, либо часовой —
он звонит и кричит, когда кто не свой,
и стреляет в морозный воздух, в морозный воздух...
Ан всё больше гостей — незваных гостей, поздних:
поздних склонений, спряжений, устойчивых выражений...

А часового голос всё напряжённой,
а часовой всё стреляет в морозный воздух —
так оно и бывает при всяческих метаморфозах,
так оно и бывает при всяческих переездах,
что часовой всё стреляет в морозный воздух,
и никто не боится его атак...
не так ли, Патриция, — или как?

4

Мы теперь не давай говорить обо всём трудном,
не давай говорить о котором у нас нету слов —
мы давайте теперь начинаем лететь рядом,
как, например, одна птица и один птицелов.
Они говорят простыми звуками, а не словами, —
щёлканьями, переливами и коротким свистком,
они всегда летели рядом и рисовали
их зелёным и своим лесным языком.
Так, как они были, и мы теперь будем,
а у меня со мною есть крепкая сеть —
я пойму тебя в эту сеть и не дам людям,
чтобы ты им не стала петь или также свистеть.
А поэтому, что мы теперь понимаем друг друга,
нам не надо и ни к чему никаких дебат,
мы узнаём друг друга, как мы знаем и Бога —
просто по Его имени и наугад.
Я пойму тебя и дам весёлого корма,
и ты мне ответишь, смеясь, например, трик-трак.
Если что-то и исчезает, то только форма,
не так ли Патриция, — или как?

5

Хорошо направить обращение ко врачу:
сплю неважно, о врач, и вся жизнь разбита —
или можно зажечь какую-либо свечу
для неустойчивого на ветру оборота,
или выбрать слова поменьшего габарита...
но это я так шучу.

Я вчера повстречал народного Истопника:
русский, целое время проживший здесь.
«Ты не имеешь хорошего русского языка», —
так говорил Истопник... как оно и есть.
А один мой знакомый, умелый игрок на трубе,
который всегда дискутирует все выраженья,
сказал обо мне: «Ты корабль без снаряженья» —
и чуть не заплакал — наверное, о себе.
Но так тяжело это всё не любой берёт —
а тот, кто правее всех, это Хампти-Дампти:
он сидит на стене, он усидчивый оборот,
вот когда упадёт со стены, вот тогда и рыдайте.
Или можно, как говорят, отдаться стихии
вместо чтоб отдыхать на маленьких островках.
Но у нас дела хорошо и глаза сухие...
не так ли, Патриция, — или как?

6

Говорит ему рыбка: что тебе надобно, старче?
Под конец концов останется только это:
только золото есть одно, что не знает порчи,
дорогая рыбка, рыбка золотого цвета...

золотой петушок на его золотом шпиле,
золотое пряслице — как это я объясняю?
Объясняю: и мы там были, мёд-пиво пили
и любили няню Арину, мёртвую няню.
Мёртвая няня на золотом пароме
далеко-далеко отплыла от нашего бережка
и увезла с нею всю историю, кроме
золотой рыбки, пряслица и петушка...
Что со мной? Да аттриция, ухудшение языка,
стиранье из памяти прежних навыков и умений,
собиранье камней — или, как их... камней,
угашение на ветру огонька.
Только дело, понятное дело, не в огоньках,
уже трудно знать, как это есть по-русски:
размывание фона и осыпновение краски...
Не так ли, Патриция, — или как?

СВЕДЕНБОРГ

* * *

Я не помню, какими словами
Вы всё это нарисовали —
помню только рисунок сам:
пара острых и быстрых линий
по податливой тверди синей —
по взволнованным небесам.

Хоть потом ничего не сбывалось
так, как Вами нарисовалось,
но — земной Вам поклон за Ваш
танцевавший по райским кущам
и умевший быть страстно лгущим
милосерднейший карандаш.

* * *

Он сильно вырос — и смущён,
что вдруг так близок к тем вещам,
которых прежде опасался:
что слева смысл, а справа Бог
с полуулыбкой на губах —
чуть горькой, как у Гюисманса.

Он стал спокоен и суров,
ему совсем не надо слов,
он научился обходиться
без колышков и без подпор —
одною музыкаю сфер,
одной идеей триединства.

Он подустал, мой небосвод —
мизинчиком не шевельнёт
ради оваций, чести, денег...
А раньше столько было дел,
когда был небосвод младенец
и под кровать пешком ходил!

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВЕЛИЧИИ ПРИРОДЫ

От обилья родов или видов, кишаших вокруг,
индивид, вроде Дарвина, попросту лезет на крюк:
он устал, он соскучился сердцем, покойнейший Дарвин,
от обилья родов или видов, кишаших вокруг.
От обилья родов или видов, и гадов — и всех,
друг на друге стоящих и верящих в быстрый успех
исторический, — Дарвин измучен, издёрган, надорван
от обилья родов или видов, и гадов, и всех.

Помнишь книжку, учебник... в котором приятный примат,
на глазах поднимаясь, потом оказался примат
колесом эволюции и превратился внезапно
в автомат без каких бы то ни было прежних примет?
Он был нов, и угрюм, и уже никому не смешон:
поднял палку с земли, поднял камень с земли — и пошёл,
и пошёл, и пошёл... в невозможно туманное завтра:
нов, угрюм и тяжёл, и уже никому не смешон.

Потому-то, мой ангел, примата простёртая длань
и наделала дряни — и вся эта, стало быть, дрянь
(уж не знаю зачем — эволюции, видимо, ради)
расплодилась по свету, пардон... куда только ни глянь.
Потому-то, мой ангел, две тысячи книг пропахав,
присягаю, что их не бывает — хороших стихов,
вообще не бывает нигде: не бывает в природе —
всё бывает, казалось бы... кроме хороших стихов.

* * *

Две лошадиных силы духа
истрачено на фугу Баха —
отныне долго будет тихо,
не беспокойтесь обо мне,
и больше ничего извне
не предлагайте: хватит Баха,
мокры глаза, мокра рубаха,
и дождь со снегом по спине.
Я только что был на луне,
был на луне, на самом дне,
и весь промок, и был счастливым —
и больше сроду-веку не
пленюсь литературным словом!
Я просто стану в стороне
от всех моих любимых книг —
и вырву грешный мой язык,
не утруждая серафима, —
и буду помнить тот родник,
чей маховик пронёсся мимо.

ЖАЛОБЫ СУРКА

I

Жаль, ничего-то я не на́жил —
словно бы и не был, и не́ жил:
и ничего не зацепилось
за узкий да бедный мой берег,
не накопилось, не прибилося
незнакомой счастливой волною —
мимо проплыла предо мною
всякая малая малость,
всякая умелость и милость,
всякая доблесть и смелость.
Только и осталось, поглядите,
с чем я на свет появился
и что нам другие в колыбельку
кидают, покуда мы дети.
А уж что в колыбельку кидают,
с тем нам и маяться от рóду —
помню, лежу в той колыбельке:
в каждой руке по мирозданию,
в каждом глазу по небосводу.

II

Жаль, объяснять я не умею,
я и понимать-то не умею,
я и говорить-то не умею,
а скажу — так что-нибудь сломаю:

ветку сломаю с цветами,
дудку сломаю золотую,
любую-то тихую прелесть,
любую-то Божью затею.
И живу я в сломанном мире,
и вокруг — одна невесёлость,
ничего пока не развалилось,
да сносилось уже и покосилось.
Я сижу на сломанной ветке,
играю на сломанной дудке,
собираю от людей подаянье:
один платит мёдом и акридой,
другой задушевною беседой,
а третий ничем не заплатит:
мимо пройдёт — не заметит.

III

Вот я думаю себе потихоньку:
как же мало от чего я завишу —
хоть и спрячусь в тёмную нишу,
а свет всё равно внутри сияет,
хоть уеду в дальние страны,
а сердце всё никак не утихнет
и на те же, на прежние струны
отзывается теми же словами,
хоть и брошу я душу на дороге,
на пустынной дороге у поля,
а она всё равно ко мне вернётся,

словно кошка — или шальная пуля.
И гадаю я днями и ночами,
отчего во мне такой порядок:
хоть и захочу перемениться,
а живу — перемены не чуя,
и поют во мне прежние птицы,
и растут во мне прежние деревья...
ну и ладно, и пусть, и на здоровье.

IV

У других есть весёлые песни,
не весёлые — а всё ж золотые...
впрочем, и мои — золотые,
да они и у всех золотые.
Хорошо, говорю — и повторяю:
у других есть драгоценные вещи,
разные памятные штучки —
в узелке, в шелковом платочке,
тяжёлые кольца да перстни,
не тяжёлые, а всё ж дорогие...
впрочем, и мои — дорогие,
да они и у всех дорогие.
Хорошо, говорю — и повторяю:
у других есть и реки, и рощи —
и куда ни пойдёшь, везде отчизна
и везде небеса голубые.
А в моих небесах ходят тучи
и не слышно человеческой речи,
только Бог говорит, и то нечасто.

V

Вообще-то мы, сурки, не ручные,
вообще-то мы сами не отсюда:
наша пища — свободное пространство
да весёлые Божьи причуды,
и когда мы идём по магазинам,
покупаем только выси да веси
или вот... ничего не покупаем:
так, посмотрим — и уходим восвояси
к нашим норам да пустым разговорам.
Но когда одинокой шарманкой
нас поманит за собой, куда не знаю,
всегда престарелый шарманщик —
обманщик и судьбы переменщик, —
мы своё забываем хотенье,
забываем своё предначертанье
и идём за престарелой шарманкой
навек растерявшейся тенью,
у которой больше нету свободы,
а одни только Божьи причуды.

***

Потому что ведь... разницы никакой —
то ли этой строкой, то ли той строкой
отчитаться за время, за место, за всё подряд!
А над чем ты бездельничал и о чём
разговаривал с музыкой по ночам —
никого это не касается, говорят.

Потому что ведь... эта и та строка —
обе сделаны из одного куска:
матерьял тот же самый, не надо смотреть вокруг!
Там — края разогнув, тут — загнув края:
это тело моё, это кровь моя,
это тело и кровь, что давно отбились от рук.

Потому что ведь... как ты ни причитай,
а не скажешь на́ небе: прочитай,
это я — обо всём, что постиг и чего не постиг;
говорят, там один лишь бесплотный свет,
говорят, там ни тела, ни крови нет —
и, скорее всего, вообще не читают книг.

* * *

Все проходившие мимо меня
были умнее и лучше меня —
кто-то монистами, значит, звеня,
кто-то монетами, значит, звеня:
уличный комик, бродячий танцор,
и алкоголик с разбитым лицом,
и побирuşка с картузом в грязи,
и потаскушка с цветком на груди.

Произносивший тираду с коня
был и умнее, и лучше меня,
и Паганини, игравший с листа,
и оступившийся в реку с моста
юный влюблённый с подбитым крылом,
и полицейский с процветшим жезлом,
слепнувший странник в компании пса
и террорист на пути в небеса...

Кто обирал меня средь бела дня,
был и умнее, и лучше меня,
и убивавший меня много дней
тоже был лучше меня и умней.

* * *

Тут нету ничего такого —
такого... чтоб остановиться,
плениться ролью очевидца
и замереть на месте от
красот каких-нибудь, высот
каких-нибудь...
бывай, синица,
тут нету ничего такого —
скорее уж, наоборот:
и свет как свет, и свод как свод,
и род как род, и сброд как сброд,
и ожерелья, и оковы,
и нету ничего такого,
хоть днём и ночью хоровод
кружится, плачет взад-вперёд
бессмысленно и бестолково —
и крепко заведён завод,
и нету ничего такого,
и повторится слово в слово
за годом год...
бывай, синица,
зарница, бражница, блудница,
и пусть тебе не снится тот —
тот я как я, тот книжный крот, —
кто сам не спит, а только снится.

* * *

Слушай сейчас, мне потом уже так не сказать:
благоприятно не всякое время, не всякое место.
Честный товар понимает, что честный эрзац
тоже проникнет однажды в святое семейство —
ибо в конце-то концов, ах, в конце-то концов
всё завершится каким-нибудь смехом паяца!
Будущность шлет нам пластмассовых — роту — бойцов,
всякое быть уступает дорогу казаться.

Слушай сейчас, мне потом уже так не сказать —
тут, понимаешь ли, вышла такая минута:
кисть пересохла, сломалось перо, затупился резец...
и навестившая нас престарелая смута
ходит по дому, суется в шкафы и листает архив,
ищет чего-то, чего уже нет и в помине:
запах духов, заготовки рисунков, намётки стихов,
список соратников, прерванный на половине...

Слушай сейчас, мне потом уже так не сказать,
не объяснить, почему оно не исчезает —
что непременно должно навсегда исчезать,
если поблизости нету хороших хозяев.
Видимо, дорог кому-нибудь весь этот хлам,
весь этот ужас, застывший пластмассовой лавой.
Видимо, жизнь получается крепче, чем нам
кажется... — и неразборчивей, неприхотливей.

***

Из крайности в крайность (минуя чистилище — училище тех, кто поймёт и раскается, и старый подол не совсем замочил ещё, и скоро отмоется, мокрая курица) — бросаться... живя с тем, что есть и останется, и в позднюю мудрость не красить дурашливость, и, не разбирая, где дом — где гостиница, стараться себе ничего не выпрашивать, и не прихорашивать старенькой грешности, и не привораживать глупенькой святости, но — в общем-то, честно — свой маленький крест нести и — в общем-то, честно — свой маленький сад блюсти. А хочешь блеснуть золотой серединою — так это не здесь (здесь то жарко, то холодно!): любовь позади и любовь впереди неё... не грязь — значит, золото, всё-то здесь золото, всё жизнь — от пустого до полного невода, из рога отсутствия — в рог изобилия. И здесь никогда не тревожат без повода ни Бога, ни чёрта. Ни даже Вергилия.

* * *

Я не то чтоб не уважаю общие мерки,
но глухому совсем не служу — ни одну — обедню,
у меня есть сад размером с почтовую марку,
у меня есть дом величиной с голубятню.

Я б о них рассказал, да короткие были б рассказы,
а с короткими мне отсюда как-то неловко...
Но зато мне завидуют все окрестные бабочки и стрекозы,
и коровка одна — между прочим, божья коровка:

ибо негде им всем приклонить головы их буйной
(правда, я всегда говорю: прилетайте и приклоняйте,
и они прилетают, конечно, — полной обоймой...
или чем они все там летают, я без понятия).

Я считаю, что мне повезло — при моей-то лени,
при моей-то привычке не ждать ничего особо
я считаю, что мне повезло на распределеньи
и садов, и домов, и за всё — большое спасибо!

За труды, за плоды, за находку и за помарку,
за движенье от первого слога к последнему слогу...
Я наклею на голубятню почтовую марку
и пошлю по адресу: Синее Небо. Господу Богу.

ПРИЛЕТЕЛИ СКВОРЦЫ

1

Отец прибывает скворешню,
на самое небо скворешню —
отец совершенно безгрешный,
раз так высоко поднялся:
и там у него небеса,
там стук молоточка, веселье,
и ждут все скворцы новоселья,
наведываясь на леса.

Он так и стоит, как стоял,
друг всем атмосферным слоям,
в глазах у меня: повторяя —
теперь уже прямо из рая, —
что в небо нельзя сыновьям,
в особенности — соловьям,
тем паче — погода сырая...

А Бог наблюдает за стройкой,
за лестничкой нашей нестойкой
с опасно изогнутой рейкой
и тихо ворчит, как всегда,
крылом выпрямляя изгибчик:
«Василий Михалыч, голубчик,
давай молоточек сюда!»

2

Опять все скворцы прилетели ко мне,
опять я к прилёту скворцов не готов,
опять я не знаю, что им говорить.
Сказать, что отец мой теперь на Луне,
где, в общем, достаточно лунных скворцов
и, стало быть, много чего мастерить?

Но как-то, похоже, скворцы не хотят
совсем ничего от меня и не ждут —
они прилетели сюда за другим.
Они посидят и опять улетят —
они и пробудут здесь пару минут,
они и слетелись на память, на дым.

Они навещают любезный приют —
нахохлившиеся, сидят в тишине
от крыши заржавленной невдалеке.
Они никогда ничего не поют,
а если поют, то другому, не мне:
невидимому... с молоточком в руке.

ФЕЙЕРВЕРК

Спите, лягушка, мышка, курочка ряба,
внучка и жучка, спите, дедка и бабка —
все эти пушки просто забава, спи, моя рыбка,
просто большие деньги пущены в небо,
просто гуляет по свету горе не горе,
кара не кара — с пышным букетом, с жаркою плетью...
а ведь купить хотели то и другое:
пусть и не хлеба — пусть и хотя бы бальное платье!
Бальное платье, бальные туфли, плащ звездочёта:
сколько нарядов стало бы сразу, сколько игрушек...
всяких зверушек, плюшевых мишек — просто до чёрта,
а накупили грома и молний, танков и пушек.

Так и бывает, милые дети, так и ведётся:
дядям и тётям хочется смерти, хочется крови —
вот и воюют, вот и стреляют дяди и тётки,
спи, моя рыбка, это всего лишь лишние кроны.
Вон полетела в чёрное небо новая кукла:
ручка отдельно, ножка отдельно, пара кудряшек...
спи, моя рыбка, кукле не больно, кукла привыкла,
спи, моя рыбка, мы обойдёмся и без игрушек —
мы ведь одеты, мы ведь обуты, не голодаем...
жалко, Всевышний не дал нам сердца, не дал умишка:
видишь, как пляшут, весело пляшут в небе задаром
новая кукла, новая книжка, плюшевый мишка!

***

Вот так проходят наши дни: иди и не смотри,
закрой глаза — и так иди, иди и не смотри.
А Он... Он говорил не так, да видимо, Его завет
уже отстал, отстал в пути на пару тысяч лет.
На пару, значит, тысяч лет состарился пилат,
и износился циферблат и механизм внутри,
и облупился прежний лак, и истрепался хилый флаг,
и свежей кровью век набряк, иди и не смотри.
И даже самых грузных лат давно растаял след,
и даже самых страшных дат не помнят звонари,
и, если миром правит рок — теперь это тяжёлый рок,
как записной остряк изрёк... иди и не смотри.
Уже устал разить булат и греть устал бушлат,
уже никто не виноват, ни слуги, ни цари,
ни в том, что всё коварней враг, ни в том, что всё густеет мрак,
что на печи сидит дурак, — иди и не смотри.
Не тот сармат, не тот формат... и так богат магнат,
что он теперь начальник над капризами зари,
что он определяет впрок режим светил, и цвет, и срок
и полагает, что он бог, — иди и не смотри.
Есть у тебя твой малый сад, как люди говорят, —
лелей и не смотри назад, всё врут календари,
и не смотри вперёд, сурок: там на тебя взведён курок,
иди — беднейшей из дорог — и не смотри, смотри.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИНФАНТЫ

У короля было только двенадцать приборов, лишь потому злую фею и не пригласили — взяв наплевав и на весь её взбалмошный норов, и на тот факт, что злодейка пока ещё в силе, взяв наплевав на любых иностранных спецкоров и фотокоров со вспышкой (тем паче — без вспышки) — пусть, дескать, так и запишут в подручные книжки: у короля было только двенадцать приборов!

А в королевстве и так-то всё было ни к чёрту: разные мистики разную чушь предрекали — истово на голубином гадаючи кале и потроша кружевную лебяжью печёнку... И выходило, что дальше всё будет ужасно: жизнь остановится и сокрушится рассудок. И выходило, что тут уже не удержаться и что пора бы нам всем потихоньку отсюда.

И королева стонала: погибнем, погибнем, — требуя нашатыря, валерьяны, шалфею, страстно молилась окрестным богам и богиням и умоляла в слезах пригласить злую фею!..

Но возмущался король: «Ни за что, дорогая,
праздник так праздник — и нечего, стало быть, всяким!..» —
по королевским покоем спокойно шагая
и никаким не внимая ни слухам, ни знакам.

В мире важнее всего этикетная ветошь —
что там нашествие готов каких-нибудь, буров!
У короля было только двенадцать приборов —
это судьба... и уже ничего не попишешь.

* * *

Мелко, мелко волнорезу —
вот и весь вам сказ.
Пар с морозу, баба с возу —
хватит, поиграли в прозу,
будет, будет с нас!
Будет, будет, побродили
по чужим лугам
да понаблюдали дали
золотой счастливой доли,
даденной другим, —
будет, будет...
Наша участь —
вспахивать волну,
пресекать её резвучесть
и — отчаявшись, измучась —
кануть в глубину,
где стихают разговоры
в помраченьи вод,
где заржавели затворы,
где среди подводной флоры
тайный смысл живёт —
тайный, тёмный, безутешный,
друг всех параной,
тайный, тёмный, безутешный,
страшный — но такой домашний
и такой родной!

* * *

Я забыл рассказать Вам про Ригу: Вас помнит орган.
И про книгу мою: не читайте, сплошная мякина.
И ещё: я сравнил наконец пресловутый спазган
с баралгином — и с Вами согласен насчёт баралгина.
Кроме этого, что я забыл... я забыл объяснить,
почему я отсюда уже никогда не уеду:
просто есть одна нить, одна длинная красная нить...
И забыл сообщить, что уже не курю до обеда.
Там какая-то, вроде, осталась ещё ерунда...
да, с собой говорил — ну, о чём мы тогда говорили,
и пришел к заключению, что это всё не беда,
всё однажды само образуется — были бы крылья.
Кстати, вот ещё что: из собак там осталась одна —
нет, не Отто, хотя Вы, конечно же, помните Отто,
у другого — в подпалинах тёмных и хвост, и спина,
и он как-то на днях провожал меня до поворота.
А ещё... был в Манхайме, в собор не ходил,
ибо высшего смысла ни в чём всё равно ни фи́га нет.
И два дня мне всё кажется: я совершенно один.
Да, по поводу рома... Вы правы, он не помогает.

***

Тут вот отчёт за минувший сезон:
узок мой жанровый диапазон,
вирши одне —
выше и выше... зачем, говоришь,
столько уж много твоих этих вирш
там, в вышине?
Хватит-де странствовать по небесам,
время вернуться назад, к малым сим, —
всякой звезде:
ибо у нас, на планете Земля,
северный бог, говоришь, у руля,
лёд на воде,
и в карауле стоят холода,
словно уже ничего никогда
не прорастёт;
да, говоришь, там одни мертвецы,
ан заждались — теплоты, хрипотцы
низких частот...
Я бы и рад, отвечаю, и рад:
дело ведь даже не в том, что — назад,
вниз, с высоты,
да и не в том, что — стихи побросав...
Но в небесах не бывает басов —
только альты.

* * *

И был там сад. Быть может, и не сад,
но если все о нём так говорят,
то, значит, был там сад — и всё чудесно:
от зелени плодов сводило дёсны
и не было уже пути назад.
Так говорили все, кто наугад
отведали того, чем сад богат,
и никогда назад не возвратились —
ввели понятие необратимость
и два других понятия: рай и ад.
Так говорили все, кто из оград,
где яблоки росли, и виноград,
и персики, и прочие гранаты,
ушли ко всем чертям, забыв пенаты —
на всё, что под, сменявши всё, что над.
И Бог там был — хорош он или плох,
но если говорят, что Бог, то — Бог:
мёд-пиво пил и прочее, как все мы...
и тоже сделать ничего не мог,
хоть, говорят, сам не любил системы.

СВЕДЕНБОРГ

1

что Он делает с нами Он ходит за нами следом
и твердит о каких-то ценностях сиротливых
нам о них почему-то нельзя говорить с соседом
и с самими собою нельзя только с Ним и можно
только с Ним нам и можно но Он никакой собеседник
говорит непонятно а главное очень уж тихо
и почти умолкает в преддверии дней весенних
перед Пасхой когда бывает так много вопросов
почему-то обычно одних и тех же одних и тех же
а другие откуда же взять накануне Пасхи
накануне всегда одной и той же надежды
что проснёшься наутро и всё уже стало лучше
всё и так хорошо говорит даже перед Пасхой
а какое уж там хорошо когда вот ведь и вот ведь
ах слова Его тонут в тяжёлой трясине вязкой
и опять на поверхность выходят каким-то чудом

2

что Он делает с нами Он строит нам голубятню
в ней нельзя обитать но нельзя её и оставить
ибо нет на земле ничего ни прочней ни обратной
чем сия голубятня обидно что не для певчих
а для певчих и нет у Него никаких пристанищ
только им ведь не нужно пристанищ зачем им певчим
даже если захочешь пристать или вдруг устанешь
то не можешь ты певчий а певчие все из железа

ну а коли не певчий так вот же и вот же и вот же
голубятни одна за другой ни к чему тебе песни
вместо песен тебе золотые даются вожжи
ты поймёшь это позже но будет уже не больно
что и Дух не поёт Святой ибо Он смиренье
Ему не о чем больше Он смысл постиг и принял
а твоё значит место в акациях и в сирени
или хочешь в шиповнике правда довольно колко

3

что Он делает с нами Он кормит нас манной небесной
Он серебряной ложкою стукнет по краю тарелки
и уже мы сидим на скамейке рядом над бездной
рты открыты а в детских глазах ожиданье чуда
или просто обеда и всем нам хватает с лихвою
и ещё остаётся на ложке достаточно манны
это тем кто прийти не успел и кому роковое
обстоятельство путь преградило таких премного
но бояться им нечего Он и про них не забудет
и накормит их там где застанет на горной круче
в бездне моря в горячей пустыне и ложку остудит
и ко рту поднесёт и прохладна небесная манна
вот поешь сколько сможешь а дальше ступай себе дальше
только впредь не опаздывай значит и лучше уж рано
приходи чем совсем никогда как в последнее время
а то очень тревожно и всякие глупые мысли

4

что Он делает с нами Он правит наши расчёты
никуда говорит не годится сплошные ошибки
ты и сам говорит погляди разберись что ещё ты
упустил занимаясь сложением и вычитаньем
слишком крупные суммы голубчик а разность ничтожна
о ту пору как разность должна превышать эти суммы
от которых всем тошно тебе одному лишь не тошно
но потом ты заплачешь и станешь искать эту разность
да уже не найдёшь и никто тебе в том не подмога
а что мир этот держится на вычитаньи понятно
ибо всё никогда не даётся дано лишь немного
но зато оно наше и больше ничьё только наше
за него умирать а покажется умер за мало
всё равно не горюй дорогой потому как другие
умирали за меньшее то что волной прибывало
а потом уносило и памяти не оставляя

5

что Он делает с нами Он чистит нам белые перья
ибо мы Его ангелы и по-другому не будет
даже если мы сами с усами полны недоверья
и всегда улыбаемся эдакой мерзкой улыбкой
полагая что всё это просто фантазии духа
заблудившегося на пути между небом и прочим

а какое там прочее есть только хаос разруха
запустенье и смерть впрочем ангелам это не страшно
им дано воспарить и увидеть оттуда откуда
всё не так безнадежно что здесь всё не так безнадежно
им положено чудо покоя забвения чудо
и великое чудо безмерное чудо полёта
но ещё не сейчас мы не знаем ещё что невинны
мы не знаем что перья белы́ и кичимся расцветкой
оперенья и ходим хвосты развернув как павлины
по земле этой ветхой земле этой ветхой и пыльной

6

что Он делает с нами Он пишет нам длинные письма
молчаливые длинные письма когда Он в отлучке
не про ныне а как бы сказать поточнее про присно
про во веки веков и так дальше ведь есть там и дальше
но отсюда конечно нам дальше пока что не видно
а во веки веков загораживают горизонты
нам и присно не очень чтоб видно но это-то ладно
может статья мы с вами ещё доживём и до присно
а чего б не дожить рядом с Ним-то который предвечен
и так редко в отлучке почти никогда не в отлучке
но на это есть письма и нам получается не в чем
упрекнуть отправителя писем а письма повсюду
на пылающих окнах и на остывающем камне
на бокалов с вином на поверхности на запотелой
на дороге которой проходят последние могикане
или прямо на небе на чистом и облачном тоже

7

что Он делает с нами Он верует в нас без завета
так в Него мы не веруем хоть никогда не поверим
что не веруем так ибо есть у нас книга про это
на другом языке на давно миновавшем наречьи
в ней содержатся странные знаки далёкие знаки
по которым идти бы вперёд и придёшь куда надо
через тернии мёртвые через пахучие злаки
через быструю воду и медленное пониманье
но горяч толкователь и книгу поспешно толкуя
толкователь собьётся с пути и исчезнет из виду
потому что забрёл ненароком в чащобу такую
где тяжёлые сумерки всё похоронят навеки
и захочет кричать не своими чужими словами
высоко воздевая слова над собою как знамя
или или кричать лама лама кричать савахфани...
что Он делает с нами, ну что же Он делает с нами!

КРАСНАЯ НИТЬ

МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ КВАЙ

В памяти — в полный рост
мост через реку Квай...
ну и зачем мне теперь этот мост —
мост через реку Квай?
Древний какой-то пласт —
бренный какой-то мост
и небосвод, чужой и кривой,
низко над головой.

Бешеный соловей
свил из тяжелых свай
самый воздушный замысел свой —
мост через реку Квай,
чтоб оптимист-фантаст
бросился строить мост —
эй, рядовой, вперёд, не зевай! —
мост через реку Квай.

Есть ли тут кто живой? —
спрашивает конвой
и под весёлый железный свист
нежно глядит окрест.
Мечется часовой
кромкой береговой,
но все обитатели этих мест
канули в реку Квай.

Реку взять под арест —
в воду уходит шест
и мёртвых колонну ловит за хвост:
семь миллионов с лихвой.
Всех их какой-то хлюст
складывает внахлёт,
и вот уже надо всю Москву —
мост через реку Квай.

* * *

От взрыва чуть дверь не слетела с петель, а вы говорите...
На то ведь и цель, чтобы целиться в цель, а вы говорите!
Вот тут бы я мог написать и газель,
но время не то, и газель не отсель,
и бьётся в окне днём и ночью метель —
в широком квадрате.

Конечно, однажды не станет и нас — понятное дело.
Случайный фугас — и всё скрылось из глаз, и жизнь пролетела!
Да только как будто бы рано туда —
на что тебе этот подснежник, балда! —
пригнись и беги, раз такая беда,
из зоны прицела.

Всему своё время, мальчиш-кибальчиш, всему свои сроки.
Напрасно ты с жизнью и смертью шалишь... учил бы уроки!
Настанет весна, и закапает с крыш,
и станет вдруг жалко отдать ни за грош
хороший наш мир... а что он не хорош —
так всё это враки!

Враги, говоришь... так прости и врагу — в чём дело, голубчик?
А то не бывает, чтоб в чьём-то мозгу сломался шурупчик!
А то не бывает, что мы на бегу
раздавим какую-нибудь мелюзгу —
всё в жизни бывает на каждом шагу:
окопчик, уступчик...

Ах, пусть нас отпустят опять по домам — приказом по роте —
и все мы поедem по синим холмам в зелёной карете,
и прямо, наверное, в рай загремим —
и будем безгрешны в эфире прямом,
и всё это непостижимо умом,
а вы говорите!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ С ПТИЧКОЙ

...были бы вопросы все давно решены
только нет на свете никакой тишины
ситцевая птичка прилетела с войны
ситцевая птичка прилетела с войны
не пугайся деточка и слезы утри
ситцевая птичка с карамелькой внутри
сладко будет петь тебе до самой зари
сладко будет петь тебе до самой зари
она будет петь тебе всю ночь напролёт
ситцевые песни под ручной пулемёт
ситцевая птичка никогда не умрёт
ситцевая птичка никогда не умрёт
не пугайся деточка огней и теней
карфелька сладкая всей жизни вкусней
а что жизнь не сладкая так дело не в ней
а что жизнь не сладкая так дело не в ней
не пугайся деточка коней и камней
ситец дело прочное всей жизни прочней
а что жизнь не прочная так дело не в ней
а что жизнь не прочная так дело не в ней

* * *

Там оплакано всё: каждый двор и подъезд —
как давно я уже не видал этих мест! —
там на каждом окне до сих пор по слезе
и сплошное passé composé.
Там запуталось всё, всё свернулось в клубок,
и состарившийся усмехается Бог:
дескать, здравствуй, дружок, мы тебя заждались
среди пыльных огней и кулис,
где шатается сцена, и доски скрипят,
и болтаются двери, и чай не допит,
и сбивающийся на фальцет монолог
застревает груди поперёк!

Я поеду туда, потому что устал,
я решу, что пора бы уже по местам
всё расставить, как было: пусть будет опять
всё стоять, и стоять, и стоять!
Но какую веревочку ни потяни,
а не вытащить дня — обрываются дни
прямо на полуслове, на полустроке,
и концы остаются в клубке.
Нет, пускай он укатится, этот клубок,
в те края, где сидел на окне голубок,
о ту пору, как я, о ту пору, как я...
Боже, как я люблю те края!

БЕРЛИН, 9 ЯНВАРЯ 2009 ГОДА

Вот и падает бетонное домино —
ах, бумажное, ах, воздушное домино!
Я вдруг вспомнил, что я там не был давным-давно —
у ворот Бранденбургских, правая сторона...
Между тем лишь оттуда жизнь моя и видна —
всё неплотное, непонятное полотно,
на котором дыра за дырой, за пятном пятно
и чужое крутят кино.

Домино побежало: одна, другая волна —
и заплакал весь город, заплакала вся страна,
и заплакал весь мир, ибо всем нам одна цена:
мы никто, мы кирпичики домино...
И не наша вина, никогда не наша вина,
что не наша война, никогда не наша война
происходит на суше, на море и даже на —
на душе, где всегда темно.

Мы никто: Одиссей чужое смотрит кино
про руно золотое, шагреневое руно —
и сирены поют, и идут корабли на дно.
Только пальчиком ткни — и былым временам хана,
и какая-нибудь шпана, но всегда шпана
объявляет, что жить отныне разрешено
или запрещено, — и падает домино,
и становится всё равно.

* * *

А гильотина скажет вжик —
и неба нет как нет.
И скажет жизнь: прощай, чужак! —
и улыбнётся вслед.
Ты все мосты давно пожёг,
какой же ты герой?
Лети, дружок, на свой лужок —
вот там и умирай.

Дрожит истории движок:
сейчас его толкнут —
и пропадёт твой бережок
из виду в пять минут.
Но для чего тебе вожак,
зовущий в новый рай?
Лети, дружок, на свой лужок,
вот там и умирай.

Кому — вожак, кому — лежак:
мы все на свой манер.
Да не возьмут тебя ни ЖЭК,
ни милиционер,
ни та далёкая страна,
куда ты належке...
А смерть — она везде одна:
и там, и на лужке.

* * *

Вот список забытых вещей:
свисток, закатившийся в щель,
истрёпанный фантик, заржавленный винтик,
охрипшая в детстве пиццаль,
сезонка за прошлый сезон,
слезинка из книжки про дзэн,
рисунок на майке, квартира на Мойке
и градом побитый газон.
Сюда же: изношенный чин,
печаль безо всяких причин,
крушенье иллюзий и пара коллизий
с толпой небольших величин —
с мечтой или прочей тупой,
лет тридцать назад изжитой,
с любовью великой, с короткой разлукой
и жирной под ними чертой.
Куда с этим всем, не пойму,
в какую кромешную тьму,
к высокому Богу, к далёкому магу,
к монарху, к тетрарху — к кому:
тут, дескать, такие дела,
тут жизнь началась и прошла,
и маленький мальчик гремит в колокольчик,
не жалуя колокола.

* * *

Вся эта морока, вся эта напраслина
одичавшей воли
хороша, но, в общем, полностью бессмысленна...
зря мы танцевали.
Зря мы разливали долгожданной публике
золотое зелье —
счастье ускользнуло на случайном облаке
в облике газели.
Короли, поэты, рыцари, притворщики
с рогом Оберона...
Помнишь, раньше было так легко, так творчески —
помнишь, было рано?
Целовались в небе, обнимались на поле,
висли на консоли —
разве мы хотели, чтоб так сильно хлопали,
на руках носили?
Разве мы не знали — злыми, полинялыми
поплетёмся к рампе...
Что ты пишешь кончившимися чернилами
при потухшей лампе?

КИНО

Вот тут у нас домашнее вино,
тут огурцы последнего засола —
так это начинается кино
уютно, хорошо и развесёло:
с сидением на кухне до утра,
когда уже совсем бесцветны лица,
и с запоздалым, лишним ну пора,
теперь уже совсем пора стелиться,
с перетеканьем утра в день-деньской —
забыл какой, но хорошо б субботний,
с похмельем, с посещеньем мастерской
и всякой прочей милой тягомотней,
с ещё одной бессонной ночью и с
надеждою на милость воскресенья,
но — Шахразады прячут свой сюрприз
в колючих зарослях, на дне бассейна,
за ширмою, в шкатулке под ключом,
в тени почти случайных оговорок —
и открываются не раньше, чем
их застигает утро номер сорок...
Вот так и наша с вами жизнь пройдёт —
и пусть проходит, тут уж либо — либо:
не век же нам годами напролёт
плодить шедевры мелкого калибра —
Бог нам судил запутаться в кистях
великой и таинственной мороки
и всех простить, которые гостят
и не покинут нас уже вовеки.

***

Ах ты глупая деточка,
мой небесный дружок,
тут не Божия меточка —
тут обычный ожог,
но уж если и меточка,
то никак не стрела —
тут шелко́вая плёточка
ненароком прошла.

Все блудницы, все бражники
подтвердят как один,
что плохие художники,
а не Тот Господин,
нас уродуют... — радуют
плётками на плацу:
по живому орудуют,
по живому лицу.

Не хоти себе, деточка,
этих шёлковых мук:
ни к чему тебе меточка
да и плац ни к чему б —
нас пусть, прóклятых, балуют,
продолжая трепать:
то малюют, то — милуют,
то малюют опять.

***

И.А.

Жизнь снова с путей не сошла, а могла б —
не зря все подробности поускользали!
Но как говорил один старый араб:
«Мы видели это простыми глазами».
Он плакал тогда, сигареты курил,
одну за другой и другую за третьей,
и нервно придерживал пальцами пыл
дымившихся рядом столетий.

Ах, этот соблазн — соскочить на ходу
на лживый булыжник, прижаться щекою
к камням ледяным и шептать им в бреду
словечко-другое — какое такое:
что, мол, не хочу, что горят все мосты,
что в поезд палят, кочегара убили,
что, мол, не могу, что в крови все кусты
и корчатся мысли от боли...

Ан — вдруг да прорвёмся, была не была!
Какая там разница — веришь, не веришь:
подставит плечо чуть живая скала,
и руку протянет умерший товарищ,
и над головой зачирикает чиж —
с небес, где плывут облака с образáми...
И плачешь, и куришь, и кровоточишь,
и смотришь простыми глазами.

* * *

Хорошо бы не об этом
и, конечно, не об этом,
а тем паче — не об этом,
хорошо бы о былом!
Все мы связаны обетом —
не обетом, так Арбатом,
не Арбатом, так обедом
на Садовом, за углом,
в забегаловке волшебной...
было весело душе в ней!
После, стало быть, крушений
всех на свете кораблей
чем бы память образумить...
вот тебе обед на память —
сколько стоит наша память?
Память стоит пять рублей:
это сразу всё, включая
бочку мёда, чашку чая,
ложку дёгтя, чувство локтя
и конфету-пополам,
и включая ту эпоху,
о которой думать плохо —
хорошо, но очень плохо —
хорошо... тем паче нам!

Там, конечно, всё кошмарно,
мерзость, пакость, грязь и скверна,
все стоят по стойке смирно,
ибо миром правит зло,
ибо никуда не деться
от него... но как чудесно,
как легко, какое детство,
как темно и как светло!

* * *

Тогда ещё стихи водились в сих краях,
тогда ещё — не пав во всех своих боях —
я собирал в саду причудливые тропы,
тогда ещё вели извилистые тропы
в такие тайники неведомой души,
где мир и тишина: укройся и пиши.

Тогда был старый век, и все мы были живы,
тогда на флаге изолгавшейся державы
за молот золотой ещё держался серп —
такой же золотой, но век был милосерд
и каждому давал одежду и еду,
и ставил каждому пятёрку по труду.

Тогда и этот сад был сыт, обут, одет —
и с яблоком во рту сидел в качалке дед
и всё в столбцах газет разыскивал ответ,
которого там не было, да и поныне нет,
и подавали чай под яблоню и вишню,
и каждый раз на чай заглядывал Всевышний.

Тогда был небосвод ровнее и положе,
да и Всевышний был значительно моложе
и обещал, что утешений впереди —
хоть улицы мости, хоть пруд пруди,
и улыбался, безмятежно повторяя:
«Все, кто живёт в этой стране, достойны рая».

* * *

А подобного урагана не было никогда.
Было только тогда, когда лопнул зелёный шарик.
И тогда ещё мой друг детства, по имени Шурик,
со слезами сказал: «Какая большая беда!»
Было только тогда, когда не пойми куда унесло
год, число, номер дома и прочие горькие вещи.
И я вышел из строя и оказался в чаще
непонятного текста — безграмотного и многосло...
Было только тогда, когда промок коробок —
и почти целый день никого не случилось рядом:
всё вдруг сразу забылось — и то, откуда мы родом,
и куда мы идём, и где проживает Бог.
Было только тогда, когда мне обещали прийти в шесть,
а пришли через год, но уже не застали дома —
и увидели, что отныне всё по-другому,
и божественно звенела на крыше новая жесьть.
Было только тогда... и тогда, и тогда, и тогда —
до чего ж оно пёстрое, это лоскутное покрывало!
Но тогда ведь и жизнь была ещё совсем молода,
потому-то и были тогда ураганы, а так — не бывало.

* * *

«Мама, мне жалко!»
Голос из зала

Тут, между прочим, всё поломалось —
всякая малость тут поломалась:
ножик и вилка, обруч и палка...
мама, мне жалко!

Тут, между прочим, всё изменилось —
всякая милость тут изменилась:
кеды, футболка, светлая чёлка...
И, между прочим, всё износилось —
всякая ценность тут износилась:
смысла и толка, ситца и шёлка,
мама, мне жалко!

Детства шкатулка мелко и гулко
отгрохотала всем содержимым,
всем содержимым неударжимым:
ключик-замочек, почерк с нажимом,
краски и кисти, старые вести,
ржавые гвозди,
хоть ненадолго в небо прогулка,
дальше не ездят,

дальше заминка, дальше развилка,
рушится с неба книжная полка,
время крадётся шатко и валко
и пожирает зайца и волка —
мама, мне жалко!

***

Так что же, собственно, ещё сказать о детстве...
Да, в общем, нечего: пустынная страна.
Хотя, конечно же, солдатики, индейцы,
пираты, рыцари и прочая шпана —
они со мной, они и нынче на подхвате,
чуть что не так, чуть жизнь темна или трудна.

В то время как все золотые имена —
серёжи-саши-пети-гали-вали-кати —
они исчезли: улетели на ракете,
вдаль ускакали, вставив ноги в стремяна,
переиначены на выездной анкете
латинской графикой и графикой ивритской —
и их истории сегодня грош цена.

Они растаяли — ледышкой, ириской,
размылись в подписи, размашистой и резкой,
измождены пропиской и перепропиской
и больше, кажется, не значат ни хрена —
по отношению к корветам, замкам, кобрам,
к мечам и саблям... и ко всем другим макабрам,
что и сейчас ещё порой наводят жуть.

Но как любили мы тогда блуждать по дебрям,
где я был дудочкой прохожею подобран,
научен глупостям и вновь отпущен жить!..

* * *

Я был в отчаяньи от той страны,
в которой все мы были неравны,
но говорили, что равны, — и ввали,
и старились, и часто умирали,
и видели совсем другие сны.
А над страной летало вороньё,
но раз мы поклялись любить её,
то... годы шли — и мы её любили:
за что — за чёрт-те что, за изобилье,
хоть это тоже, в сущности, враньё.

И я в отчаяньи от этой вот страны —
в которой все мы, вроде бы, равны,
но говорим, что неравны, — и правы,
и выбрали свободу для Вараввы,
да видим-то совсем другие сны.
И по стране шатается ворьё,
но раз мы поклялись любить её,
то... любим — хоть и морщимся, а любим:
за что — за снисхожденье к бедным людям,
хоть это тоже, в сущности, враньё.

Я от любой в отчаяньи страны,
в которой все равны и неравны —
в одно и то же время, без разбора,
и простака не отличишь от вора,
и все вокруг чужие видят сны —
лгут, правда что свои... ах, Бог бы с ними:
их ложь не рушит никаких основ,
и дразнит их Ниспосылатель Снов
своими челноками расписными.

* * *

Вечный поиск иных светил
да скитанья далёким небом...
потому я так много всего забыл —
будто бы никогда и не был,
будто и не родился в этих местах,
не был в очереди за репкой!
Уж теперь из меня ничего не достать —
ни багром, ни цапкой,
ни добром, ни чем-нибудь там ещё б,
ни мытьём, ни кáтаньем
в темноте заповедных этих трущоб —
...разве взрывом атомным.
Что во облацех, значит, темна вода,
что в колодцах — одна беда,
и когда я опять прихожу сюда,
то не вижу здесь ни следа
тех, кто с галками воевал,
кто тиранил «немку»,
кто убил меня наповал,
с кем ходил в обнимку.

ПРИ ЦАРЕ ГОРОХЕ

...а вот разрухи при царе Горохе
совсем не помню, разные огрехи —
это пожалуйста, шуты и скоморохи
свидетели, всё было, но разрухи —
её не помню при царе Горохе —
ходили, правда, всяческие слухи,
мол, ждут нас в будущем измены да подвохи,
пришельцы, трёхголовые телята,
огонь кометы на исходе лета...
короче, что всё будет очень люто
и будет падать замертво валюта
в болото лебединого балета —
так щебетали птахи и старухи,
воспитанные при царе Горохе,
и улетали на свои застрехи,
и все им верили, и всех терзали страхи...
случайность, нарядясь в необходимость,
смущала и запутывала демос,
над головой носился Нострадамус
и гадил сверху, из другой эпохи...
дела, конечно, были очень плохи,
ан не настолько, чтоб пищало в брюхе
от голода — шуты и скоморохи
свидетели, что при царе Горохе
мы все ни в коем случае не злату
молились, не булату, но билету
в Большой, а если даже и булату,

так не тому... — божественному плуту,
купившему за небольшую плату
всех сразу на единственную ноту,
известную ему, но этой крохи
вполне хватало при царе Горохе
и даже оставалось на орехи —
нет, даже доставалось на орехи,
не помню, да и сам язык был младше...
чуть младше — нет, не хуже или лучше,
а раньше, и, как выяснялось, тоньше,
без мата, и у каждой почтальонши,
да что там почтальонши — кастелянши,
за нею раз пятнадцать повторимши,
вполне спокойно можно было брать уроки
культуры речи при царе Горохе —
культуры речи и культуры встречи,
не говоря уж о культуре первой ночи,
или культуре вечности... короче,
культуры думать так, а не иначе,
не замечая нависавшей тучи —
их было много при царе Горохе,
и все темны, шуты и скоморохи
свидетели, что часто моросило,
поштормливало, уносило силы,
ломало страшно, но, попив рассола,
все снова поддавались на посулы
судьбы-обманщицы, сухарики и сало
на завтра запасая, а сивухи
всегда хватало при царе Горохе —

да и куда же без неё, дурёхи,
дурёхи, сватья-бабы Бабарихи...
и вот что странно: сердце в общей суматохе
не било, так чтоб очень уж, тревоги —
Бог не тревожил, но имелись боги:
бог ветчины, севрюги и наваги,
бог мини-юбки, джинсов, буги-вуги,
бог дачи в Кратове, Малаховке, Барвихе,
и виден был на свет в любой прорехе
не тот, так этот бог... при каждом взмахе
полотнища в столбе пурпурной пыли
порхали группы ангелов и плыли
над нами, находясь не то в запале,
не то в опале — подо всех копали,
включая ангелов, и те же заварухи
происходили при царе Горохе,
что и теперь, шуты и скоморохи
свидетели, что все мы, как проказы,
боялись разных козней — и, как козы,
неслись вперёд, не думая о крахе,
притом что, в общем, при царе Горохе
известны дальновидные указы,
и, слава Богу, не было разрухи,
подобной нынешней...
шуты и скоморохи
свидетели.
И дети.
И стрекозы.

САЛЮТ

Так сильно небесные пушки палят,
как будто немецкие пушки палят, —
не бойся, дитя, это просто салют,
огней бесполезный полёт.
Не бойся, дитя, никого не убьют,
уют создают... понимаешь, уют:
уют создают — и палят, и поют,
палят, и палят, и поют.

А если случайно кого и убьют,
то это не страшно: он сам виноват,
не понял, что всё это просто салют,
огней бесполезный полёт,
что всё это к новому счастью прелюд,
что все вокруг были несчастны сто лет,
но после купили себе арбалет
и пушку, и в небо палят.

Не бойся, дитя, они просто шалят —
шалят и сбивают с небес самолёт,
шалят и сбивают с небес драндулет,
в котором сидит Абсолют...
Но всё это так, они просто шалят,
и звёздную пылью пылят, и поют —
и плачет, разбившись об лёд, Абсолют,
но в этом он сам виноват.

* * *

То капризы сердечной аорты,
то истерики мелких петард...
А однажды мы были бессмертны
и рядком выходили на старт,
но, финала смешную приманку
оставляя, конечно, чужим,
твёрдо знали: вот кончим разминку,
а потом навсегда убежим.

Подобравши свои неужели,
жили-были и — что там? — нули,
мы и впрямь навсегда убежали
и следы за собой замели,
ни полян не оставив, ни просек
и такую придумав судьбу,
чтоб почтенный какой-нибудь классик
завертелся юлою в гробу.

Ан пора успокоиться классику
да и нам... — осмотреться в пути
и бессмертными санками по снегу
пару вечных штрихов провести.

***

Ничего не случилось. Весёлый верстак
постучал и замолк, заперев свою челюсть
на запор, на замок, — и всё кончилось так,
как положено, и ничего не случилось.
Был ноябрь — нет, не так: был ноябрь ноябрём,
отмывались водою кровавые пятна.
Становилось понятно, что мы не умрём.
И что мы не живём, становилось понятно.
Сад давно был не сад никакой — сад был сед.
Дискобол отодвинулся от дискоболши.
Зажигали огни, но давал этот свет
ровно столько, чтоб всем не попа́дать — не больше.
День у края стоял и держался как мог —
на каком-нибудь ветхом «навряд ли», «едва ли».
В горле — нет, прямо в сердце — собрался комок
и мешал говорить, и слова застревали.
И часы, зажимавшие время в зубах,
навсегда забывали про велеречивость
и упорно молчали.
И дай-то нам Бог,
чтобы завтра опять ничего не случилось.

* * *

Поедемте с вами на Праздник Старого Года,
прокатимся вместе по всем его узеньким датам,
а слёзы ронять — не пристало убитым солдатам,
поедемте с вами на Праздник Старого Года.
Поедемте в саночках и упадём на колени
за то, что всё кончилось, в общем-то, благополучно:
бежали по минам, простаивали в оцепленьи,
сжимая в руке дорогое колечко-малечко,
молились снарядам, блуждали по чёрным болотам,
писали домой всё в порядке, увидимся в мае,
но знали, что кончилось время, и всё понимали —
кому ж ещё и понимать это, как не убитым!
А кончилось, стало быть, славно: нелепою смертью
для нас и — нелепою жизнью для... для остального,
и мы сокрушались о тех, кому снова и снова
ещё одну жизнь проживать — и вторую, и третью,
и где-то опять проживать, воевать, волноваться
по поводу завтра — какая там будет погода —
и слушать прогнозы заоблачного полководца
про все безнадежные нежности Нового года.

4 ФЕВРАЛЯ 2012

Что бы ни чернело в черновике,
что бы ни темнело невдалеке —
у меня белая ленточка на руке,
у меня белая ленточка на руке.

Я пойду куда-нибудь — вот хоть в сквер
постоять у озера, например,
ничего не взяв с собой, налегке, —
у меня белая ленточка на руке.

Постою с опущенной головой,
пошепчу на утичьем языке,
ибо я, видите ли, живой —
у меня белая ленточка на руке.

А потом... пусть думают, что я пьян, —
я начну кататься по той траве,
по какой ходил король Кристиан,
со звездой жёлтой на рукаве.

Ибо тут, на крохотном островке,
я, простите, сам себе атташе.
У меня белая ленточка на руке.
У меня белая ленточка на душе.

* * *

Вот... а коняшку ведь можно нанять у Палашки
(есть там такая Палашка, душа-человек) —
всем раздаёт по коняшке, не просит за них ни полушки,
ибо на что ей полушка, глупышке такой... имярек.
Что-то сломалось на свете и вмиг потерялось —
правда, пока мы не знаем, как это зовут,
и проверяем придирчиво каждую впалость:
тут, дескать, вроде бы, пусто... и тут вот, и тут.
Только был некий щелчок нехорошего свойства:
рядом, поблизости — некий избыточный звук...
Впрочем, стоит, как всегда, оловянное войско,
не выпуская оружия, значит, из рук,
и хороши, как всегда, наши радиосводки,
и генералы пышны, и бои не страшны,
и возвращаются все, кто в разведку ушёл, из разведки —
с той стороны и неважно с какой стороны...
Стало быть, всё, как положено, — если б не этот
звук непонятный, прокравшийся в сердце, как тать, —
можно бы и наплевать, только это не метод:
жизни, как прежде, уже никогда не бывать.
Нам бы лишь день простоять, не зовя неотложки,
нам бы лишь ночь продержаться без... знаете, слов!
Вот. А коняшку-то можно нанять у Палашки —
Савиной, значит, Палашки — всего и делов!

***

В этом направлении — смятение всех дат
и ландшафт совсем не такой,
в этом направлении стихи не идут,
как ты их туда ни толкай.
Как ни уговаривай и как ни моли,
ослик не желает назад,
как ты кукурузою его ни мани,
не идет — и всё, супостат.

Ах ты, старый ослик, упрямец ты мой,
как же мы вернёмся домой?
Ах ты, старый ослик с кукурузой во лбу,
Как же мы обманем судьбу?
Вот и рифма точная уже тут как тут,
и размер подстроился... ан —
в этом направлении стихи не идут:
там туман и снова туман.

Там нам было сколько... да шестнадцать, боюсь, —
лет, и снов, и песен, и луж,
там у нас был, кажется, Советский Союз
и другая всякая чушь,
и стихи идут хоть на панель, хоть на суд,
хоть на гибель, хоть напролом,
но туда — туда они никак не идут...
а казалось бы, за углом!

* * *

При покупке конфет золотой петушок —
для себя одного, в количестве десяти штук,
может возникнуть милый разговор
на тему «какая хорошая была сказка».
Но давно прошёл ностальгический шок,
все мечты давно отбились от рук,
и страны в стране не видно в упор —
и на улицах скользко.

А сказка и правда была красивой и дорогой,
но теперь в эту сказку, пожалуйста, ни ногой,
потому что её дописывал совершенно другой,
не аутентичный автор.
Он не ел конфет золотой петушок,
он убил семерых и поклат в мешок,
но был у него и другой грешок:
он был автор крайне смелых метафор.

А сказка и правда была красивой и золотой,
но ей, кажется, не хватило одной запятой —
и теперь она сделалась просто такой мечтой —
забытой и ни на что не пригодной.
Но летает над нами золотой петушок —
и не отлетает ни на миг, ни на шаг:
он сильно подорожал, он подрос на вершок,
он боится сказки под названием сегодня.

***

Вдруг привидится в полудрёме
многократная, значит, рать
и как племя вскочило на время
и отправилось умирать,
как в пути потеряло имя,
ибо имени грош цена,
и неслись в безымянном дыме
опустевшие стремяна.
А потом уже всё тонуло
в запоздалой такой слезе,
полоумной слезе финала,
означавшей: конец грозе.
И над всем, что случилось с нами,
перекличка была слышна,
и Мичурин в белой панаме
нам раздаривал семена.

БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ТУЧИ ИДУТ

Такой, значит, сон (обернувшийся явью,
но дело не в этом) — такой, значит, сон:
мы принадлежим к одному поголовью,
и наш приговор уже произнесён,
с небес раздаётся: «Огонь, батарея!» —
и падает первый редут,
и громы гремят, но я еду быстрее,
быстрее, чем тучи идут.

Я знаю, что тут ничего не родится:
земля тут сто лет уже как не щедра,
я знаю, я знаю: мы вольные птицы,
я знаю, я знаю: пора, брат, пора,
поскольку иначе повесят на рее,
как только найдут... не найдут:
простыли следы — и я еду быстрее,
быстрее, чем тучи идут.

Прошедшее время в пространстве измятом
манит, соблазняя землёй обжитой,
и зол машинист, и ругается матом,
и в топку бросает мечту за мечтой,
и плачут в сторонке мои эмпиреи,
с одежд отмывая мазут, —
не плачьте, не плачьте, я еду быстрее,
быстрее, чем тучи идут.

Ах, кто из нас бранник, кто Божий избранник,
не будем... не будем судить впопыхах —
кто в битве кровавой погибнет, из ранних,
а кто-то, из поздних, в кровавых стихах:
мы все тут изгой, мы все тут еврей,
и нам никогда ничего не дадут!
Мы только и можем, что ехать быстрее,
быстрее, чем тучи идут.

* * *

Спи-усни, ничего не найдёшь, ибо не было, не было,
ибо не было, не состоялось, и ни из чего
состоять не могло (небо хмурилось: что ж, небу — небово),
спи-усни, не найдёшь ничего, ибо всё кочево
и никак не видны на поверхности патины, патинки,
сквозь мобильный глазок иноземный родные черты:
эти впадинки, льдинки, ордынки, полянки и сретенки —
как они все хрустальны, серебряны и золоты,
эти льдинки да эти сединки, сурдинки да баиньки...
спи-усни, моя память, такой уже нету страны,
спи-усни, моя память, давно разбежались разбойники,
палачи все расплакались, все изолгались лгуны,
спи-усни, все дворцы превратились в убогие хижины
и стыдятся садиться в присутствии новых дворцов,
спи-усни, все дороги туда и обратно исхожены,
но дорога на то и дорога, в конце-то концов:
быть ей хоженной-хоженной, езженной-езженной, брошенной —
может, мхи и лишайники там... или, скажем, хвощи,
может, стала рекою, строкою, а может, проплешиной,
спи-усни, ничего не найдёшь, ничего не ищи.

КРАСНАЯ НИТЬ

1

Это всё ничего, всё далёкие дни,
всё рассказы одни, разговоры одни,
разговоры родни — даже нет, не родни,
а кого... да хоть птицы на ветке!
Дескать, были такие далёкие дни
из бульжника, стало быть, и из брони,
и вдали, за рекой, загорались огни,
и отряд находился в разведке.

Это было в одной небывалой стране,
что надолго заснула верхом на коне, —
и пригрезились ей в обстоятельном сне
невозможные всякие вещи
вроде царских хором по-над скотным двором,
и победных шелков в толчее облаков,
и смеющихся лиц посреди небылиц —
чьи слова высоки и зловещи.

И сквозь всё, что хотелось тогда изменить,
пробегала, как помнится, красная нить —
ибо требовалось то и дело казнить
тех, кто не был своим в том отряде,
и не то чтобы ради грядущих времён
или связанных с ними больших перемен —
преимущественно ради алых знамён...
в общем, их полыхания ради.

Я про что — я про красную нить, я про то,
как по свету гулял страшный цирк шапито,
как гимнасты в трико, клоун в длинном пальто
со смертельными их номерами
потешали невинных учащихся школ —
за кульбитом кульбит, за приколом приколом —
и как клюквенным соком весь цирк истекал,
и как зрители все умирали.

И как трупы несли на носилках, и как
у них были цветы и портреты в руках,
и как бронзовый ангел трубил в облаках:
дескать, вечная память и слава,
ибо бронзовый ангел наверное знал,
где у нас тут арена, где — зрительный зал,
но не ведал, что лучше из этих двух зол,
и, конечно, считал, что все правы.

Так ведётся у ангелов, я не о них,
я понятно о чём — я о тех временах,
когда даже совсем неразборчивый нюх
чуял свежую кровь отовсюду:
из гостиной, из детской и из кладовой,
из аллеи, накрытой листвой с головой, —
кровь пузырилась лужицей на мостовой
или струйкой текла по фасаду,

орошала престол, окропляла штурвал,
обагряла ковер, заливала подвал,
Карл Антонович, доктор, рекомендовал
добавлять-её-в-водку-ребята!
И никак не кончалась та красная нить,
а зачем, почему — не могли объяснить,
пожимали плечами да хмурились: знать,
комсомольское сердце пробито...

2

Это всё ничего, всё былые дела,
всё нехватка воды, и еды, и тепла,
это вьюга напела, метель намела,
это всё наплела заграница.
Ну понятно, что храм... но при чём же тут срам —
тут у нас по дворам пробегает вольфрам,
тут вольфрамовой ниточкой по вечерам
наша общая вера искрится!

Мы неслись друг за другом, задравши штаны,
мы неслись, прижимая к груди наши сны,
мы неслись, под собою не чуя страны,
а вольфрамова нить трепетала.
Головы у нас не было: что — голова! —
у нас были такие большие слова,
у нас были такие большие права,
у нас были сердца из металла!

Боевые подруги нас прямо в броню
целовали, горела любовь на корню,
и не помня себя под копыта коню
век бросался, и кости хрустели,
и вставал над костями чахоточный дух:
он столбы подымал на плечах на худых —
и бежала незримая кровь в проводах,
придавая упругости стали.

Эта красная нить так умела роднить,
что Великая муть и Великая нудь
превращались внезапно в Великую суть
и вели за собою народы,
и народы бросали свои костыли,
и вставали в колонны, и радостно шли
в направлении обетованной земли,
под свободы высокие своды.

И походный мотив им наигрывал тиф,
и, походный мотив за узду подхватив,
через тернии к звёздам волок коллектив
свою страшную, грешную ношу.
А когда кто-то падал в траву на ходу,
то ему прямо с неба снимали звезду
и, походный мотив волоча за узду,
не жалели погибшую душу.

Это было в одной небывалой стране,
это было на дне, это было над не —
где миллионами звёзды паслись в вышине:
всем усопшим хватало с лихвою,
и все звёзды низались на красную нить:
звёздам не полагалось ни гаснуть, ни гнить —
им всегда полагалось согласно звенеть
и согласно сиять над Москвою.

А грядущее било и било в набат,
но уже не считали великих побед,
и, хотя урожай был грозой побит,
Дух Святой оделял нас хлебами:
у Него было множество всяких хлебов —
в основном для различных духовных забав,
но, на время об этих забавах забыв,
те хлеба мы терзали зубами...

3

Это всё ничего, всё круги да круги,
разговоры вполголоса, шаг вполноги,
и не то чтобы не было видно ни зги —
смысла, жаль, не видать... но, пожалуй,
и не надо, а только, с другой стороны,
что же делать со снами — ведь были же сны!
Впрочем, сны никогда не бывают честны —
и стираются все со скрижалей.

Век по кругу ходил, век в трещотку трещал,
то мощам поклоняясь, то мёртвым вещам,
чревом думал и этим же чревом вещал,
и тощал, но никак не сдавался.

А приказ раздавался живи-не-тужи —
так совсем не тужили и жили во лжи,
и в припляс на стальные бросались ежи —
в ритме марша и, может быть, вальса.

Боже праведный, как мы умели плясать,
как плясали в полях, как плясали в лесах,
у рабочих станков и в чаду рудников,
на плацу, на снегу, на болоте,
на глухом пепелище, поросшем былём,
на привале, глотаючи жидкий бульон...
и, убитый в бою, танцевал батальон —
и мы думали, мы на балете.

Как, сражён наповал, командир танцевал,
как, оставшись без рук, танцевал политрук,
как один рядовой, в грязь упав головой,
отбивал сапогами чечётку!

Сам ефрейтор, всегда презиравший балет,
по дороге на небо крутил пируэт
и, никак не смолкая, его пистолет
всё твердил, что... пошли они к черту!

Это было в одной небывалой стране,
на войне, на отвесной стене, на луне,
на изнанке сознания, не видной извне,
на изломе великой идеи:
ах, по красной по нити идя, как в бреду,
под одну развесёлую, значит, дуду,
брали мы пядь за пядью, себе на беду,
и румянились, и молодели!

И вела за собою нас эта дуда
в никуда, то есть... как бы попроще — туда,
где молочные реки и где без труда
и питьё, и еда достаются:
надо только добить рокового врага,
(пара-тройка сражений, и вся недолга!)
и ступить на кисельные на берега,
и иметь с собой ложку и блюдце.

Дескать, вот перевалим за этот редут
и за тот вон редут, а уж там раздадут
всем солдатам приборы — и каждый солдат
сможет есть или пить до отвала.
Ещё пара часов, ещё пара минут —
и конец всей войне, и сады зацветут
и поля колоситься начнут — прямо тут,
где кровавая струйка бежала!

4

Это всё ничего, всё была не была,
это красная нить, что как сажа бела,
это просто зола под собой погребла
наши самые дальние цели.
Но уж ближние цели — лет, скажем, на пять —
этих целей у нас никому не отнять,
не на то нам дана была красная нить,
не за то умирали и пели!

Да и, кстати, пока ещё четко видна
траектория сна, по которой страна
продвигалась вперёд — траектория сна,
наваждения, морока, чары...
Знали: от одного верстового столба
до другого столба нас вела ворожба —
и что правое дело, конечно, труба,
и что дальше одни янычары.

Это было в одной небывалой стране,
заплатившей за счастье по высшей цене,
но не видевшей счастья — сгоревшей в огне
и беспечно спалившей полмира.
Ну, сгорела — и что ж... не дотла, не дотла
а расправивши два подпалённых крыла,
отряхнулась от пепла — и снова пошла,
выполняя приказ командира!

И дивились весьма уцелевшие все,
как легко совершала она *balancé*,
на телеге своей об одном колесе
покоря далёкие сферы, —
и соседи бежали за нею бегом,
и с небес раздавался немыслимый гам:
там румяные тутти летали кругом —
все при галстуках, все пионеры.

Дальше — больше: уже и не снился покой —
мы трудились в небесной одной мастерской,
плоти — той не осталось совсем никакой,
только дух, что летал над водами!
Но во облацех тёмной бывала вода,
и пустыми несли из воды невода,
а спасали лишь песни борьбы и труда —
всё звончее и громче с годами.

Между тем и Идея давно подросла —
не учась ремеслу, не ценя ремесла:
было время — она лишь флажками трясла
да учила стишки к Первомаю.
А как заматерела совсем, стала пить,
стала жить и любить, стала резать и бить
и, за пазуху спрятавши красную нить,
обещалась: я всё поломаю!

Да напрасно... никак не кончался запой:
просыпались к полудню и с болью тупой,
что до песен — какую из них ни запой,
всё о том же, о том же о самом.
И взирал с облаков помрачённый Господь,
как, дрожащие пальцы сложивши в щепоть,
мы тянулись за солью к солонке — чтоб хоть
чем позавтракать... хлебом ли, салом.

5

Это всё ничего: всё сплошные долги,
всё сплошные торги по продаже лужи,
и от понабежавшей сюда мелюзги
просто нет никакого отбоя.
И от бешеных денег скрипит на зубах,
а в столице черно от бездомных собак,
и с прилавков сметают вино и табак,
и пророков низводят в плебеи.

И сжигаются книги, которыми мы
так недавно мостили дорогу из тьмы, —
наконец наши мысли чисты и прямы,
и ура, и вперед, и перо нам
в это самое место... и честь, и почёт
своевольному времени, ибо — течёт
и меняется, не принимая в расчёт
отношения народов к тиранам!

Это всё ничего, всё прошло — или нет,
это фильм, что на шосткинской плёнке отснят:
был когда-то могучий такой комбинат,
был когда-то такой высший разум,
был один вездесущий такой рукосуй,
управляющий жизнью — голодной, босой,
управляющий всей нашей драмой и всей
нашей прозой с её безобразьем.

Да и лирикой тоже: а как без неё?
Без неё сиротеет любое жильё,
и её до беспамятства любит жульё,
страшно падкое на... всё такое!
Впрочем, Бог с ним, с жульём, — тут обидно одно,
что мы так ведь и не докрутили кино
и отныне узнать уже не суждено,
как теперь там, вдали за рекою.

Говорят, там уже догорели огни,
и давно уже больше не помнят резни,
и поют о другом, и кого ни возьми —
каждый кроток и богобоязнен,
дескать, каждый сверчок знает там свой шесток
и на дачном участке растит свой росток,
не на запад поглядывая — на восток,
ибо с ним пуповиною связан.

И прекрасно, и некого, значит, винить,
и на зеркало, стало быть, неча пенять,
но бежит, поспешаючи, красная нить
по сосудам, дружок, по сусекам:
с ней никак ничего не поделать, дружок, —
ни в Юрятин не спрятаться, ни на Сен-Жак,
если ты уже прежде её не прижёт
прошлым снегом, дружок, прошлым веком.

Это было в одной небывалой стране,
что поныне видна в дымовой пелене
на лихом скакуне, на горячей волне
дорогого народного гнева.
А куда подевалась — да кто б ещё знал:
говорят, бес попутал, режим доконал,
Беломор — говорят — изувечил, канал...

Говорят, что попала на небо.

СОДЕРЖАНИЕ

Что делать этому фанту?

От автора.....	7	«Простите, я этого не говорил...»	24
«Да нет, никуда я никем не зван...»	8	«Так я и в этом виноват? ..»	25
«Переписываться с Всевышним...»	9	День занимается.....	27
«В свою защиту я скажу...»	10	«Ну, если так тому и быть...»	28
Сохранить как черновик	11	«Просто мне писать сейчас — не с руки...»	29
1. «Тут такие на деревьях золотые плоды...»	11	Арифметика	30
2. «А потом, мой ангел, делай что захочешь...»	11	1. «Прибавив яблоко к дождю... — поди-ка вспомни...»	30
3. «Не запоминать меня...» .	12	2. «Прибавив яблоко к дождю... — и что ж потом? ..»	31
«Я вчера ходил с шарманкою в первый раз...»	14	3. «Прибавив яблоко к дождю... — я повторяюсь...»	32
«Эту лёгкую строчку волною прибило...»	15	«А ещё я вот что тебе скажу...»	33
Храбрый портняжка.....	16	Автоматическое рождество.....	34
«Отдельность — вообще — не знает, что ей делать...»	17	Что делать этому фанту?.....	36
«Вы читали? ..»	18	1-му фанту	36
«Отпустить летать по небу мысли...»	19	2-му фанту	37
«Это я не к тому, что, мол, если не я...»	20	3-му фанту	38
«И ещё я вот что скажу... нет, не то скажу...»	21	4-му фанту	39
«Бог упаси, никого не сужу...» ..	22	5-му фанту	40
«Ну зачем тебе, скажи, эта песня?...»	23	6-му фанту	41
		7-му фанту	41
		8-му фанту	42
		9-му фанту	43
		10-му фанту	44

11-му фанту.....	45	«Я о тебе напишу ещё,	
12-му фанту.....	47	обещаю я по дороге...».....	67
13-му фанту.....	48	«Махнём, мой ангел,	
14-му фанту.....	49	на просторы...».....	68
15-му фанту.....	49	Объявление.....	69
		«Я восстановлю по памяти...»... 70	
		«Я пишу тебе отчёт,	
		разлюбезный хаос...».....	71
		Ответ.....	72
На языке пираха			
«Рассказать тебе это на двух			
языках?...»	53		
На родном	54		
1. «На втором родном			
всё не так...»	54		
2. «На втором родном —			
названия...».....	54		
«Облаку делалось			
душно в кулаке...».....	56		
«Нам надо переговорить...».....	57		
«Мою душу бросят в городской			
сток...»	58		
«Ложка дикого мёда и веточка			
винограда...»	59		
«Я уехал не в страну...»	60		
Категория определённости	61		
1. «Говорят, я совсем не знаю			
этого человека...»	61		
2. «Между тем, твоя песня,			
мой милый, давно			
уж спета...»	62		
«То славянинца, а то...			
то неметчина...»	63		
«Что там в руках —			
что в облаках...»	64		
«Помню старость:			
семь лет с лихвой...»	66		
		«Я о тебе напишу ещё,	
		обещаю я по дороге...».....	67
		«Махнём, мой ангел,	
		на просторы...».....	68
		Объявление.....	69
		«Я восстановлю по памяти...»... 70	
		«Я пишу тебе отчёт,	
		разлюбезный хаос...».....	71
		Ответ.....	72
		«Вот какая штука,	
		видишь ли...».....	73
		Новый роман	74
		Прощёное воскресенье	75
		Собака Отто	76
		«...что однажды	
		придёт исцеление...»	77
		«Если б мы встретились	
		с Вами, то я б рассказал...».....	78
		«Вот бы приманить удачу...»	79
		«Счастью-то, наверно,	
		уже не бывать...».....	80
		«Ещё говорят, что и это,	
		мол, я сказал...»	81
		«Где-то совсем под рукой...	
		помню, там были слова...».....	82
		«За любой случайный адрес...» 83	
		«Ясное дело, я тоже	
		могу по-другому...».....	85
		Из сербских песен	86
		1. «Вымерзла водица,	
		ты говоришь...».....	86
		2. «В белой метели	
		голуби летели...».....	87
		17 марта	88

«Там пока ещё не враг ты...».....89	«Распрекрасный
«Я написал, да забыл,	такой план...» 107
то есть не написал...»..... 90	«Не сменять ли мои арии...»...108
«Ничего мне	«Уже столько воды утекло —
не надобно, рыбче...» 91	помилуй нас, Боже...».....109
«С этим можно не делать	Повторение 110
совсем ничего...» 92	Заводная лошадка 111
«Это просто такой язык...» 93	«Только пара сандалий
«Если б жить по старинке...» 94	осталась от этих стихов...» 113
На языке пираха 95	«Кто-то ходит и трезвонит...» .114
1. «Небосвод говорит река:	«Договорим до той черты...» ..115
добрый день, река...» 95	Лодочка из Портофино 117
2. «Горький кофе	«Теперь это, конечно,
молодой травы...»..... 95	детали...» 118
3. «Дескать, нет у пираха	Званный ужин
понятие чистого	с колокольчиком 119
цвета...» 96	«Прислали ангела
4. «Растение дорастает	запасного...» 120
до самое небо...» 97	«Опять божество...
5. «В местное небо не ходят	извините, не думали...».....121
смотреть на звезда...»..... 98	«Есть право пророчить и мышку
6. «Гость приходит за гость —	ловить на мормышку...» 122
и товар на товар	Мы увидимся 123
отоваривает...» 99	«Это что ж за таверна такая...
7. «Птица летит далеко,	не помню, каюсь...» 124
правильный знает...» 100	«...ибо всякая Божия
Находки на ютских	шваль в свой брэнчит
дорогах	колокольчик...» 125
«Тут стрекоза жила	«Снова память
неподалёку...» 103	расшумелась...» 126
«Пара вздохом,	«И можно всё опять связать —
да пол-облачка пыли...» 104	хотя б вот проволокой
«Ты только в город не ходи...» 105	тонкой...».....127
Майнц.....106	«Здесь у нас есть дом
	с трубою...» 128

«А вот это мне на потом...»	129
Находки на ютских дорогах	130
№ 1. «Такая зелёная штука...»	130
№ 2. «Новенькая втулка, ценность без упрёка...» ..	131
№ 3. «Должно быть (должно быть!), от киндер- сюрприза...»	131
№ 4. «Чьё-то проволочное колечко...»	132
№ 5. «Стеклянный шарик, каких навалом, — с отливом алым...»	133
№ 6. «Что-то вроде чего-то вроде...»	133
№ 7. «Всем осколкам осколок, с пожаром на скулах...» ..	134
№ 8. «Полусогнутая пряжка...»	135
№ 9. «Крышка от некоей ёмкости...»	136
№ 10. «А заглянем хоть под этот под тяжёлый половик...»	136
№ 11. «Открыточка с оторванным углом...» ..	137
№ 12. «Может, конечно, и выбросили...»	138
№ 13. «А вот это у нас — от чего?...»	139
№ 14 «Да как-то и не знаю, чем назвать...»	140
№ 15. «Или — летела себе золотинка...»	141

Музыка на Титанике

Музыка на Титанике	145
«Если б я распоряжался этим садом...»	147
«Ещё бы знать тогда, как всё потом...»	148
«Ангелы порхают, в том числе и хранители...»	149
«Оно-то ведь и держит на плаву...»	150
«А ещё тебе скажу я...»	151
«Все стихи однажды уже были...»	152
«Вот в этой шкатулке с секретом...»	153
«Что однажды застыло на западном рубеже...»	154
«Хоровод красавчиков и страшил...»	156
Газель	157
Ёлка, пушка, судно	158
1. «Самое светлое в мире занятие — наряжать ёлку...»	158
2. «Самое тёмное в мире занятие — разряжать ёлку...»	158
3. «Самое тёмное в мире занятие — заряжать пушку...»	159
4. «Самое светлое в мире занятие — разряжать пушку...»	160

«Всё сходит на нет, свет сходит на нет, след сходит на нет...».....	199
Любовь к трём апельсинам	200
Стихи к сказкам.....	202
«Плед женился на кушетке...»	202
По законам живой природы.....	203
Оловянная ложка, мечтавшая о Барселоне.....	204
Маленький сон в полосатой пижаме.....	205
Рассеянный воздушный поцелуй.....	206
«Оказалось, я пишу непрактично...»	208
Что-то со светом	209
«До чего ж я люблю эту тишь, эту гладь...».....	210
«И когда меня вызовут на суд...»	211
Зинзивер	212
Твари творчества	213
На даче	214
«Это дело такое: тут нужен покой...».....	215
«Пора поменять имя — наследуя древним японцам...»	216
«Неужели я так много написал...».....	217
«Ни за беседой, ни за скудную трапезой...»	218

«Здесь ещё никогда не бывало такого обильного снега...».....	219
Отзыв на стихи	220
Уроки русского стихотворства	221
«Я давно ничего не пишу — разве только стихи...».....	223
Аттриция	224
1. «Путь в этот конец берёт долгое время...»	224
2. «Медленно происходящие изменяя...»	224
3. «Так получают взвеси: когда два вещества...» ...	225
4. «Мы теперь не давай говорить обо всем трудном...»	226
5. «Хорошо направить обращение ко врачу...»	227
6. «Говорит ему рыбка: что тебе надобно, старче?...»	227

Сведенборг

«Я не помню, какими словами...».....	231
«Он сильно вырос — и смущён...».....	232
Вечернее размышление о величии природы	233
«Две лошадиных силы духа...»	234
Жалобы сурка	235
I. «Жаль, ничего-то я не нажил...»	235

II. «Жаль, объяснять я не умею...».....	235	«Тут вот отчёт за минувший сезон...».....	253
III. «Вот я думаю себе потихоньку...».....	236	«И был там сад. Быть может, и не сад...»	254
IV. «У других есть весёлые песни...»	237	Сведенборг.....	255
V. «Вообще-то мы, сурки, не ручные...»	238	1. «что Он делает с нами Он ходит за нами следом...».....	255
«Потому что ведь... разницы никакой...».....	239	2. «что Он делает с нами Он строит нам голубятню...»	255
«Все проходившие мимо меня...».....	240	3. «что Он делает с нами Он кормит нас манной небесной...».....	256
«Тут нету ничего такого...»	241	4. «что Он делает с нами Он правит наши расчёты...».....	257
«Слушай сейчас, мне потом уже так не сказать...»	242	5. «что Он делает с нами Он чистит нам белые перья...»	257
«Из крайности в крайность...»	243	6. «что Он делает с нами Он пишет нам длинные письма...»	258
«Я не то чтоб не уважаю общие мерки...»	244	7. «что Он делает с нами Он верует в нас без завета...».....	259
Прилетели скворцы.....	245		
1. «Отец прибывает скворешню...».....	245		
2. «Опять все скворцы прилетели ко мне...»	246		
Фейерверк.....	247		
«Вот так проходят наши дни: иди и не смотри...».....	248		
День рождения инфанты.....	249		
«Мелко, мелко волнорезу...».....	251		
«Я забыл рассказать Вам про Ригу: Вас помнит орган...»	252		
		Красная нить	
		Мост через реку Квай.....	263
		«От взрыва чуть дверь не слетела с петель...».....	265
		Колыбельная с птичкой.....	267
		«Там оплакано всё: каждый двор и подъезд...»	268

Берлин, 9 января 2009 года....	269	«Вот... а коняшку ведь можно нанять у Палашки...» ..	293
«А гильотина скажет вжик...»	270	«В этом направлении — смятение всех дат...».....	294
«Вот список забытых вещей...».....	271	«При покупке конфет золотой петушок...».....	295
«Вся эта морока, вся эта напраслина...»	272	«Вдруг привидится в полудрёме...»	296
Кино.....	273	Быстрее, чем тучи идут.....	297
«Ах ты, глупая деточка...»	274	«Спи-усни, ничего не найдёшь, ибо не было, не было...»	299
«Жизнь снова с путей не сошла, а могла б...»	275	Красная нить.....	300
«Хорошо бы не об этом...».....	276	1. «Это всё ничего, всё далёкие дни...».....	300
«Тогда ещё стихи водились в сих краях...»	278	2. «Это всё ничего, всё бывлые дела...».....	302
«А подобного урагана не было никогда...».....	279	3. «Это всё ничего, всё круги да круги...»	304
«Тут, между прочим, всё поломалось...».....	280	4. «Это всё ничего, всё была не была...».....	307
«Так что же, собственно, ещё сказать о детстве...»	281	5. «Это всё ничего: всё сплошные долги...» .	309
«Я был в отчаяньи от той страны...»	282		
«Вечный поиск иных светил...».....	284		
При царе Горохе	285		
Салют.....	288		
«То капризы сердечной аорты...».....	289		
«Ничего не случилось. Весёлый верстак...».....	290		
«Поедемте с вами на Праздник Старого Года...» .	291		
4 февраля 2012	292		

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Клюев Евгений Васильевич

Музыка на Титанике

Редактор
Наталья Василькова

Корректор
Алла Гладкова

Вёрстка
Юрий Васильков

Подписано в печать 14.01.2014
Формат 70x108 ¹/₃₂
Усл.-печ. л. 14
Бумага писчая. Печать офсетная
Гарнитура Charter. Тираж 1 500 экз.
Заказ №

«Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
<http://books.vremya.ru>
letter@books.vremya.ru
(495) 951 55 68

Отпечатано ОАО ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
book@uralprint.ru

Мне повезло. Я случайно познакомилась с рукописью Евгения Клюева и счастливо удивилась. Первое, что открывается взгляду и слуху, это оголенные смыслы и такая же оголенная музыка, где, например, тавтология — не безвкусица, а поэтический прием, заставляющий видеть и слышать чеканную мысль. Поэзия Евгения Клюева зиждется на двух китах: на романтизме и ироничности, где преобладает самоирония. Меж тем поэзия автора живая и свежая, с реалистичными подробностями. Доверительная разговорность сопровождается улыбкой и усмешкой, которые внушает мастер читателю.

Инна Лиснянская

Pascal Serre
Le tourbillon, 2002